

Юлия Борисовна Гиппенрейтер Продолжаем общаться с ребенком. Так?

*«Продолжаем общаться с ребенком. Так?»: АСТ, Астрель; М.: 2008
ISBN 978-5-17-050807-5, 978-5-271-19818-2*

Аннотация

Настоящая книга расширяет и углубляет темы предыдущей книги автора «Общаться с ребенком. Как?», которая стала лидером продаж благодаря редкому сочетанию научной глубины и ясности изложения.

В новой книге обсуждаются многочисленные вопросы, которые волнуют родителей: «Как его воспитывать? Как приучать к дисциплине? Как наказывать? Как заставить его хорошо учиться?» Разбираются и объясняются новые важные подробности и приемы искусства эффективного общения.

Юлия Гиппенрейтер Продолжаем общаться с ребенком. Так?

Светлой памяти нашего дорогого сына Алеши

Предисловие автора

Эта книга про общение взрослых с детьми и в какой-то мере взрослых между собой. Она продолжает и углубляет темы моей предыдущей книги «Общаться с ребенком. Как?».

Судя по отзывам читателей, первая книга оказалась полезной. Многие говорили мне о позитивных изменениях в их жизни, которые происходили после ее прочтения. На встречах с очень разными людьми – это были родители и дети, семейные пары и одиночки, студенты и люди бизнеса – мы обсуждали трудные вопросы воспитания, проблемы общения, сложные жизненные ситуации. Так накопился живой материал, который вошел в новую книгу.

Помимо живых историй, в книге использованы идеи выдающихся профессиональных психологов, педагогов, философов и мыслителей. Еще одним бесценным материалом стали яркие описания переживаний в произведениях художественной литературы, в воспоминаниях, биографиях и автобиографиях¹. Ведь только через реальные истории, личный опыт и практику можно прийти до глубокого понимания того, что пытались и пытаются передать нам выдающиеся гуманисты – ученые и практики, избравшие в качестве своей профессии помощь людям в воспитании детей и развитии собственной личности. Поэтому каждое «теоретическое» слово я пытаюсь иллюстрировать «практической» историей и, наоборот, в каждой конкретной истории приглашаю читателя увидеть общие закономерности и сделать полезные выводы.

Относительно содержания книги. Мне было очень трудно выстроить строгую линейную «логику». В жизни все переплетено. В течение нескольких дней можно пережить все: недовольство и радость, согласие и противоречия, игры и конфликты, уступки, запреты, наказания, прощение. Если говорить о чем-то одном, то неизбежно цепляется другое. Поэтому разбивать на части и главы пришлось условно, заранее предвидя неизбежность повторения, и уж конечно, пересечения обсуждаемых тем.

Есть темы, которые проходят через всю книгу.

Первая – это **знание и понимание ребенка**. Ребенок одарен от природы, у него сильная потребность расти и развиваться, он умеет и хочет учиться; он упорен, сосредоточен, очарован миром; он непосредственен и эмоционален; он ищет нашего сочувствия и одновременно защищается от непонимания и грубого вторжения в его мир. Успех нашей миссии как родителей очень зависит от того, насколько мы понимаем и учитываем природу детей. Описанию их потребностей, мотивов их поведения, эмоций и переживаний, их внутреннего мира посвящены несколько глав книги.

Следующая тема – **пути и способы воспитания ребенка**. К сожалению, в области воспитания сохранилось много ошибочных мнений, устарелых и порочных традиций. Среди них – практика принуждений, строгих наказаний, «дрессуры», подавления свободы и личности ребенка. Подобная практика сохраняется в поколениях, передается современным родителям, приводит к трудным проблемам в семьях. Часто родители не знают, **как действовать по-другому**, потому что с ними так поступали в детстве.

В этой книге, как и в предыдущей, мы обсуждаем ответы на родительские вопросы: «Как его воспитывать? Как его приучать и дисциплинировать? Как наказывать? Как делать так, чтобы он учился?».

Оказывается, чтобы находить ответы, приходится расширять рамки привычного мышления. Нужно, чтобы в наш словарь вошли не только глаголы «учить», «приучать», «направлять», «заставлять», «требовать», но также и «радовать», «играть», «развивать», «увлекать».

Практические ответы мы находим в деятельности выдающихся ученых, педагогов и родителей. Их опыт, который освещается на протяжении всей книги, красноречивее многих слов. В конце концов, как же еще учиться, если не перенимать опыт мастеров?

¹ Список цитированных источников приведен в конце книги.

Предыдущая тема воспитания, конечно, пересекается с темой **общения**. Она проходит красной нитью через все главы книги. В отношениях с детьми важно не только то, чему мы их учим, но и то, как помогаем переживать трудности. Умение слушать, выражать себя, быть позитивным, разрешать конфликты входят в техники общения. Основы этих техник описаны в моей предыдущей книге. Здесь же (особенно в третьей части книги) они обсуждаются более глубоко, с важными подробностями.

Несмотря на главную направленность книги – воспитание ребенка, – я сочла необходимым включить в нее и «взрослые» темы. На это были две причины.

Во-первых, основные правила и принципы эффективного общения универсальны. Они действуют не только в отношениях с детьми, но и в личных взаимоотношениях взрослых. Правда, в освоении навыков общения дети продвигаются удивительно быстро, обычно опережая взрослых.

Во-вторых, гармоничные отношения между взрослыми – необходимое условие эмоционального благополучия детей и их развития в целом. Поэтому родителям очень важно обращать внимание на стиль общения друг с другом и с окружающими. Надеюсь, что в книге они найдут помощь и в этом отношении.

Многие читатели знают, что просто прочесть книгу и даже много книг «про общение» далеко не достаточно. Нужна практика! Без попыток **пробовать по-новому** – по-новому реагировать, отвечать, поступать, выражать свои чувства – ничего не получается. Старые привычки сидят крепко.

Однако, поверьте, менять свое привычное поведение вполне возможно. Не отступайте! Вначале новые интонации или слова могут показаться искусственными. Искусственность возникает от излишнего напряжения. Но потом это проходит. Новые способы поведения автоматизируются и становятся такими же «непроизвольными», какими были старые.

То, что вы держите в руках эту книгу, говорит о том, что вы хотите изменяться к лучшему. Возможно, вы уже пробуете общаться по-новому и получаете подтверждение полезного, а иногда просто «волшебного» действия правильных техник. Со всеми успехами хочется вас горячо поздравить, так как они вселяют веру не только в прекрасные возможности грамотного общения, но и в ваши собственные силы.

Но это еще не все. Очень скоро вы обнаружите **изменения в самих себе**. Многие читатели пишут, что по мере освоения эффективных техник общения они, к собственному удивлению, начинают чувствовать себя иначе: более спокойно и уверенно. Они начинают лучше понимать детей и близких, меньше раздражаются, больше прислушиваются к чувствам людей, и это идет уже изнутри.

Так работа над внешней стороной поведения меняет **внутреннее состояние** человека! Усилия, затраченные на освоение техник, окупаются сторицей!

Приношу искреннюю благодарность всем, кто причастен к появлению этой книги. Многие родители, друзья, коллеги, известные и неизвестные мне читатели в личном общении и в письмах делились своими вопросами и проблемами, заботами и наблюдениями, успешными пробами, опытом и замечательными достижениями. За ними всегда стояли их дети – живые, искренние, непосредственные, талантливые и одновременно нуждающиеся в нашей помощи. Так создавалось общее доброжелательное «поле», незримое сообщество людей, которые напряженно работали на благо и счастье детей и близких. Это поле обогащалось уникальным вкладом каждого и, в свою очередь, морально поддерживало каждого, в том числе и автора книги.

Я глубоко признательна художникам: Елене Белоусовой и Марине Федоровской за внимательное отношение ко всем пожеланиям автора и творческое воплощение их в рисунках.

Моя специальная благодарность Ирине Умновой, любезно согласившейся просмотреть и отредактировать рукопись. Ее высокий профессионализм в области литературы, журналистики и психологии помог мне увидеть и посылить исправить недостатки как общей композиции книги, так и изложения отдельных глав.

Совсем особая благодарность моему мужу, Алексею Николаевичу Рудакову – неизменно терпеливому слушателю, собеседнику и консультанту по всем вопросам, которые когда-либо приходили и приходят мне в голову. Его ясный ум математика, широкая образованность и безошибочный вкус делали его принципиальным участником и судьей текста, который писался для этой книги. Все оставшиеся несовершенства отношу, конечно, на свой счет.

Часть 1 Ребенок растет

Ребенок – это чудо, которое живет рядом с нами. Мы стараемся его оберегать и помогать в развитии. Мы продолжаем задавать себе вопросы: «КАК – общаться, воспитывать, заставлять, наказывать, исправлять?». Для разумных ответов нам нужны знания природы и свойств этого «чуда».

Природа ребенка

Как и любое живое существо, ребенок активен с рождения. Новорожденные дети поворачивают голову в сторону звука. Двухмесячный младенец ищет лицо склонившегося над ним человека, ловит улыбку, гулит в ответ. В течение первого года он научается смотреть, узнавать лица и предметы, брать игрушки, сидеть, ползать, вставать, ходить, а потом – говорить, задавать вопросы... и многое, многое другое. Учат ли его специально всему этому? Нет, ребенок осваивает сложнейшие вещи сам, благодаря собственной активности.

Стремление к свободе

Жизнь показывает, что когда ребенку предоставляется свобода в играх и занятиях, то он бывает бодр, активен, предприимчив. Наоборот, если его сильно ограничивают, он становится безразличным, а порой упрямым и агрессивным. Подобные наблюдения привели психологов к выводу, что **стремление к свободе и самоопределению** – одна из базисных потребностей человека.

У ребенка она проявляется очень рано. На детском языке стремление к свободе и самостоятельности выражается словами: «я сам», «я сам могу!». При этом ребенок активно ищет и находит то, что ему в данный момент больше всего нужно – нужно для его развития и самообучения. Когда ребенок трудится над тем, что выбирает по собственной инициативе, и добивается результата, он испытывает особое чувство подъема и гордости. Но происходит и большее: у него возникает уверенность в своих силах, желание попробовать и дерзать дальше.

Приведу небольшой, но яркий эпизод, рассказанный одной матерью.

Моему сыну было тогда три года. Мы с ним гуляли во дворе зимой. У нас была горка, а сбоку по ней шла лестница для пешеходов. Горка была высокая, и лестница довольно длинная. Дети поменьше поднимались на несколько ступенек и скатывались с середины горки. Мой сын по возрасту был среди них. Через некоторое время он заявил, что хочет подняться повыше; я не решилась ему возразить, и он благополучно съехал несколько раз. После этого его смелость возросла, и он поднялся еще выше. Наконец, преодолевая страх (я это видела), он залез на самый верх! Я пережила много волнений, но изо всех сил старалась себя сдерживать, чтобы не запретить ему съехать. Вернувшись домой, возбужденный сын с порога крикнул:

- Папа, я могу!
- Что ты можешь? – спросил отец.
- **Все!** – гордо ответил сын.

Можно с уверенностью сказать, что мальчик в этой истории получил бесценный опыт самостоятельного решения, связанного с риском, и победы над собственным страхом. Согласимся, что вывод «Могу все!» дорогого стоит!

А нам стоит отметить, что эти «подарки» обеспечила мальчику его мать, которая проявила мужество – мужество особого рода: давать ребенку свободу рисковать.

Глубокая сосредоточенность

Однажды пожилой профессор, подойдя к кроватке, в которой стоял, держась за перильца, его десятимесячный внук, сказал гостю: «Посмотрите, какие у него внимательные глаза: он будет очень способный!».

Способность к **пристальному вниманию** – это дар, который получает любой ребенок от природы. Нам, взрослым, знакомы такие особые состояния внимания, когда мы заняты интересным делом, «уходим в него с головой». Тогда случается, что мы не слышим обращенные к нам слова или проезжаем остановку, погрузившись в интересную книгу. Очевидно, что в эти моменты в нас идет интенсивная внутренняя работа.

Психологи установили важный факт: чем младше ребенок, тем чаще он находится в описанном состоянии – углубленной сосредоточенности на чем-то. И в этом есть своя «логика»: весь мир для него нов, неизвестен и очень интересен. Количество нового несоизмеримо с тем, что узнает и осваивает потом взрослый. По словам Л. Н. Толстого, взрослый человек проходит в своей жизни версты, а ребенок до пяти лет преодолевает пространство космоса!

Существует легенда о детстве знаменитого физика Нильса Бора.

Рассказывают, что однажды его мать с двумя сыновьями (у Нильса был брат) ехала в поезде. Когда они вышли на своей остановке, один из пассажиров – соседей по купе произнес: «Бедная мать, один ребенок у нее нормальный, а другой идиот!» Этот приговор относился к Нильсу, и причиной было то, что большую часть дороги Нильс ехал с остановившимся взглядом, полукрыв рот, безучастный ко всему происходящему. Пассажир не понял, что мальчик был в состоянии глубокой задумчивости. Способность погружаться в глубокие размышления у мальчика была уже тогда очень развита, что, несомненно, являлось признаком большого таланта.

Не ошибаются ли таким же образом учителя, особенно в начальных классах, прерывая «замечтавшегося» ребенка грубым замечанием: «Миша, ты опять ворон ловишь!». А Миша, может быть, в этот момент глубоко переживает что-то увиденное или услышанное, и богатство этого переживания не идет ни в какое сравнение с наставлениями вроде того, что дату надо писать, отступив на две клеточки сверху и одну слева. К таким состояниям ребенка надо относиться очень бережно!

Удивительная настойчивость

Следующий природный дар, который свойственен всем детям, – удивительная настойчивость. Дети **постоянно упражняются** во всем, что пытаются освоить. Они упорно трудятся, осваивая новое движение или действие, – ошибаются, снова пробуют, повторяя то же самое десятки раз, пока не добьются результата.

Вот один из многих примеров. Рассказывает мать годовалого малыша.

*Я сидела на диване, а мой сын стоял в нескольких метрах от меня, держась за кресло. Он только начинал ходить. Стоять и передвигаться по стенке он уже мог, но когда отпускал руку, то терял равновесие и падал. Он явно хотел перебраться ко мне, и я его ласково звала. По всему было видно, что он хотел до меня **дойти!** Он отрывался от кресла, делал несколько шагов и шлепался на мягкое место. Вставал на четвереньки, полз... **но не ко мне, а назад к креслу!** Там он поднимался на ноги и опять пробовал идти ко мне. Снова шлепался, снова отползал назад. Повторял он это много раз! Наконец, все-таки дошел до меня, качаясь и сияя от восторга! Он явно переживал триумф, а я испытывала вместе с ним не только радость, но и гордость. Знаете, я почувствовала, что он – личность!*

Можно согласиться с матерью. Действительно, этот эпизод показывает, что ребенок не только учится ходить, он проявляет волю и настойчивость, выбирая новый трудный способ вместо простого и привычного. И через такое проходят **все дети!**

Особенная впечатлительность

Известный ученый – исследователь поведения животных, Оскар Гейнрот имел обыкновение

говорить, что животные – это те же люди, только более эмоциональные. То же вполне можно сказать о детях: они – те же мы, только гораздо более эмоциональные и, добавим, более восприимчивые. Их память способна «запечатлевать» некоторые события, на посторонний взгляд незначительные, и хранить их всю жизнь. Иногда это приводит к важным осознанным решениям.

Австрийский психолог Альфред Адлер много занимался детскими воспоминаниями и их значением для взрослой жизни. Приведу пример лишь одной его истории. Это – сокращенный рассказ взрослой женщины.

Когда мне было три года, мой отец купил нам двух пони. Он привел их за поводки к дому. Моя сестра, которая была тремя годами старше, чем я, взяла один поводок и торжествующе повела своего пони вдоль по улице. Мой собственный пони, торопящийся вслед за первым, пошел слишком быстро для меня – и уронил меня лицом прямо в грязь. Вот как бесславно завершилось событие, которого я с таким восторгом ждала! (...)

И тот факт, что позже я превзошла свою сестру как наездница, никогда и ни в малейшей степени не растопил во мне этого разочарования.

А. Адлер справедливо замечает, что случай не просто запомнился девочке, но определил важный вывод и ее жизненную установку: «Если я не буду осторожна, моя старшая сестра всегда будет побеждать. А я всегда буду терпеть поражение, всегда буду оказываться в грязи. Единственный способ обезопасить себя – это быть первой».

В автобиографических воспоминаниях мы находим аналогичные примеры глубоких эмоциональных «выводов» детей. Вот один из них.

Когда Марине Цветаевой было шесть лет, она увидела в концертном исполнении сцену объяснения Онегина и Татьяны в саду (после письма Татьяны). М. Цветаева так описывает свое восприятие и его последствия:

Скамейка. На скамейке – Татьяна. Потом приходит Онегин, но не садится, а она встает. Оба стоят. И говорит только он, все время, долго, а она не говорит ни слова. И тут я понимаю, что... это – любовь: когда скамейка, на скамейке – она, потом приходит он и все время говорит, а она не говорит ни слова.

...Моя первая любовная сцена была нелюбовная: он не любил (это я поняла), потому и не сел, любила она, потому и встала...

...Эта первая моя любовная сцена предопределила все мои последующие, всю страсть во мне

несчастной, взаимной, невозможной любви.

...Если я потом всю жизнь по сей последний день всегда первая писала, первая протягивала руку – и руки, не страшась суда, – то только потому, что на заре моих дней Татьяна в книге, при свечке, с растрепанной и переброшенной через грудь косой, это на моих глазах сделала...

...Урок смелости. Урок гордости. Урок верности. Урок судьбы. Урок одиночества.

Замечательные качества, заложенные в каждом ребенке, – его активность, стремление к самостоятельности, настойчивость, гибкость, впечатлительность и эмоциональность – в благоприятных случаях ведут не только к развитию его талантов, способностей, характера, но порой и определяют его судьбу. Посмотрим более внимательно, как это происходит.

Его внутренний мир

Очарованность

Среди особых впечатлений детства есть такие, которые отмечены яркими переживаниями волнения, восторга, удивления. В них ребенок открывает что-то важное для себя, что-то очень «свое». Попытаемся всмотреться и понять эти чудесные и часто скрытые от наших глаз состояния восторга и, можно сказать, **очарованности** ребенка.

Приведу одно из воспоминаний, которое принадлежит выдающемуся австрийскому ученому, исследователю поведения животных и человека, Конраду Лоренцу.

Конец лета, пожалуй, самое чудесное время года в северо-альпийских долинах... В это время года я часто вновь переживаю минуту, которую помню удивительно ясно, хотя с тех пор прошло семьдесят лет. Я уверен, что тогда еще не учился в школе и даже не умел читать. Мы гуляли по заливному лугам Дуная, и я, непослушно убежав вперед, несмотря на запрет моей опасливой матери и даже еще более опасливой тетушки Ядвиги, стоял среди кустов почти на самом берегу. У меня над головой раздались странные металлические звуки, и я увидел высоко в небе стаю диких гусей, летящих вниз по реке. Человеческие эмоции развиваются очень рано и остаются неизменными до конца жизни. Я и сегодня вновь ощущаю то, что ощутил тогда. Я не знал, куда летят эти гуси, но мне хотелось отправиться с ними. Меня переполняла романтическая жажда странствий, от которой вздымалась грудь и сердце готово было разорваться. И впервые – это я знаю точно – во мне возникло непреодолимое желание выразить себя творчески.

...Романтика моего детства... пробуждается вновь, когда высоко надо мной пролетают наши дикие гуси, и детская мечта становится явью, когда они, словно в волшебной сказке, спускаются на мой зов.

К. Лоренц осуществлял эту **детскую мечту** в течение всей своей жизни. Он не расставался с дикими гусями, выращивая, приручая их, исследуя их поведение. В своих работах К. Лоренц сделал ряд замечательных открытий, за которые был удостоен Нобелевской премии в возрасте семидесяти лет.

Похожий случай «судьбоносного» переживания произошел в жизни Чарли Чаплина, когда ему было пять лет.

Мать Чаплина была эстрадной актрисой и часто брала сына на свои выступления. Однажды у нее сорвался голос, ее освистали, и ей пришлось уйти за кулисы. Возник неприятный разговор с директором театра, который боялся потерять денежный сбор. Но тут директору пришла спасительная мысль – вывести на сцену маленького Чарли. Раньше ему доводилось видеть, как мальчик пел и танцевал, подражая матери. Сказав несколько слов публике, директор ушел, оставив Чарли одного на ярко освещенной сцене. Тот спел одну песенку, затем другую. Из зала стали одобрительно кидать монеты. Мальчик воодушевился, продолжая петь и импровизировать по ходу представления. Концерт продолжался с нарастающим успехом. Это было рождением Чаплина-артиста!

Открытие собственного призвания или жизненной мечты может случиться у ребенка как «удар молнии» от одного яркого события, как мы это увидели в только что описанных примерах.

Но далеко не всегда встреча с предметом будущего увлечения запечатлевается сразу и навсегда. Вместо этого могут накопиться многие, казалось бы незначительные, «встречи-удивления». Мы уже говорили, что внимание ребенка обладает способностью приковываться к новым объектам, «поглощаться» ими и оставлять глубокий след. Такой след обнаруживается потом в узнавании предмета как **«чего-то своего»**, переживании его особой личной значимости.

Чувство предназначения

Независимо от того, как появилось чувство «это – мое», от одного яркого впечатления или от накопления многих случаев радостного удивления, главный его признак – рано или поздно (часто рано!) пришедшее понимание своего будущего **предназначения**.

Обратимся снова к Чарли Чаплину. Семья его жила в бедности, и мальчику рано приходилось зарабатывать на хлеб.

Я продавал газеты, клеил игрушки, работал в типографии, в стеклодувной мастерской, в приемной врача и так далее, – пишет Ч. Чаплин в своей автобиографии, – но чем бы я ни занимался, я помнил, что все это временно и в конце концов я стану актером.

Родители знаменитого художника Марка Шагала мечтали выучить сына на бухгалтера или приказчика. «Слово „художник“ было таким диковинным... в нашем городке его никто и никогда не произносил», – пишет Шагал. Но в один прекрасный день Марк-подросток обратился к матери:

– Я хочу стать художником. Спаси меня, мамочка. Пойдем со мной. Ну пойдем! В городе есть такое заведение, если я туда поступлю, пройду курс, то стану настоящим художником. И буду так счастлив!

– Что? Художником? Да ты спятил. Пусти, не мешай мне ставить хлеб.

– Мамочка, я больше не могу. Давай сходим!

– Оставь меня в покое...

(«Все равно буду художником, – думаю я про себя, – но выучусь сам».)

В описаниях драгоценных событий – открытий ребенком своего пути – можно обнаружить некоторые общие черты. Посмотрим на них.

«Магия» тихой сосредоточенности

Во-первых, подобные откровения, как правило, происходят, когда ребенок предоставлен самому себе, когда он один, внешне спокоен, но его внимание активно. Можно назвать это **минутами тихой сосредоточенности**. Такое бывает, например, когда ребенок в постели; он еще не заснул или не совсем проснулся, тихо лежит и в то же время чем-то занят!

Склонитесь над колыбелью младенца, – писал один психолог прошлого, – и вы увидите, что он что-то ищет. Что же он ищет? Он ищет мир!

Если ребенок уже не младенец, то его поиск мира, несмотря на относительный покой, а может быть, и благодаря ему, очень содержателен.

Вот несколько примеров.

Рассказывают, что когда Россини было немногим более двух лет, он, лежа утром в своей кроватке, обратился к матери со словами: «*Мама, послушай, молочница за окном кричит на сибемень!*», – впервые обнаружив свой абсолютный музыкальный слух (мать Россини была пианисткой, и ребенок уже знал названия нот).

Существует легенда, что малолетний Гаусс по вечерам, лежа в постели, поправлял ошибки отца-бухгалтера, который вслух производил свои вычисления.

Известен факт из биографии Софьи Ковалевской: ее увлечение математикой началось с желания разгадать формулы, которые она рассматривала во время болезни на стене: перед ремонтом стена была обклеена старыми математическими рукописями.

Интуитивно чувствуя плодотворность и своего рода магию атмосферы тихого уединения, ребенок активно ищет это уединение. В приведенном выше воспоминании К. Лоренца можно заметить, что на прогулке он *непослушно убежал вперед*, несмотря на запрет своей матери и тетушки. В результате мальчик находился *один* среди кустов, когда услышал поразившие его звуки гусиной стаи. Пятилетняя Марина Цветаева забиралась в свое тайное убежище – книжный шкаф, чтобы читать любимого Пушкина.

Запретный шкаф. Запретный плод. Этот плод – том, огромный, сине-лиловый том с золотой надписью вкось – Собрание сочинений

А. С. Пушкина. Толстого Пушкина я читаю в шкафу, носом в книгу и в полку, почти в темноте... Пушкина читаю прямо в грудь и прямо в мозг.

Сокровенность переживания

Чем дороже для ребенка предмет его увлечения, тем сокровеннее он для него, тем больше он готов в буквальном смысле **скрывать** его от посторонних глаз. Из той же Цветаевой:

А я влюблена – в «Цыган»... и в игранные слова, которыми все это рассказано. И не могу сказать об этом ни словом: взрослым – потому что краденое, детям – потому что я их презираю,

а главное – потому, что тайна: моя – с красной комнатой, моя – с синим томом...

Известный психолог Карл Роджерс пишет о том, как он скрывал свое детское увлечение. Будучи подростком, он заинтересовался одним из видов ночных бабочек. И началось это так же, как в описанных выше случаях, – с первого сильного впечатления.

Мое внимание привлекла очень красивая бабочка с удивительными зелеными крыльями с красной окантовкой. Я до сих пор вижу этого мотылька, как тогда, глазами ребенка: нечто удивительное, сияющее зеленым и золотом, с великолепными пятнами цвета лаванды. Я был покорен...

Несколько лет мальчик увлеченно занимался разведением этих мотыльков у себя дома: изучал условия их жизни, то, как они питаются, растения, на которых они живут, циклы превращения из гусениц в бабочки и многое другое, став хорошим специалистом в этой области.

Но вот что главное, – замечает Роджерс, – я никогда не рассказывал никакому учителю о своем увлечении. Тот проект, который поглотил меня целиком, не был частью моего официально-

го образования... То, что интересовало меня, было чем-то личным. Это не входило в отношения с учителями. Не должно было входить в них.

Задумаемся, почему «личное» «не должно входить» в отношения с учителями, а порой и с родителями? Потому что ребенок хочет это **оберегать**. Он хочет быть уверенным, что грубое прикосновение или равнодушие не затронет его внутреннего мира, не разрушит чар удивления и увлечения, которые живут в его душе. Он сопричастен этим чарам, переживает их как важную часть себя. И, таким образом, сохранение тайны оказывается борьбой за сохранение себя, своей личности!

Стойкость

Один из самых ярких признаков рано определившегося таланта – постоянная, почти навязчивая, **тяга** к занятиям любимым делом. Возьмем пример из Средних веков. В жизнеописаниях Дж. Вазари читаем о художнике Джотто:

Отец его... хлебопашец и человек простой дал ему под присмотр нескольких овец, и когда он пас их на усадьбе то там, то здесь, будучи побуждаем природной склонностью к искусству рисования, постоянно что-нибудь рисовал на скалах, на земле или на песке, либо с натуры, либо то, что приходило ему в голову... не учился этому ни у кого, кроме как у природы...

Знаменательно, что *склонность к искусству рисования* обнаружилась одинаково в детстве Шагала и Джотто, разделенных семью веками, без и до всякого специального обучения. И это – частый случай с талантом вообще, в любой области. Другой вопрос, что с ним происходит под влиянием обучения, но это – особый разговор.

Ребенок, нашедший себя, не только готов без усталости заниматься любимым делом все 24 часа в сутки, но стремится к этому порой наперекор обстоятельствам или воле родителей.

Отец знаменитого физика Льва Ландау решительно протестовал против чрезмерного увлечения сына математикой, к которой тот тянулся еще дошкольником. Отец насильно заставлял мальчика заниматься музыкой и даже прибегал к физическим наказаниям. Противостояние дошло до того, что в тринадцать лет подросток стал серьезно задумываться о самоубийстве. Положение спасла мать, вставшая на сторону сына.

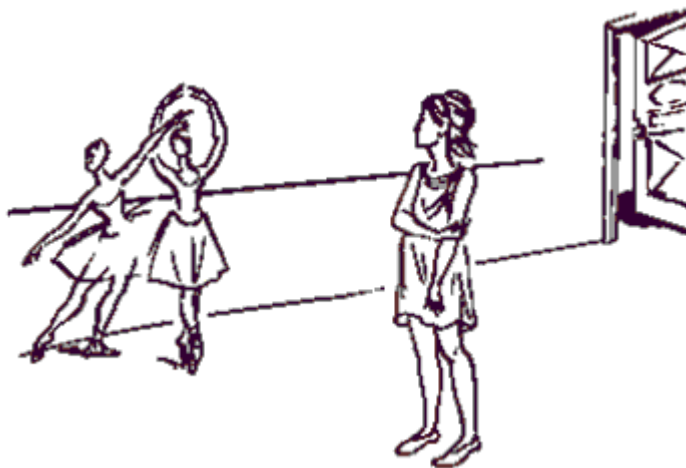
Для Марины Цветаевой трудность, напротив, заключалась в позиции матери. Мать Марины была блестящей пианисткой. Но ее музыкальная карьера не состоялась, и свою мечту она решила воплотить в жизни дочерей. По настоянию матери, пятилетняя Марина должна была часами упражняться на рояле. Однако она механически «отбывала» музыкальные уроки. Настоящей же ее страстью были книги, стихи, чтение – все, что связано со словом. Читать она могла уже в четыре года, но в доме многое не разрешалось читать детям. Однако около рояля стояла этажерка с нотами, и на ней были ноты сестры Леры – романсы со словами! Слова романсов были, конечно, «запрещенные».

Всю эту Лерину полку я с полным упоением и совершенно всухую целый день повторяла наизусть, даже, иногда, забывшись, при матери. «Что это ты опять говоришь? Повтори-ка, повтори!» – «В сердце радость и гроза». – «Что это значит?» – Я, уже тихо: «Что в сердце радость и гроза». – «Что? Что? – мать, наступающая... – Я тебе тысячу раз говорила, чтобы ты не смела читать Лериных нот. Не могу же я, наконец, от нее и этажерку запирающую на ключ!» – мать, торопливо проходящему... отцу.

Свой путь

Чем больше увлечен ребенок, тем яснее он чувствует и отстаивает свой путь. Знаменитая Айседора Дункан почувствовала тягу к особому стилю танца уже в раннем детстве.

Я мечтала об ином танце, – пишет она. – Я не знала точно, каким он будет, но стремилась к неведомому миру, в который, я предчувствовала, смогу попасть... Мое искусство уже жило во мне, когда я была еще маленькой девочкой...

Увидев увлеченность девочки, мать Айседоры определила ее к знаменитому балетному учителю.

...Но уроки мне не понравились. Когда преподаватель велел мне стать на пальцы ног, я спросила его, к чему это. После его ответа «это красиво» я заявила, что это безобразно и противно природе, а после третьего урока я покинула его класс, чтобы никогда туда не возвращаться. Чопорная и пошлая гимнастика, которую он называл танцем, лишь сужала мою мечту...

Сходные чувства описывает Марк Шагал. Вот его впечатление от художественной школы, куда он впервые пришел с матерью:

Мастерская набита картинами, сверху донизу. Все завалено гипсовыми руками, ногами, греческими головами... Всем нутром чувствую, что путь этого художника – не мой. Что за путь – еще не знаю.

Мама озиралась по углам, боязливо оглядывала картины. И вдруг, резко повернувшись ко мне, почти умоляющим, но ясным и решительным тоном сказала:

– Вот что, сынок. Сам видишь, тебе так никогда не сумеешь. Пошли домой.

– Подождем, мамочка!

Для себя-то я сразу решил, что мне так и не надо. Зачем? Это не мое.

Плодотворное «одиначество», сохранение себя и сопротивление грубому непониманию и формальному обучению не исчерпывают всех необходимых условий развития таланта и способностей ребенка. Хотя он сам охраняет драгоценные минуты личной свободы, не менее страстно он хочет поделиться своим увлечением. Однако это возможно только при одном условии: если взрослый (родитель, учитель) хорошо **понимает** его. Отсюда ясно, какая ответственность ложится на плечи взрослого. И здесь нам могут помочь некоторые важные знания.

Постараемся больше понять

Потребности и мотивы

Источник активности ребенка, как и всякого человека, лежит в его **потребностях**. Каждое живое существо активно ищет и, как правило, находит то, что ему нужно.

А что нужно ребенку?

Психологи выявили и описали **базисные потребности**, которые появляются на свет вместе с ребенком. Детям от природы свойственно стремление к познанию, самосохранению, общению, росту и развитию, положительной самооценке, наконец, к свободе и самоопределению.

Потребности превращаются в **мотивы**, или побудители, поведения. Случается, что потребность «встречается» с тем, что ее удовлетворяет. Говорят еще иначе: она «находит» свой предмет.

С этого момента предмет начинает привлекать ребенка, побуждать и направлять его действия. Он стал мотивом.

Так, ребенок ищет общение с матерью, потому что она удовлетворяет его потребность в любви. Ему интересна яркая игрушка, потому что она «питает» его потребность в новых впечатлениях. Он учится ползать, ходить, говорить, и тем самым реализует потребность в росте, разви-

тии и совершенствовании. Чем старше ребенок, тем больше предметов, людей, дел и событий начинают связываться с его потребностями, то есть становятся мотивами.

ТЕЛЕВИЗОР – СОСКА

Впечатляющие опыты, которые показывают врожденность познавательной потребности, были проведены с младенцами двухмесячного возраста.

Ребенку давали соску-пустышку и соединяли ее через резиновую трубочку с телевизором. При этом соска служила пневматическим датчиком. Устройство прибора было таким, что если ребенок сосал соску, то экран телевизора начинал светиться, и на нем появлялось изображение – либо неподвижная картинка, либо лицо говорящей женщины. Если ребенок переставал сосать, то экран гас.

Ребенок был сыт (это было обязательным условием опыта), но и в сытом состоянии он, как известно, изредка посасывает пустышку. Постепенно ребенок «обнаруживал» связь своих сосательных движений с изображением на экране, и тогда происходило следующее: он начинал интенсивно сосать соску, не прерывая эти движения ни на секунду!

Этот результат поражает: уже в двухмесячном возрасте ребенок ищет и **активно добывает** информацию из внешнего мира. Такая активность и есть проявление познавательной потребности.

Познавательная потребность, или любознательность, развивается вместе с ростом ребенка. Очень скоро в дополнение к исследованиям с помощью органов чувств и практических манипуляций (с помощью которых ребенок тоже познает свойства предметов) появляются интеллектуальные формы познания. Они выражаются в классических детских вопросах: «Это что?», «А почему?», «Зачем?», которыми дошкольники буквально засыпают взрослых. А затем (при благоприятных условиях) появляется интерес к чтению, учебе, исследованию природы и людей.

Тонкий наблюдатель Антон Павлович Чехов в одном из своих рассказов описал разнообразные мотивы детей, занятых игрой в лото.

Пятеро детей в возрасте девяти лет и младше остались дома одни. Они собрались вокруг большого стола и играют в лото на деньги: ставка – копейка. Играют с большим азартом!

Самый большой азарт написан на лице девятилетнего Гриши. Играет он исключительно из-за денег. Не будь на блюдечке копеек, он давно бы уже спал. Страх, что он может не выиграть, зависть и финансовые соображения, наполняющие его стриженую голову, не дают ему сидеть спокойно, сосредоточиться.

Сестра его Аня, девочка лет восьми, тоже боится, чтобы кто-нибудь не выиграл. Она краснеет, бледнеет и зорко следит за игроками. Копейки ее не интересуют. Счастье в игре для нее вопрос честолубия.

Другая сестра, Соня, девочка шести лет, играет в лото ради процесса игры. По ее лицу разлитое умиление. Кто бы ни выиграл, она одинаково хохочет и хлопает в ладоши.

Алеша, пухлый, шаровидный карапузик. У него ни корыстолюбия, ни самолюбия. Не гонят из-за стола, не укладывают спать – и на том спасибо. По виду он флегма, но в душе порядочная бестия. Сел он не столько для лото, сколько ради недоразумений, которые неизбежны при игре. Ужасно ему приятно, если кто ударит или обругает кого.

Пятый партнер, кухаркин сын Андрей. К выигрышу и чужим успехам он относится безучастно, потому что весь погружен в арифметику игры, в ее несложную философию; сколько на этом свете разных цифр и как это они все не перепутаются!

В этом отрывке мы видим очень разные мотивы, которые побуждают детей играть в лото. Давайте их перечислим: *«финансовые соображения», честолюбие, сам процесс игры, страсть к недоразумениям, наконец, интерес к «арифметике игры»*. И в жизни всегда так: дело у людей может быть одно, а мотивы – разные, и они очень индивидуальны. Все зависит от возраста, воспитания, развития человека.

Но это еще не вся история про мотивы.

О мотивах и эмоциях

Мотивы обнаруживают себя в **эмоциях**. Одно и то же событие может переживаться по-разному в зависимости от того, какой был мотив.

Если снова обратиться к рассказу Чехова, то можно увидеть именно такую зависимость.

Вот Аня, у которой, по словам автора, *«на блюдечке вместе с копейками лежит честолюбие»*. Она постоянно *«краснеет, бледнеет»* по поводу успехов и проигрышей своих соперников.

А девочка Соня, которая играет *«ради процесса игры»*, наоборот, *«одинаково хохочет и хлопает в ладоши»*, кто бы ни выиграл. Радость ей доставляет просто то, что игра идет, и она сама участвует в этой игре.

А вот карапузик Алеша: *«ужасно ему приятно, если кто ударит или обругает кого»*, то есть когда удовлетворяется его страсть к недоразумениям.

Посмотрим, как развиваются события дальше: *«Партия! У меня партия!» – кричит Соня, кокетливо закатывая глаза и хохоча. У партнеров вытягиваются физиономии. – Проверить! – говорит Гриша, с ненавистью глядя на Соню»*.

Почему у Гриши возникла ненависть? Потому что копейки, ради которых он только и играет, достались Соне, а не ему. Итак,

Удовольствие и радость появляются при реализации мотива, а неудовольствие, разочарование и даже гнев – при его нереализации.

Теперь посмотрим, как эти психологические сведения помогают нам при воспитании детей.

Что привлекает и что отталкивает?

Обычно в любом деле бывают «задействованы» сразу несколько мотивов. Рассмотрим конкретный пример из жизни подростка.

Например, подросток играет в футбол: что ему это дает? Посмотрим на то, какие его потребности при этом удовлетворяются. Во-первых, он получает разрядку физической энергии, удовлетворяет потребность в упражнениях тела. Во-вторых, он пытается овладеть техническими приемами, реализуя общую потребность в совершенствовании. В-третьих, он общается со сверстниками – потребность в общении с ребятами того же возраста у него очень сильна. В-четвертых, забивая гол или давая хороший пас, он чувствует себя отличившимся, и его самооценка

растет. В-пятых, возможно, на трибуне сидит зритель (или зрительница), и это подогревает его еще больше. Заметим, что ко всему этому добавляется еще и то, что он проявил личную инициативу – договорился о месте и времени встречи, может быть, о составе «команды» – и, таким образом, подключилась очень общая базисная потребность в самоопределении. Все вместе взятое насыщает его занятие футболом острыми положительными переживаниями. И в результате этого футбол становится его **самостоятельным мотивом**. Он посвящает ему много времени и сил.

Теперь посмотрим на ситуацию с уроками. Сами по себе они не очень интересны. Их задают, то есть нет возможности выбирать, что и как учить. Когда учить – тоже определяют родители, говоря: «Пока не выучишь, не пойдешь играть в свой футбол». Таким образом, не только нет самоопределения, но, наоборот, есть приказы и принуждения. Дальше – уроки несколько запущены, так как под внешним давлением и без интереса они выполняются на скорую руку. Это приводит к плохим отметкам. К тому же становится трудно понимать новый материал по математике или русскому, потому что не усвоен предыдущий. Из-за многих неудач гаснет желание бороться и преодолевать учебные трудности. От переживаний неуспеха страдает самооценка. Больше того, учитель перед классом отпускает нелестные замечания, так что страдает (в этой части) популярность среди сверстников. Дома за двойки и тройки следуют выговоры и наказания, потребность общаться с родителями постепенно сходит на нет и даже уходит «в минус». В результате с учебой возникла большая проблема. Никакого самостоятельного мотива из нее не получилось. Напротив, она стала тем, что подростка отталкивает.

Из этих примеров мы можем понять **механизм** возникновения и, наоборот, исчезновения мотивов. Если воспользоваться метафорой, то можно сказать, что наши эмоции подобно кристаллам «оседают» и накапливаются на предмете, деле, человеке, с которым мы имеем дело. И если «кристаллы» положительные, радостные и светлые, то предмет начинает «светиться» сам, становится самостоятельным мотивом. Если же кристаллы отрицательные, то, выпадая на предмет, они как бы отравляют его. Занятие начинает от себя отталкивать, даже если раньше оно чем-то нравилось.

В таких случаях говорят: «отбили охоту».

Таким образом, эмоции могут служить путеводными ориентирами в деле воспитания ребенка, показывая, насколько мы учитываем законы «жизни» его потребностей и мотивов.

Из сказанного следуют два **практических правила**:

– **При воспитании ребенка необходимо следить за успешным удовлетворением его потребностей и мотивов.**

– **Нельзя допускать накопления отрицательных эмоций вокруг занятия, к которому мы хотим приобщить ребенка.**

«Мытье посуды»

В свете этих правил посмотрим на обычную домашнюю обязанность, например мытье посуды. По этому поводу часто возникают недовольства и конфликты с детьми. Как их избежать?

Известно, что в три–четыре года малыш с удовольствием моет чашки, «стирает» тряпочки и вообще пытается делать все то, что делает мама. К этому его побуждает стремление осваивать новое, совершенствовать свои навыки, а также радость быть с мамой. Позже, лет в восемь–десять, мотив роста и развития переключается с домашних дел на более сложные вещи, например компьютер, чтение, спортивные игры, а мотив общения – на сверстников.

Почему же (в благоприятном случае) школьник все-таки будет мыть посуду? Думаю, что у него сохранится мотив общения с мамой – желание помочь ей, продолжить с ней хорошие отношения. К этому может присоединиться мотив положительной самооценки (осознание себя как помощника). А как это получилось? Мать, скорее всего, следила за **положительным тоном общения**. Она не позволяла себе «отравлять» обстановку вокруг домашних дел критическими замечаниями, такими как: «Почему ты опять...?!», «Никогда тебя не допросишься...», «Сколько надо говорить?!» Вместо этого она могла мягко напомнить, иногда попросить, иногда с благодарностью отметить случаи помощи. Иными словами, способствовала тому, чтобы рутинное дело не потеряло своей положительной эмоциональной окраски и, значит, желания его выполнять.

Приведу рассказ девятнадцатилетней девушки на эту же тему.

Мой отец – военный, офицер, любитель дисциплины и порядка. Отношения у нас с ним были

в общем хорошие. В то же время я не отличалась любовью к уборке и мытью посуды. Однажды – мне было тогда лет тринадцать – он мне сказал: «Лена, ты ведь хорошо ко мне относишься?», – и на мое «да» продолжал: «...и ты хотела бы, чтобы я чувствовал себя дома комфортно?» – «Конечно, папа». – «Тогда я хочу тебе объяснить, что я чувствую себя комфортно, когда в доме бывает порядок, в частности, вымыта посуда».

С тех пор и по сей день я аккуратно мою посуду.

Однако нужно признать, что в жизни не всегда бывает все так просто.

Что ущемляется и почему?

Пожалуй, главный «камень преткновения» воспитательных усилий родителей и учителей – неучет, и даже больше, ущемление одной из главных базисных потребностей ребенка – потребности в свободе и самоопределении. Именно самостоятельные действия ребенка обеспечивают его собственный рост и развитие. И ребенок многое может сам, если ему не мешать.

Замечательный педагог и психолог Мария Монтессори более ста лет назад пришла к этому убеждению. По ее словам, ребенок изначально, по своей природе, стремится к саморазвитию, и это является его настоящей внутренней потребностью, к которой нужно относиться с полным вниманием и уважением!

Приведу одно из наблюдений М. Монтессори. Оно особенно ценно тем, что сопровождается комментариями автора, пронизанными как раз тем пониманием ребенка, за которое она боролась в своей философии, теории и практике.

Однажды дети, смеясь и болтая, собрались вокруг миски с водой, в которой плавало несколько игрушек. В нашей школе был мальчик всего двух с половиною лет. Его оставили вне круга в одиночестве, и легко было видеть, что он сгорает от любопытства. Я издали наблюдала за ним с большим вниманием. Сперва он придвинулся к детям и пытался протиснуться в их среду, но на это у него не хватило сил, и он стал озираться по сторонам. Выражение его лица было необы-

чайно интересно. Я жалею, что у меня не было в ту минуту фотоаппарата. Взгляд его упал на стульчик, и он, видно, решил придвинуть его к группе детей и затем вскарабкаться на него. С сияющим личиком он начал пробираться к стулу, но в эту минуту наставница грубо (она бы, вероятно, сказала – нежно) схватила его на руки и, подняв над головами других детей, показала ему миску с водою, воскликнув: «Сюда, крошка, смотри и ты!».

Без сомнения, ребенок, увидав плававшие игрушки, не испытал той радости, какую должен был испытать, преодолев препятствие собственными силами. Желанное зрелище не могло принести ему пользы, между тем как осмысленная попытка развила бы его душевные силы. Наставница помешала ребенку воспитать себя, не дав ему взамен иного блага. Малышка уже начал чувствовать себя победителем и вдруг ощутил бессилие в объятиях двух сковавших его рук. Столь заинтересовавшее меня выражение радости, тревоги и надежды растаяло на его личике и сменилось тупым выражением ребенка, знающего, что за него будут действовать другие.

Хочется обратить внимание на несколько замечательных мыслей М. Монтессори, высказанных по поводу этого случая:

- ребенку важно было преодолеть препятствие собственными силами;
- эта попытка развила бы его душевные качества (личность);
- он уже начал чувствовать себя победителем;
- но наставница помешала ребенку, и радость на его лице сменилась тупым выражением ребенка, знающего, что за него будут действовать другие!

Этой последней фразой М. Монтессори затрагивает «нерв» главной проблемы:

Воспитатель, лишаящий ребенка свободы действий, убивает естественные силы его развития.

Отчего же порой так ведут себя взрослые?

На это есть две основные причины. Одна из них родительская сверхзабота; другая – стойкое убеждение, что ребенок будет учиться, только если его принуждать и заставлять.

Сверхзабота

Хочется привести один небольшой, но поучительный случай. Это рассказ молодых родителей – и снова о первых шагах ребенка.

Наша дочка на днях, наконец, пошла. Хотя в первые дни она иногда приземлялась на мягкое место, мы из-за этого особенно не переживали, да и она тоже. Видно было, что падать ей невысоко (не то что нам «с двухметровой высоты!»), да к тому же у нее была такая естественная координация: покачнувшись назад, она сразу сгибалась и благополучно шлепалась на пятую точку. На выходные дни ее взяла к себе бабушка. И, о ужас! После бабушки дочка стала падать назад плашмя на затылок! Мы догадались, в чем дело: бабушка ходила за ней и подхватывала, когда та норовила упасть. И вот теперь у нее пропали и естественная координация, и собственная осторожность! Пришлось все это восстанавливать, да еще проводить воспитательную работу с бабушкой!

Бабушка проявила недоверие к естественным силам и способностям ребенка. Заметим, что тем самым она причинила вред девочке, который, к счастью, поняли и смогли устранить родители. Однако не всегда все складывается так благополучно. Иногда ребенок бывает буквально «задушен» заботой родителей – так, как они ее понимают.

Мне довелось наблюдать одну такую семью: вокруг маленькой девочки – мама, няня и бабушка. Установка для всех: не оставлять ребенка одного ни на минуту! Если девочка играет – сидеть рядом с ней; если у нее что-то не получается, тут же помочь. Она не должна расстраиваться, и если плачет, дать то, что требует. Ходит девочка училась долго, так как за ней шли и поддерживали сзади. Но даже в ее два с половиной года, когда она бегала по дачному участку, няня должна была держаться за ней на расстоянии не больше двух метров. Если расстояние увеличивалось, мама, наблюдавшая со стороны, делала няне замечание. Девочка производила впечатление ребенка несамостоятельного, неумелого, тревожного и капризного.

Забота о ребенке необходима, но **в какой дозе** и с какой «плотностью» во времени? Хорошо, если нет няни или бабушки, – силы матери когда-то кончаются, и маленький ребенок получает минуты отдыха от опеки. В противном же случае эстафета неусыпного контроля и заботы передается от одного «ответственного лица» к другому.

Для подросшего ребенка-дошкольника ситуация с его свободой в таких семьях не сильно другая: к домашнему контролю присоединяется обязательный режим детского сада. Когда же он становится школьником, то о личном времени он часто может только мечтать. Дело снова усугубляется очень озабоченными родителями: они стараются максимально загрузить ребенка, «чтобы не болтался, чтобы учился как можно лучше». Так чрезмерная забота незаметно перерастает в принуждение. Что тогда происходит с ребенком?

Девочки-отличницы

Когда родители «делают все», чтобы их ребенок добился успехов (в учебе, спорте, музыке), а ребенок покладистый и сочувствующий, то он старается удовлетворить все ожидания родителей, подчиняется их требованиям и «тянет ляжку». Так может продолжаться годами, но последствия бывают неожиданными и уж, по крайней мере, не такими, о которых мечтали родители.

Нередко приходится слышать, например, о старательных девочках, которые, сдав выпускной экзамен в музыкальной школе на «отлично», закрывают крышку фортепьяно и больше к нему никогда не подходят! А ведь до этого они в течение семи-восьми лет упорно занимались музыкой по несколько часов в день! Скорее всего, главные причины их стараний были внешними: требования родителей, боязнь их огорчить, недовольство учителя, угроза плохих оценок. В результате, когда внешнее давление отпало, игра на фортепьяно стала безразличной, а то и отталкивающей – слишком много мучений накопилось вокруг нее! Сама девочка, да и родители тоже, в таких случаях готовы задать себе вопрос: «Зачем было затрачено столько усилий и времени. Был ли в этом смысл?!»

Стоит задуматься над этим вопросом, когда мы принуждаем детей учиться, не обращая внимания на их истинную заинтересованность.

В этом месте хочется привести высказывание Альберта Эйнштейна.

«Кажется почти чудом, что современные методы обучения еще не совсем удушили святую любознательность... Большая ошибка думать, что чувство долга и принуждение могут привести к радости поиска и познания. Здоровое хищное животное отказалось бы от еды, если бы ударами кнута его заставляли непрерывно есть мясо, особенно если принудительно предлагаемая пища не им выбрана.»

Итак, принуждение душит истинный интерес ребенка к учебе, лишает его «радыи поиска и познания». В результате он оказывается не подготовленным к выбору своего пути, своего главного дела жизни.

Загадка Паганини

И все-таки известны случаи, когда люди находили призвание и достигали больших успехов, проходя через жесткие методы обучения и воспитания. Яркий пример тому – детство знаменитого композитора и скрипача-виртуоза Никколо Паганини. Этот пример лично мне как противнику метода принуждения долго не давал покоя и требовал объяснения.

Из биографии Паганини известно, что отец его был очень строг и даже жесток. Он заставлял сына упражняться на скрипке целыми днями, бил его по пальцам (!), запирали дома. Если мальчик убегал в порт поиграть на берегу моря, то бил его особенно жестоко.

Паганини рассказывал потом своему биографу:

Трудно представить более строгого отца, чем мой. Когда ему казалось, что я недостаточно прилежен в занятиях, он оставлял меня без еды и голодом вынуждал удвоить старания, так что мне пришлось много страдать физически, и это стало сказываться на моем здоровье.

Как же случилось так, что мальчик не возненавидел в конце концов игру на скрипке?

Ответ мы находим в тех же воспоминаниях Паганини. Однажды, примерно в семилетнем возрасте оказавшись в церкви, он был поражен звуками органа, и **как зачарованный** слушал музыку, погрузившись в нее и забыв обо всем! Это переживание стало ключевым для его судьбы. С этого момента Никколо стал увлекаться скрипкой, с каждым днем все больше и больше. Музыка начала становиться смыслом его жизни!

И снова его слова:

Я был в восторге от инструмента и занимался непрерывно, пытаюсь найти какие-то совершенно новые, никому не ведомые прежде позиции пальцев, чтобы извлечь звук, который порази бы людей.

Что же произошло с мальчиком? Он был поражен музыкой, пережил сильный эмоциональный подъем – состояние счастья, восторга, вдохновения. Такие состояния, как мы знаем, обладают свойством запечатлеваться и «зажигать» ребенка, становиться центром его настойчивых поисков и проб и в конечном счете приводить к осознанию своего назначения. На языке научной психологии это называется рождением **стойкого внутреннего мотива**. Особенность такого мотива в том, что он оказывается источником большой энергии. Эта энергия направляется не только на достижение большой цели, но и на преодоление трудностей, в том числе тяжелых испытаний. Последние не могут «отравить» предмет увлечения: он слишком значителен и важен! Образно говоря, меня могут «бить по пальцам», но я вытерплю, потому что для меня важнее всего на свете моя игра, я хочу уметь играть так, чтобы извлекать из скрипки божественные звуки, *которые поразили бы людей*.

Так получает разрешение «Загадка Паганини». Он стал виртуозом не благодаря принуждениям и наказаниям его первого учителя, а несмотря на них. Его увлечение, его собственная воля оказались сильнее многочисленных испытаний, которые выпали на его долю. Он узнал побеждающую силу призвания еще будучи ребенком.

Вывод из этой истории можно выразить с помощью метафоры:

И через асфальт насилия могут пробиться цветы свободного творчества.

Все-таки добавим, что асфальт не лучшая среда для произрастания цветов, и многие из них в этой среде погибают.

Разве можно иначе?

Но если не заставлять и не контролировать, то как же тогда с воспитанием, образованием и дисциплиной?!

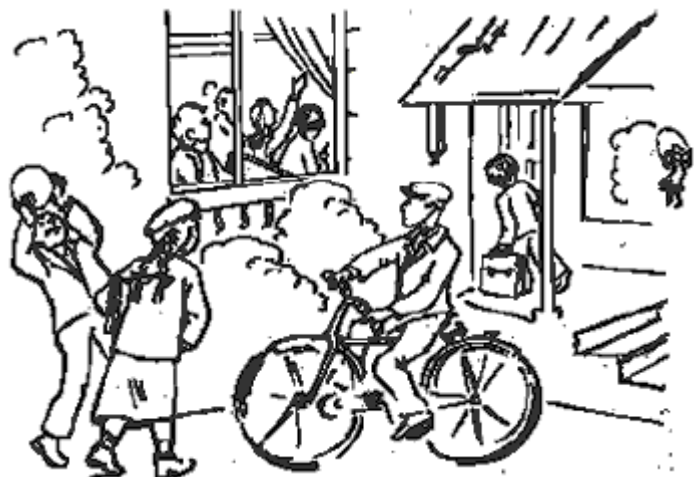
Этот вопрос-возражение постоянно появляется у родителей и учителей, когда речь заходит об уважении свободы ребенка. Конкретных возражений очень много, и они разные: его же надо учить, приучать, воспитывать ответственность, вырабатывать чувство долга – как же все это делать, если его не заставлять?

Что касается перечисленных задач воспитания, то они совершенно правильны и под ними подпишется любой «защитник детской свободы». Под сомнение ставится лишь метод принуждения.

Известный английский педагог и психолог Александр Нилл провел уникальный эксперимент, длившийся более сорока лет. В 20-е годы прошлого столетия он основал школу-интернат для «трудных детей». Строгой дисциплине и принуждению обычных школ он противопоставил принцип свободы. Пожалуй, самое смелое начинание состояло в том, что в его школе посещение уроков было необязательным! Ребенок сам выбирал, на какие уроки ходить и ходить ли на них вообще.

И каков же был результат? Об этом А. Нилл рассказывает в своей книге «Саммерхилл – воспитание свободой».

Новые ученики, узнав о порядках в этой школе, радостно заявляли, что они больше никогда в жизни не пойдут ни на один идиотский урок.

Это продолжалось, – пишет автор, – порой несколько месяцев. Они играли, катались на велосипедах, мешали другим, но уроков избегали. Время выздоровления от этой болезни пропорционально ненависти, порожденной у них их прошлой школой. Рекорд поставила одна девочка, пришедшая из монастырской школы. Она пробездельничала три года. Вообще, средний срок выздоровления от отвращения к урокам – три месяца.

Во многих случаях дети Саммерхилла в старших классах быстро наверстывали то, что они пропустили в школьных занятиях. Со свободными детьми происходили и другие чудесные превращения. Но об этом позже. Практические результаты и психологические открытия А. Нилла настолько замечательны, что мы обязательно к ним вернемся.

До сих пор речь шла в основном о знании общих психологических механизмов и понимании детей – их жизни, внутренних переживаний, поведения и развития. Теперь обратимся к действиям

взрослого, живущего с ребенком.

Взрослый – знать и уметь

Что может дать взрослый растущему ребенку? За чем он должен следить, чтобы процесс образования и развития шел успешно?

Некоторые ответы мы уже обсуждали, опираясь на наблюдения за жизнью детей и психологические знания. Обратимся к **практическому опыту** талантливых психологов, педагогов и родителей. Знание и понимание детей помогали им находить замечательные по своей эффективности, а иногда и смелости способы жизни с ребенком, которые порой шли вразрез с традиционными методами воспитания.

Уверена, что их опыт послужит источником размышлений и практических шагов для многих родителей и воспитателей.

М. Монтессори: не заглушать саму жизнь!

Девизом к практической деятельности М. Монтессори могут служить ее слова:

Мы не можем предвидеть всех последствий приглушения непосредственной, самопроизвольной деятельности ребенка в ту пору, когда он только начинает проявлять активность. Может быть, мы заглушаем самую жизнь.

В своей школе М. Монтессори специально обучала учителей (которых она называла «наставницами») не вмешиваться в занятия ребенка. Это давалось наставницам с трудом, так как они переставали понимать, спрашивая: «Тогда зачем мы здесь вообще?» М. Монтессори предлагала им прежде всего **наблюдать** за ребенком, занятым каким-нибудь делом. Сама она придумала множество разнообразных задач и пособий, которые привлекали и увлекали детей.

Пример одного из таких пособий – брусок

с десятью отверстиями убывающего диаметра. К нему прилагается набор из десяти цилиндров соответствующей толщины, так что каждый цилиндр точно входит в свое отверстие. Ребенку показывают вставленные цилиндры, затем их вынимают, смешивают и предлагают их снова расставить.

Для детей двух–четырёх лет это превращается в увлекательную игру. В ней тренируются многие способности: глазомер, тонкие движения рук, концентрация внимания, умение находить и исправлять собственные ошибки, наконец, «логика» всего движения к цели. Так, если цилиндр не входит в отверстие, надо искать другое отверстие, большее, а если такое не находится, значит, в большое отверстие неправильно попал маленький цилиндр и т. д. Дети могут возиться с этой игрушкой часами, постепенно научаясь правильно расставлять цилиндры.

Однажды, – пишет Монтессори, – наблюдая четырехлетнего ребенка, проделывавшего упражнение уже шестнадцатый раз, я велела другим детям запеть, чтобы отвлечь его, но он не сдвинулся с места и продолжал вынимать цилиндры, смешивать их и ставить на места.

Что же должны делать, по мнению М. Монтессори, взрослые, которые находятся рядом? Самый общий ответ – «руководить жизнью и душой ребенка» (а не отдельными его действиями). А если более конкретно, то, во-первых, обеспечивать ему индивидуальную свободу – давать возможность заниматься тем, чем он сейчас хочет. Во-вторых, «обогащать среду», то есть окружать ребенка возможно более разнообразными пособиями, играми, задачами, учитывая уровень его развития. Иногда достаточно просто показать игру – и дальше ребенок будет заниматься ею сам. Взрослый только показывает, что можно делать с этим материалом, и ребенок перехватывает инициативу. «Среда», по мнению Монтессори, стимулирует собственную деятельность ребенка. В то же время участие взрослого требует величайшей осторожности и искусства!

Самое удивительное, что соблюдение главного принципа – свободы саморазвития детей – приводило не только к быстрым и замечательным успехам детей, но и к их дисциплинированности.

Задумаемся о механизме этой связи. Мы видели, что занятие, которое ребенок выбирает сам, для него всегда интересно и полезно. Он хочет повторять его, чтобы получалось как можно лучше. Он много трудится, проявляет настойчивость и упорство. Эти труд, настойчивость и упорство – естественные следствия его интереса, и одновременно здесь рождается **внутренняя дисциплина**. Ведь дисциплина – это умение освоить необходимые действия и организовать их так, чтобы продвигаться к цели.

Углубленный в задачу и достигающий успеха ребенок не может быть недисциплинированным почти по определению. Не-дисциплина – это неупорядоченное поведение, когда ребенок не знает, чем себя занять, или – еще хуже – саботирует то, что от него ждут и навязывают. Вот почему Монтессори говорит о «деятельной дисциплине» в противоположность «пассивной дисциплине» – простому подчинению воле воспитателя.

В то же время в ее школе соблюдалось одно неукоснительное правило: решительно останавливать грубые, невежливые, мешающие другим действия ребенка. В результате в школе Монтессори совершалось еще одно «чудо»: возникала особая атмосфера спокойствия, доброты, приветливости и заботы друг о друге.

А. Нилл: быть на стороне ребенка

В школе А. Нилла жили дети от шести до шестнадцати лет. Большинство из них при поступлении считались детьми «трудными», или «проблемными». По убеждению Нилла, трудный ребенок – это **несчастливый** ребенок, и свою задачу он видел в том, чтобы вернуть детям счастье, насколько это было в его силах. Выше уже говорилось, что в его школе дети могли не посещать уроки, если они этого не хотели. Дети много играли и занимались тем, что их интересовало. Спустя некоторое время, иногда месяцы, а иногда и годы (!), они начинали посещать занятия и не потому, что им говорили, что это «надо», а потому, что у них появлялось собственное желание учиться. Как в учебе, так и в поведении дети проходили интересные фазы. Вот что пишет об этом Нилл:

Я вижу плоды несвободы и подавления в тех новых учениках, которых ко мне переводят из подготовительных и монастырских школ. Эти дети – смесь неискренности с невероятной вежливостью и фальшивыми манерами.

Их реакция на свободу стремительна и предсказуема. Первую пару недель они открывают дверь перед учителями, обращаются ко мне «сэр» и тщательно умываются. Они смотрят на меня с «уважением», в котором легко прочитывается страх. Через несколько недель свободы они показывают себя истинных: становятся грубыми, неумытыми и утрачивают все свои манеры.

Они делают все то, что раньше им запрещали: сквернословят, курят, ломают вещи, при этом сохраняют неискреннюю вежливость в глазах и в голосе.

На то, чтобы расстаться с неискренностью, у них уходит, по крайней мере, полгода. По истечении этого срока они утрачивают и притворную почтительность обращения к тем, кого считали властью. Всего через шесть месяцев они становятся естественными здоровыми детьми, которые говорят то, что думают, без смущения или грубости.

Эти результаты поражают. Возникает много вопросов. Прежде всего, почему дети после «свободной жизни» начинают учиться? Почему после периода «искусственной вежливости» наступает период грубого и распущенного поведения, а потом «выздоровление»? Почему так влияет предоставление свободы? В чем состоит эта свобода? И какой психологический механизм стоит за ней?

Все эти вопросы – вызов, который предъявляет психологии практика А. Нилла. Сначала посмотрим, какое главное убеждение лежит в ее основе:

Мы взялись создать школу, в которой детям предоставлялась свобода быть самими собой... Все, что требовалось, – это вера в ребенка: в то, что он по природе своей существо доброе, а не злое. Более чем за 40 лет вера в добрую природу ребенка ни разу не поколебалась и, скорее, превратилась в окончательную уверенность.

Итак, ребенок по природе добр. В других местах Нилл говорит больше: дети мудры, справедливы, доброжелательны. Откуда же у них берется ложь, воровство, хулиганство?

Ответ Нилла – от принуждений и наказаний. Принуждая и наказывая ребенка, родитель (воспитатель) проявляет насилие. А всякое насилие сопряжено с ненавистью! Это чувство возникает и у наказывающего родителя, и у ребенка. Накопленные обиду, гнев и ненависть ребенок обращает на взрослого, на общество и на самого себя – в форме непослушания, асоциального поведения, саботажа усилий взрослых, наконец, вывода: ну и буду плохим! Он становится «несчастливым ребенком». Оба, взрослый и ребенок, попадают в «заколдованный круг». Вот как он получается:

– взрослый добивается правильного поведения, применяя меры контроля и принуждения (оценка, критика, давление, наказание);

– эти меры вызывают в ребенке негативные эмоции и сопротивление;

– взрослый раздражается, в гневе усиливает нажим;

– у ребенка нарастают чувства обиды и ненависти; на почве (не всегда осознаваемого) гнева развиваются безразличие ко всему, лень, отвращение к учебе, открытое сопротивление, отрицание ценностей взрослых, асоциальное поведение;

– давление и наказания «воспитателя» усиливаются еще больше, «круг» замыкается.

Итог – ребенок становится неуправляемым, родители и учителя оказываются беспомощными.

Где и как можно разорвать эту порочную цепь? Нилл, похоже, нашел главные «точки» вмешательства. Это – снятие давления на ребенка и устранение негативных эмоций, порождаемых воспитанием. Коротко говоря, «вылечивает» вера (в его положительную природу), принятие и добро.

В чем же состояла положительная **программа действий** Нилла? Она разрабатывалась более 40 лет и описана в его книге. Мы остановимся лишь на некоторых важных его открытиях и примерах.

О первом решительном шаге уже говорилось: ребенок освобождался от обязательного посещения уроков. Именно в устройстве обычных школ, а также других образовательных учреждений, включая университеты, Нилл видит источник режима несвободы и подавления, с которого начинаются все проблемы. Родители сами выросли в такой несвободе и воспроизводят ее в домашнем воспитании с раннего возраста. Главная беда – в их уверенности, что они знают лучше, что нужно ребенку, и начинают его «формировать».

Свободный ребенок много играет. *«Я не знаю, почему дети и котята играют, – пишет Нилл. – Полагаю, дело в энергии»*. По его убеждению, это энергия свободно растущего организма, и ей надо дать ход. Свободный и самоопределяющийся ребенок лучше «знает», куда и как ему развиваться.

В этом надо доверять его природе. Поэтому в школе Нилла игре отводилось первостепенное место, учеба была, по крайней мере, на втором (!). Дети в нашем обществе не успевают наиграться, считает Нилл, и от этого происходят не только психологические проблемы, но и пороки цивилизации.

Итак, два практических вывода Нилла:

– **Снять принуждения и дать детям наиграться.**

– **Дети нуждаются в эмоциональной поддержке.**

У меня ушли годы на то, чтобы осознать, что моя главная забота состоит с том, чтобы...одобрять все то, что ребенок не любит в себе. Иными словами, я пытаюсь разрушить ненависть к себе, навязанную ребенку извне.

Нилл оказывал поддержку ребенку иногда в особой, несколько неожиданной для «здорового смысла» форме. Как правило, он делал это в личных беседах, особенно с «проблемными» детьми.

Однажды, – пишет Нилл, – я попросил четырнадцатилетнего мальчика прийти ко мне поговорить. Он только что перешел в Саммерхилл из вполне типичной закрытой частной школы. Из прежней школы его исключили за воровство.

Я заметил, что его пальцы желты от никотина, поэтому достал свои сигареты и предложил ему закурить.

– Спасибо, – пробурчал он, – я не курю, сэр.

– Бери, бери, чертов враль, – сказал я, улыбаясь, и он взял...

Ох, как бы мне хотелось сфотографировать его лицо во время этого первого интервью!

– Я слышал, ты – ловкий жулик, – сказал я. – Как лучше всего надуть железнодорожную компанию и проехать без билета?

– Я никогда не пытался их обманывать, сэр.

– Э-э, так не годится. Ты должен попробовать. Я знаю массу способов, – и рассказал ему о нескольких.

Он разинул рот. Он попал в сумасшедший дом, это точно. Директор школы рассказывает ему, как половчее смошенничать. Годы спустя он признался мне, что этот разговор был самым большим потрясением в его жизни.

Что потрясло подростка? Директор школы, обязанный следить за соблюдением правил и морали, учит его обманывать! В голове все переворачивается: получается, что обман и воровство, которые были главным оружием подростка в его восстании против взрослых, теряют свою силу!

И что это за странный директор, который понимает и принимает его? Подросток смутно чувствует, что этот человек в глубине души к нему доброжелателен. Но почему?! Он еще никогда не встречался с таким взрослым!

Нилл повторял такой же «ход» не раз и с неизменным успехом:

В моей практике излечение юного вора не раз начиналось с того, что я вместе с ним отправлялся воровать соседских кур или помогал ему ограбить школьный ящик с карманными деньгами (!).

Присоединение к осуждаемым (и самоосуждаемым) подросткам было не просто «приемом», а своеобразным сообщением: «Я тебя понимаю и принимаю таким, какой ты есть. Я полагаю, у тебя есть веские причины для такого поведения. Я с тобой, и мы можем побыть вместе».

Вот еще одна история на ту же тему. Она ценна тем, что в ней приводится свидетельство самого подростка.

Несколько лет назад, – пишет Нилл, – ко мне прислали подростка, который был настоящим мошенником, воровавшим очень умно. Через неделю после его приезда мне позвонили из Ливерпуля.

– Это говорит мистер Х (хорошо известный в Англии человек). У меня в вашей школе племянник. Он написал мне письмо, спрашивая, может ли он на несколько дней приехать в Ливер-

пуль. Вы не возражаете?

– Нисколько, – ответил я, – но у него нет денег. Кто оплатит его дорогу? Вы бы лучше связались с его родителями.

На следующий день мне позвонила мать мальчика и сказала, что ей звонил дядя Дик. Что касается их с мужем, то они не возражают, чтобы Артур поехал в Ливерпуль. Они проверили стоимость билета – она составляет двадцать восемь шиллингов. Не мог бы я дать Артуру эти деньги?

Оба звонка Артур сделал из телефонной будки рядом со школой. Ему удалось превосходно симитировать голоса – и старого дяди, и матери. Он разыграл меня, и я дал ему денег, прежде чем осознал, что меня провели.

Мы с женой обсудили ситуацию и решили, что требовать вернуть деньги назад было бы неправильно, потому что именно к этому обращению парень привык. Жена предложила наградить его. Поздно вечером я вошел к нему в спальню.

– Тебе сегодня повезло, – сказал я весело.

– Еще бы! – отозвался он.

– Да, но тебе повезло даже больше, чем ты думаешь, – продолжал я.

– Ты о чем это?

– А твоя мать только что снова звонила, – ответил я непринужденно, – оказывается, она ошиблась насчет билета, он стоит не двадцать восемь, а тридцать восемь шиллингов. Так что она просила добавить тебе десять.

Я беззаботно бросил десятишиллинговую банкноту ему на кровать и вышел прежде, чем он успел что-нибудь сказать.

На следующее утро он отправился в Ливерпуль, оставив письмо... Оно начиналось так: «Дорогой Нилл! Ты лучший актер, чем я». А потом много недель он приставал ко мне с вопросом, зачем я дал ему эти десять шиллингов.

Наконец я ему ответил: «Что ты почувствовал, когда я дал их тебе?» На минуту он глубоко задумался, а потом медленно сказал: «Знаешь, это было самое большое потрясение в моей жизни. Я подумал, что ты первый человек в моей жизни, который стал на мою сторону».

Я встретился с мальчиком, – заключает Нилл, – который понимал, что любовь есть принятие.

Психологическая точность «странного» поведения Нилла состояла в том, что он через присоединение к осуждаемым действиям подростка почти «хирургическим путем» снимал его ненависть к враждебному миру взрослых и одновременно показывал, что именно этот взрослый понимает и принимает его.

При всех своих решительных шагах А. Нилл должен был четко разводить **свободу** и **вседозволенность**. Между этими понятиями пролегает тонкая грань, особенно, когда приходится иметь дело с «трудными» детьми.

Что из опыта Нилла может прийти здесь на помощь родителю, то есть помочь найти эту тонкую грань и удержаться на ней?

Одного рецепта нет; скорее всего, мер много. Прежде всего не следует всякое нарушение

оценивать как проявление вседозволенности. Приходится запастись терпением, понять неизбежность своевольных действий свободного ребенка и знать, что со временем он «войдет в колею».

С другой стороны, нельзя оправдывать все действия идеей предоставления свободы. Должны существовать немногие, но **категорические «нет!»**. Например, в Саммерхилле безусловно запрещалось играть с огнем, использовать пневматические ружья, сражаться опасными мечами (последние должны были быть деревянными и обмотаны тряпками). Стоит заметить, что...

...когда запретов немного, дети относятся к ним вполне терпимо.

В связи с запретами, конечно, встает вопрос о **наказаниях**. Нилл считал совершенно недопустимыми наказания физическими. Но в его школе детей штрафовали. Санкции применялись в случае нарушения правил, которые были приняты самими детьми на общем собрании путем голосования, причем голос директора имел тот же вес, что и голос шестилетнего ребенка. Не пропускались также действия, которые наносили вред другому лицу – его правам и интересам, его личной собственности (требовалось не мешать работать или спать, не брать без спроса личные вещи, не портить чужие инструменты, в случае разбитых лампочек или окон – компенсировать из карманных денег). При этом пострадавший (не важно, младший ребенок или сотрудник) мог громко заявить о своем уроне на собрании. Важно, что это заявление делалось в форме, как мы теперь бы сказали, «Я-сообщения». В нем пострадавший объявлял о личном ущербе, но без гневного выпада в адрес виновника.

Обычно нарушитель соглашался с приговором собрания без обиды. Но если наказание казалось ему слишком суровым, то «дело» рассматривалось повторно и с особой тщательностью; как правило, второе решение было более щадящим.

Описанная процедура назначения наказаний – еще одна замечательная психологическая находка Нилла. Заметим, что санкции приходили не от человека, облеченного властью, а от детского сообщества, справедливого и достаточно доброжелательного. Процедура предполагала обсуждение, то есть высказывания «за» и «против». Голоса «за», конечно, были попытками понять проступок, и если не оправдать, то смягчить вину; они были психологической поддержкой ребенка. Это уменьшало вероятность накопления гнева и ненависти, о которых говорил Нилл как о причинах общего неблагополучия детей.

Можно спросить, а как быть в семье, где нет «общего собрания» и детского суда? Ответ, думаю, в следующем. И в семейном воспитании можно сохранить главные черты подхода, с которым мы только что познакомились. Если говорить о наказаниях, то их функция – поддерживать уважение к правилам как общим установлениям, в противовес личной власти или «злой воле» родителя.

Что же касается общего пути воспитания ребенка, то лучше привести слова самого Нила, обращенные к родителям:

Отмените власть.

Дайте ребенку быть самим собой.

Не подталкивайте его все время.

Не учите его. Не читайте ему нотаций.

Не пытайтесь его превозносить.

Не заставляйте его делать что бы то ни было.

«Возможно, – добавляет автор, – этот ответ вам не подходит. Но, отвергая мой, вы обязаны найти лучший.»

А. Звонкин: вопросы без ответов

Многие родители сами, без педагогических наставлений, стараются наблюдать за развитием своего ребенка и по мере возможности участвовать в нем.

Недавно опубликована замечательная книга Александра Звонкина «Малыши и математика». Это записи отца, который на протяжении нескольких лет вел дома «математический кружок», то есть занимался со своими детьми-дошкольниками и их друзьями. Математик по образованию, он в

этих занятиях (о них он и написал книгу) проявил себя как тонкий и проникновенный наблюдатель, интуитивный психолог, умеющий понять и почувствовать ребенка, увидеть возможности его возраста, проследить увлекательный процесс развития его интеллекта.

Собранные и придуманные А. Звонкиным задачи, вопросы и темы бесед с детьми – кладезь находок, из которого каждый, кто озабочен «обогащением среды» ребенка, может черпать идеи, а заодно заражаться энтузиазмом автора. Приведу одну из его бесед.

Девочке Жене (дочка Звонкина) два года и один месяц. На столе набор фигурок Дьенеша – это круги, квадраты и треугольники. Каждая фигурка может быть большой или маленькой, красной, синей, желтой или зеленой и еще иметь или не иметь в середине дырку. Девочка просит поиграть «в это» и отец дает ей задание *по ее силам* – уложить все фигурки в коробку. В коробке для каждой формы имеется две лунки, в каждую из них укладываются по четыре фигурки: в одну – четыре с дыркой, в другую – четыре без дырки.

Женя принялась за дело с большим энтузиазмом. Сначала она тыкала фигурки совершенно произвольно; например, пыталась засунуть большой квадрат в лунку для маленького треугольника... Когда ей удавалось правильно уложить фигурку, я в качестве подкрепления восклицал:

– Он!

Если же она, например, помещала маленький круг в лунку для большого квадрата (явно полагая, что это правильное решение – ведь он поместился!), я ничего не говорил. Постепенно она научилась отличать правильную укладку от неправильной и сама стала говорить:

– Он!

Еще она объясняла мне, что укладывает фигурки спать. Так мы занимались целый час, успев за это время уложить все фигурки по три раза. За это время Женя научилась определять фигурки одинаковой формы и размера, но сопоставлять форму фигурки и лунки так и не научилась. Процесс укладки происходил примерно так: она брала, например, большой круг и тыкала его подряд в разные лунки. Как только находилась нужная лунка, она начинала выбирать из множества фигурок один за другим все большие круги и класть их туда же. До некоторых пор всё шло гладко: пять кругов в лунку помещалось (хотя вообще-то она рассчитана на четыре фигурки). Однако шестой круг уже в лунку не входил, оставаясь снаружи. Это было препятствие нового рода.

Наступал интересный момент... Женя понимала, что этот круг тоже должен влезть в лунку, раз другие влезли. Поэтому нужно предыдущие круги вынуть и сначала положить этот, а уже потом все остальные, вынутые круги (они уже доказали свою способность влезть в лунку, значит, про них сомнений нет – влезут и во второй раз). Вынимать фигурки у нее не получалось, об этом она просила меня:

– Пап, вынь, пожалуйста...

Так продолжалось с разными вариациями некоторое время; Женя занималась этой игрой с огромным удовольствием, сама меня об этом просила и могла просиживать за этим занятием по часу и больше. Но потом она стала играть также и без меня.

(Лето 2005 года: сейчас Жене 25 лет. Я дописываю эту книгу. Увидев у меня на столе блоки Дьенеша, Женя сказала, что до сих пор, когда она о них вспоминает, у нее просто сердце замирает от восторга.)

В этом описании поражает «работа» обоих участников. Прежде всего, конечно, девочки. Ребенок обнаруживает настойчивость, увлеченность и свою логику – трогательную логику двухлет-

него ребенка. Например, шестой кружок в лунку не влезает, но он такой же, как и предыдущие, значит, он влезет, если его положить первым, а остальные тоже влезут – ведь они уже там были! Папа тоже участвует: говорит «Он!», вынимает фигурки по просьбе девочки, в остальном не вмешивается, оставаясь просто сочувствующим наблюдателем. Вспоминаются слова М. Монтессори, что способность воспитателя определять **моменты** и **меру** вмешательства в занятия ребенка – великое искусство.

Вот другая задача из тех же занятий, тоже с детской «логикой» и дозированным вмешательством взрослого. На этот раз участники – трое мальчиков трех–четырёх лет. Обсуждаются сделанные из картона фигуры: квадрат, прямоугольник и неправильный четырехугольник.

Мы детально и обстоятельно обсуждаем их свойства. Прежде всего, у всех фигур – по четыре угла. Значит, каждую из них мы можем назвать четырехугольником. Итого: у нас три четырехугольника. При этом два из них отличаются тем, что у них все углы прямые. За это их называют прямоугольниками.

Один из двух прямоугольников особый: у него все стороны одинакового размера. Его называют квадратом.

У квадрата как бы три имени: его можно назвать и квадратом, и прямоугольником, и четырехугольником – и все будет правильно. Моя информация встречается не без сопротивления. Дети упорно стремятся мыслить в понятиях непересекающихся классов. А характер их объяснений внушает подозрение в том, что они еще не осознали по-настоящему великий закон «целое больше своей части».

Десять минут назад они спорили о том, являются ли папы и дедушки мужчинами, а мужчины – людьми. А сейчас они никак не соглашаются называть квадрат прямоугольником: уж или одно, или другое. Я провожу настоящую агиткомпанию за равноправие квадрата среди всех прямоугольников. Постепенно моя пропаганда начинает действовать. Мы еще раз подводим итог:

– Сколько у нас квадратов?

– Один.

– А прямоугольников?

– Два.

– А четырехугольников?

– Три.

Казалось бы, все хорошо. И я задаю последний вопрос:

– А чего вообще на свете больше – квадратов или четырехугольников?

– Квадратов! – дружно и без тени сомнения отвечают дети.

– Потому что их легче вырезать, – объясняет Дима.

– Потому что их много в домах, на крыше, на трубе, – объясняет Женя.

Такова завязка этой истории. А развязка произошла через полтора года, без всякой подготовки и даже без всякого внешнего повода. Летом на прогулке в лесу Дима неожиданно сказал мне:

– Папа, помнишь, ты давал нам задачу про квадраты и четырехугольники – чего больше? Так мне кажется, мы тогда тебе неправильно ответили. На самом деле больше четырехугольников.

*И дальше довольно толково объяснил, почему. С тех пор я и исповедую принцип: **вопросы важнее ответов.***

Вместе с автором книги поражаешься этому факту: как долго и как глубоко может идти скрытый процесс размышления ребенка над вопросом, которым его озадачили, но оставили в покое, не поясняя, не назидая, не натаскивая на правильный ответ. Очень хочется присоединиться к замечанию автора в адрес горе-энтузиастов раннего обучения малышей, которые порой пытаются «втащить ребенка за шиворот на следующую ступеньку лестницы» развития.

Хочется приводить еще и еще примеры из занятий А. Звонкина. Практически все они пронизаны искусством увлечь ребенка содержательной задачей и в то же время деликатно отнестись к той «ступеньке», на которой тот в данный момент находится. Возьмем еще только один пример.

Девочки четырех–пяти лет считают игрушечные тарелки, поставленные на столе в ряд (это включено в сказку про принцев и принцесс и про угощение во дворце). У одной девочки получилось одиннадцать тарелок.

Потом их считала Женя. Сначала процессы называния чисел и тыкания пальцем в тарелки шли у нее синхронно, но потом каждый пошел своим путем, и в результате число тарелок оказалось четырнадцать–пятнадцать. (Не следует думать, что это приближенная оценка, как бывает у взрослых: «штук эдак четырнадцать– пятнадцать».) Скорее, это что-то вроде двойного имени, как Анна-Мария. Женя еще не знает, что при счете каждая совокупность предметов может иметь только одно имя.

Потом считала Саня и получила тоже одиннадцать. Я сказал Жене:

– Смотри, у девочек у обеих получилось одиннадцать. Попробуй и ты посчитать так, чтобы у тебя тоже получилось одиннадцать.

Женя послушно стала считать, но у нее снова получилось четырнадцать–пятнадцать. Пришлось смириться.

Хочется выделить эти последние слова отца: «пришлось смириться». В них отразились замечательные свойства мудрого и понимающего подхода: принятие в ребенке того, что в нем сейчас есть, вера в его способность идти дальше, и при этом идти самому.

Отец Фейнмана: особые отношения

Посмотрим, как в других удачных случаях взрослый (как правило, родитель) бережно обходится с живыми ростками творчества ребенка.

Очень впечатляет рассказ о своем детстве Ричарда Фейнмана, известного американского физика, лауреата Нобелевской премии. Р. Фейнман был не только выдающимся ученым, но и не менее выдающимся педагогом – по знаменитым «Фейнманским лекциям» учились и учатся многие поколения физиков во всем мире. А умению исследовать, думать и учить других Фейнман научился, по его собственному признанию, у своего отца. Отец был простым торговцем рабочей одежды, однако обладал живым умом и тонкой интуицией. Он много гулял с сыном и во время прогулок неспешно беседовал с ним. Приведем рассказ самого Р. Фейнмана:

– Видишь ту птицу? – говорит отец, – ...взгляни, птица постоянно копается в своих перышках... Как ты думаешь, почему птицы копаются в своих перьях?.

Я сказал:

– Ну, может быть, во время полета их перья пачкаются, поэтому они копошатся в них, чтобы привести их в порядок.

– Хорошо, – говорит он. – Если бы это было так, то они должны были бы долго копошиться в своих перьях сразу после того, как полетают.

А после того, как они какое-то время провели на земле, они уже не стали бы столько копать в своих перьях – понимаешь, о чем я?

– Угу.

Он говорит:

– Давай посмотрим, копошатся ли они в своих перьях больше сразу после того, как сядут на землю.

Увидеть это было несложно: между птицами, которые бродили по земле в течение некоторого времени, и теми, которые только что приземлились, особой разницы не было. Тогда я сказал:

– Я сдаюсь. Почему птица копается в своих перьях?

Это лишь один из многочисленных примеров проникновенных бесед, которые вел отец с маленьким Ричардом. Были в них и обсуждения размеров динозавров («Я испытывал настоящий восторг и жуткий интерес, когда думал, что существовали животные такой величины и что все они вымерли, и никто не знает почему»); и поиск причины, почему шарик в кузове вагончика катится к задней стенке при движении вагончика вперед; и рассмотрение следа, оставляемого личинкой мухи на листе дерева. В этих беседах было не только узнавание нового, но и переживание вместе. Когда матери других мальчиков пожелали, чтобы отец Ричарда брал на прогулки и их детей, тот отказался, объяснив, «потому что у нас с ним особые отношения». Последние слова хочется очень подчеркнуть: **«особые отношения»** – что это такое? Конечно, это прежде всего личное внимание отца к мальчику – ведь в компании детей такое было бы невозможно. Он был внимателен ко всему, что происходило в душе сына, – как тот наблюдал, думал, искал ответы. Одновременно он заражал его собственным духом пытливого отношения к окружающему и вкусом исследователя.

Не имея опыта общения со многими отцами, я не осознавал, насколько замечателен мой, – замечает Р. Фейнман.

Можно сказать, что в целом отцу Фейнмана удавалось создавать особую атмосферу общения, в которой было и тонкое понимание ребенка, и уважение к его самостоятельным размышлениям, и, наконец, состояние очарованности вдвоем!

Я, так сказать, попался, подобно человеку, которому дали что-то удивительное, когда он был ребенком, и он постоянно ищет это снова. Я все время ищу, как ребенок, чудеса, которые, я знаю, что найду – и нахожу.

В этом замечании Фейнман говорит еще об одном «даре», который он получил от отца. Это переживание чудес, которые скрываются за такими, казалось бы, незначительными предметами, как перышки птицы, катящийся шарик, след на листе дерева. А ведь каждый ребенок способен увидеть и откликнуться на такие чудеса природы!

Матери: «свет на лице другого»

Ребенок чрезвычайно открыт и к восприятию красоты искусства и духовной культуры в це-

лом, которые также передает ему родитель или Учитель. Приведу отрывки из воспоминаний Айседоры Дункан:

Благодаря моей матери вся наша жизнь в детстве была проникнута музыкой и поэзией. По вечерам она усаживалась за пианино и играла часами, забывая обо всем окружающем...

Совершенно не заботясь о материальных вопросах, мать научила нас великолепному презрению и пренебрежению к обладанию домами, мебелью, всякой утварью. Благодаря ее примеру, я никогда в жизни не носила ни одной драгоценности. Она внушила нам, что все эти вещи оказываются путями...

Мне кажется, что общее образование, получаемое ребенком в школе, является абсолютно бесполезным. Настоящее воспитание я получала в течение тех вечеров, когда мать играла нам Бетховена, Шумана, Шуберта, Моцарта, Шопена и читала вслух Шекспира, Китса или Бернса. Эти часы очаровывали нас.

По словам М. Цветаевой, ее мать «залила» своих детей Музыкой, красота которой обернулась для них красотой Лирики.

Наконец, еще один пример, на этот раз из автобиографии Ч. Чаплина.

Я вспоминаю один вечер в нашей комнате в подвале на Окли-стрит. Я лежал в постели, выздоравливая после гриппа... Уже смеркалось, и мать, сидя спиной к окну, читала мне Новый Завет, играя и объясняя в своей неподражаемой манере, как любил и жалел Христос бедняков и маленьких детей... Мама продолжала рассказывать, и слезы лились из ее глаз...

В этой темной комнатке в подвале на Окли-стрит мать озарила мою душу светом доброты, который подарил литературе и театру самые великие и плодотворные темы: любовь, милосердие и человечность.

Из этих свидетельств видно, что ребенок порой больше, чем взрослый, готов к восприятию высоких человеческих ценностей и с готовностью приобщается к ним. Вспоминаются слова митрополита Антония Сурожского: человек может обрести духовную благодать, только если он увидит «на лице хотя бы одного человека сияние вечной жизни...».

Трудно выразить короче и точнее путь к освоению идеальных ценностей ребенком.

Атмосфера семьи: Флоренские

Большое счастье, когда «свет» культуры и нравственности ребенок может увидеть «на лице» родителя!

В своих замечательных воспоминаниях известный русский философ и ученый Павел Флоренский пишет о семье, в которой прошло его детство (в конце XIX века):

У нас в доме было сплошное тепло, сплошная ласка, а главное, сплошная порядочность и чистоплотность. Тут все подобралось одно к одному. Никогда ни одного пошловатого слова, ни одного приниженного интереса, никакого проявления эгоизма; всегдашняя взаимная предупредительность всех друг к другу при широкой, активной доброте отца в отношении окружающих, посторонних. А со стороны окружающих – признание, уважение, почти благоговение к отцу, ко всей семье.

Там же П. Флоренский рассказывает, как семейная атмосфера пропитывала и формировала его сознание:

В моем сознании строй семейной жизни был изысканен. И ничего другого я не знал. Детское сознание привыкло к этой изысканности, раз навсегда приняло ее, но приняло как нечто подразумеваемое, естественное. Иначе и быть не может. Отношения личные не могут быть иными, как ласковыми и вежливыми, внешние отношения – бескорыстными, честными и т. д. Люди вообще не могут быть иными, как воспитанными, немелочными, знающими. Ложь, даже оттенок неправды, невозможна.

Из тех же записок мы узнаем, что в сознании мальчика запечатлевались не только положительные нравственные устои семьи, но запреты и границы, через которые нельзя было переступить. Примечательно, как маленький Павел, у которого случались и непослушания, относился к наказаниям:

Признание закона над собою определяло мое самочувствие с раннейшего детства. Проказя, я знал, что вслед за тем должно последовать и возмездие, – не потому, чтобы так хотели старшие, а по существу вещей.

Как-то я в чем-то напроказил, меня поставили в угол. Через несколько времени, забывшись, я сделал ту же маленькую проказу. Но, памятуя закон возмездия, я сам подошел к недоумевающему старшим с вопросом: «В который?» – то есть в который угол встать мне. Потом, когда мой вопрос разъяснился, двоюродный брат Датики часто подсмеивался надо мною, спрашивая: «В который?». Но обиды я не чувствовал, таким необходимым представлялся мне подобный вопрос, – я не понимал соли насмешки.

В этом последнем отрывке особенно поражают две вещи. Во-первых, ощущение ребенком «закона» над ним. Безусловность запрета, или невозможность безнаказанного нарушения границ, воспринималась не как воля родителей, а «по существу вещей». Это с точки зрения и житейских представлений и научной психологии – признак действительного усвоения ребенком нравственных норм. Это уже убеждения личности: «Не делаю не потому, что не разрешают и накажут, а потому, что так нельзя „по существу вещей“.» И второе: родителям П. Флоренского удалось заложить это в мальчике с самого раннего детства, в то время как подобные личностные структуры формируются сильно позже. Это, скорее всего, стало результатом не просто методов воспитания, а влияния личностей родителей и общей уникальной атмосферы семьи, в которой рос мальчик.

Любимый Учитель

Любой подросток или юноша мечтает об Учителе – мудром взрослом, который бы понимал его и помогал разобраться в сложных вопросах жизни.

Таким Учителем может оказаться школьный учитель или другой внимательный взрослый, который не ограничивает себя узкими задачами воспитания.

В школе постоянно повторяется один и тот же факт: если учителя любят, то и предмет его становится любимым, причем у доброй половины класса. В чем тут дело? Опыт и наблюдения показывают, что учителю в таких случаях удается создать в классе положительную эмоциональную атмосферу, которая «освещает» изучаемый предмет и привлекает к нему. Существует меткое выражение: талантливый учитель **приобщает** ученика к науке. Что стоит за этим емким словом «приобщает»? Скорее всего, имеется в виду способность учителя организовать общие, то есть совместные, переживания. Это переживания красоты мысли, удивления, радости открытий, собственных удач и достижений. Легко видеть за этим перечнем заботу учителя об удовлетворении базисных потребностей учеников.

Вспоминается моя собственная учеба в университете. Профессором антропологии у нас был замечательный ученый и педагог Яков Яковлевич Рогинский. Он был влюблен в свою науку, а мы, студенты, были влюблены в него и в его лекции. О чем бы ни рассказывал Яков Яковлевич – о человеческих расах, строении черепов или доисторических предках человека – все звучало в его устах как волшебная сказка. Его глаза светились, мягкий голос звучал вдохновенно и завораживающе, его волнение по поводу какой-нибудь детали или археологической находки передавалось и нам. Мы любили этот предмет, и почти все сдавали экзамен на «отлично». Прошло несколько десятков лет, но и теперь, собравшись, мы с большой теплотой вспоминаем любимого учителя и его волнующие истории о «наших чудесных предках» – питекантропах и неандертальцах.

Другой пример, который хочется привести, относится к обучению детей. Некоторое время тому назад в Москве жил и работал учитель музыки Михаил Петрович Кравец. Он любил выбирать себе учеников, «не способных к музыке», и многих из них доводил до уровня Центральной

музыкальной школы при консерватории (уровня, как известно, самого высокого). Его увлекал, как он выражался, «процесс производства способностей»; действительно, неспособных детей для него не существовало.

Мне посчастливилось наблюдать работу М. П. Кравца с начинающими учениками.

Уроки всегда проходили на высоком эмоциональном подъеме. Ребенок и учитель живо и разнообразно общались. Они вместе пели, подбирали к звукам картинки. Ребенок бил в бубен и ритмично двигался под аккомпанемент учителя. На звуках сочинялись сказки, в звуках жили медведи и птички, на «проводах» (нотных линейках) селились воробьи. Все это сопровождалось интересными музыкальными загадками и отгадками, оживлялось смехом, наполнялось радостным настроением.

Урок обычно заканчивался хорошо знакомой мелодией «Родина слышит...», которую неожиданно начинала играть музыкальная модель «спутника». Под ней ребенок находил открытку с большой красной «пятеркой», которую дарил «спутник» лично ему. Конечно, следующий урок ожидался с большим нетерпением.

Можно сказать, что в деятельности таких учителей мы встречаемся с законом «зоны ближайшего развития» Л. С. Выготского применительно к эмоциональной жизни детей и взрослых. Переживание интересности, важности, значимости предмета и личной включенности в этот процесс происходит сначала вместе с учителем (или родителем), а затем становится субъективным достоянием самого ученика.

Сделаем еще один шаг и спросим себя: какой взрослый становится таким Учителем? Ответ, который напрашивается, может показаться неожиданным и в то же время простым. Это – тот взрослый, который смог сохранить в своей душе живую энергию ребенка, пронеся ее через рутину официального образования, жесткие рамки воспитания, трудности выживания в обществе и многое другое.

Вспоминается «теория талантливости» выдающегося математика Андрея Николаевича Колмогорова. Он считал, что талантливый, творческий человек внутренне остается ребенком, и чем меньше возраст этого ребенка, тем талантливее ученый. Свой внутренний возраст он определял в тринадцать лет, когда мальчишки интересуются всем на свете, но еще равнодушны к интересам взрослых.

Излишне говорить, что масса людей вспоминают об А. Н. Колмогорове как о необыкновенном Учителе, который вдохновил их на занятия наукой.

Главные «секреты»

Попробуем обобщить опыт успешных родителей, учителей и воспитателей, о которых мы рассказали на предыдущих страницах. Сформулируем главные «секреты» их успеха.

1. Внимание к природе ребенка: осознанное или интуитивное понимание его, бережное отношение к его потребностям, предоставление ему свободы роста и развития.

Здесь, прежде всего, стоит напомнить призывы М. Монтессори: «не вмешиваться!», «давать свободу ребенку», «благоговейно наблюдать за самостоятельным развитием его», «беречь его спонтанность», «не навязывать своих задач!» Эти же призывы поддержаны голосами и практикой К. Роджерса, А. Нилла и другими. Отец Р. Фейнмана, не задумываясь о какой-либо теории, давал сыну самому искать ответы на вопросы. То же делал А. Звонкин, «смиряться» с ошибками детей и давая им возможность приходить к правильным решениям своими путями и со своей скоростью. И все это лишь примеры аналогичного мудрого поведения многих родителей и педагогов.

2. Создание «обогащенной среды». Трудно переоценить этот вклад взрослого в развитие ребенка. В широком смысле речь идет о погружении ребенка в среду человеческой культуры.

Более конкретно это касается очень многих обстоятельств его жизни: от «умных» игрушек и развивающих игр до общей атмосферы в доме. Чем заняты дети и во что они играют? Есть ли в доме книги? Звучит ли музыка, и какая? Выходят ли интересы домашних за пределы телевизионных программ? Какие темы обсуждаются за столом? Делятся ли взрослые своими впечатлениями от красоты природы, произведений искусства? Знакомят ли они ребенка с понятиями добра и зла, благородства, справедливости, чести и достоинства?

В приведенных историях на этот счет можно увидеть многое. Это и замечательные пособия, игры и материалы, созданные М. Монтессори, которые выдержали более чем вековое испытание и продолжают служить развитию детей в детских садах всего мира. Это и многочисленные задачи и загадки, которые использовал А. К. Звонкин на своих занятиях с малышами. Это и «захватывающие» темы бесед отца Р. Фейнмана.

3. Особые взаимоотношения. Талантливым родителям и воспитателям удастся устанавливать уникальную атмосферу общения с детьми. Это атмосфера доброжелательности, доверия, поддержки, наконец, общей эмоциональной увлеченности.

Когда мудрый воспитатель просто отпускает ребенка и дает ему свободу, его невмешательство означает уважение, поддержку и сообщение: «ты можешь сам». В другие моменты он вовлекает ребенка в совместные обсуждения и занятия. О принципиальной важности совместных занятий для развития интеллекта ребенка нам говорит закон «зоны ближайшего развития» Л. С. Выготского². Если к практике таких занятий присоединяется искренний энтузиазм, заинтересованность и вдохновенность взрослого, то такое общение способствует развитию личности ребенка. Его озаряют и возвышают минуты переживания вместе с родителем или Учителем. Из наших примеров вспомним потоки музыки, которыми «заливали» своих детей матери А. Дункан и М. Цветаевой, «свет доброты», которым озарила душу маленького Чарли его мать, наконец, исключительный дух «порядочности, бескорыстия и честности», который запечатлелся в сознании Павла Флоренского.

Заметим, что у таких родителей ребенок уже не «объект воспитания», а участник совместной эмоциональной и духовной жизни взрослого. Последний же выступает для него как вдохновляющий пример!

Подведем итоги. Что делает успешный взрослый, который способствует развитию ребенка, росту его личности, его культурному обогащению? Вот далеко не полный список форм его участия:

- воздерживается от вмешательства в дела ребенка;
- привлекает к занятиям;
- озадачивает, будит мысль;
- вовлекает, увлекает;
- поддерживает, верит в добрую природу;
- заражает энтузиазмом, вдохновляет;
- служит образцом.

Усилия взрослого встречаются и взаимодействуют с собственной активностью ребенка, которую можно описать в виде ряда коротких фраз:

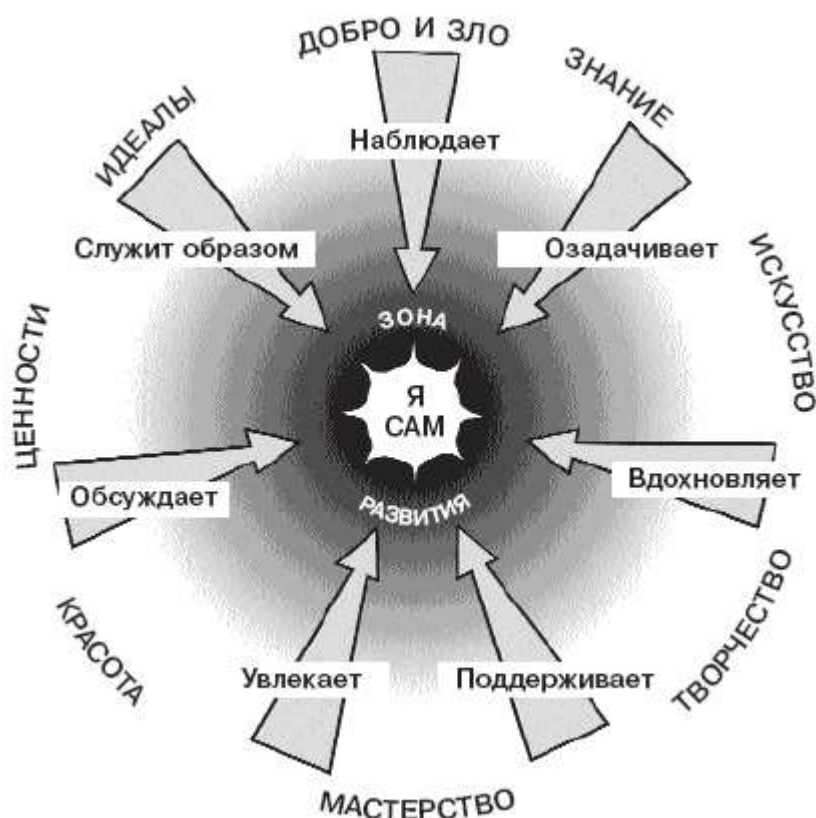
- «я хочу сам»;

² Об этом законе см. в книге «Общаться с ребенком. Как?» (урок 3).

- «хочу этому научиться»;
- «мне интересно»;
- «это удивительно!»;
- «как здорово, что у меня это получается!»;
- «я хороший»;
- «мне важно, чтобы меня любили»;
- «важно, чтобы мама (папа) были рядом»;
- «хочу быть таким, как они».

Изобразим для наглядности все сказанное с помощью схемы.

В заключение хочется выразить надежду, что изложенные «секреты», находки и идеи помогут родителям в решении многих трудных задач воспитания и помощи их детям.

«Встреча» ребенка и взрослого в зоне развития ребенка.

«Лучи», исходящие из центра «Я САМ», представляют внутреннюю активность ребенка, направленную навстречу взрослому и миру в целом. Стрелки, входящие в ЗОНУ РАЗВИТИЯ, – формы участия («вклады») взрослого в развитие ребенка. На периферии большого круга – сферы человеческой культуры.

Часть 2 Живем вместе

Повседневные дела и порядок

В каждой семье существуют определенные правила, гласные и негласные. Они касаются домашнего распорядка, режима, норм поведения и многого другого. Приучение к ним ребенка – важная часть, если не сказать основа, его воспитания.

Слово «приучать» имеет особый смысл, отличный от слова «учить». Когда мы говорим

«научить», то имеем в виду передачу знаний ребенку: мы что-то рассказываем, показываем, объясняем, одновременно он учится сам. Слово же «приучать» означает наше намерение добиваться от него регулярного поведения. Например, чтобы он мыл руки перед едой, убирал игрушки, во время делал уроки, наводил порядок в вещах и т. д.

Не приученный к порядку и правилам, ребенок оказывается во власти минутных желаний, неуправляемых эмоций, случайных влияний. Мы говорим, что он разболтан, не организован, не воспитан. Во многих ситуациях он оказывается без ориентиров, не знает, как себя вести, как организовать свои дела и время. Правила дают ребенку ощущение не только порядка, но и уверенности в жизни.

Как же его приучать?

Приучение к порядку и правилам – специальная работа, работа длительная, ежедневная и ежечасная! Часто она проходит трудно, с обидами и конфликтами. Хорошо известные «поля сражений» с детьми любого возраста – это еда, приготовление уроков, помощь по дому, укладывание спать и др.

Говорит мать одиннадцатилетней девочки:

У нас с ней все вроде бы хорошо, но есть один «камень преткновения»: беспорядок в ее комнате. И не то чтобы она не умела убираться. Когда должны прийти подружки, наводит идеальный порядок. А обычно войти в комнату невозможно: вещи «размазаны» по всей комнате, все валяется где попало! Меня уже заранее трясет, когда я просто приближаюсь к ее двери. А она грубит: «Отстань, надоела, сама знаю!». Если бы не это, мы бы жили мирно. Вообще она неплохая девочка, учится хорошо. Но такой изъян в воспитании – и я не могу с ним примириться! В этом вопросе меня просто заклинило!

Мать права: действительно «изъян» и действительно «заклинило», между прочим, не только ее, но и дочь. Что-то было упущено, а сейчас уборка комнаты стала для обеих «камнем преткновения».

К сожалению, такие упущенные случаи могут привести и приводят к серьезным семейным разладам. Вот один пример.

В знакомой семье с двумя подростками появляется отчим. В прошлом он морской офицер и в силу своей бывшей профессии, да и по характеру – человек, приученный к порядку и организованности. Подростки, наоборот, привыкли находиться «в свободном полете». Их мать, обремененная работой и учебой по вечерам, не могла обращать должного внимания на их «приучения». Неубранные вещи, оставленные на столе тарелки, разбросанная в прихожей обувь – это еще «мелкие» дискомфорта, с которыми сталкивается новый человек в семье. Накапливаются и более серьезные неприятности, потому что «проспали, забыли, потеряли...». Так, девица теряет ключ от дома, лазает в окно, и в один прекрасный день «по проторенной дорожке» в дом забираются ворюжки и уносят что-то ценное. Из школы сообщают, что сын не успевает, так как прогуливает уроки... и т. д. Отчим пытается помочь матери ввести ребят в рамки – они обсуждают, договариваются, даже составляют письменные соглашения.

Но ситуация запущена, дети плохо поддаются исправлению, а бывший морской офицер, конечно, не С. А. Макаренко. Отношения портятся, накапливается глухая вражда. Мать оказывается между двух огней. Все в проигрыше. Печально, но планы создания новой семьи «разбиваются о быт»!

Итак, как же его приучать? Одного рецепта, конечно, нет, так как причины непослушания или неорганизованности ребенка могут быть разные. Лучше всего помнить о некоторых общих методах и закономерностях. Их довольно много, и они разные для разного возраста. Обсудим некоторые, наиболее важные из них.

Начинать как можно раньше

Не могу не поделиться одним впечатлением.

Дело происходило в Америке, на перроне пригородной электрички. На скамейке сидела юная мама-негритянка с малышом на коленях. Маме на глаз можно было дать не больше лет шестнадцати, а малышу – не больше одного года. Оба общались улыбками, жестами и короткими словами. В какой-то момент разыгравшийся малыш шлепнул маму по лицу. «Stop it!» – строго сказала мать, подняв указательный палец. Но малыш скоро повторил свой шлепок. «Stop it!» – снова строго повторила мать. После третьей попытки малыша дотянуться до лица матери, она сняла его с колен и поставила на ноги около себя (стоять он уже умел), перестав обращать на него внимание. Малыш захныкал; подождав немного, мать снова посадила его на колени. В какой-то момент на его подозрительный жест она просто подняла палец с серьезным лицом – и инцидент был исчерпан. Общение снова вошло в мирное русло.

Эта сцена запомнилась, наверное, потому, что было удивительно видеть такое необычное сочетание юности мамы и ее мудрого поведения. Молодая мать интуитивно действовала абсолютно грамотно. Она четко и в то же время мягко сообщала малышу решительный запрет на недружелюбное действие по отношению к себе. Какими запущенными случаями на этом фоне выглядят подчас агрессивные выпады наших подростков в адрес матери!

Дело, конечно, не в географии или культуре страны. В наших семьях можно найти сотни примеров ежедневной, казалось бы, незаметной и в то же время необычайно важной воспитательной работы родителей. Эти примеры хочется собирать и приводить, они красноречивее любых умных слов. Вот один из них.

Семья сидит за столом, все пьют чай и разговаривают. Бабушка испекла печенье; оно лежит на большой тарелке, посыпанное сахаром, и выглядит очень привлекательно. Пока разливают чай, полторагодовалая девочка под шумок уже добыла себе печенье и с удовольствием его ест. Все тепло улыбаются ее находчивости. Мать, освободившись от чайника, берет ее к себе на колени. Съев первое, девочка просит второе печенье, и мать позволяет его взять. Не доев второе, девочка тянется за третьим печеньем. «Нет, – говорит мать, – я тебе не позволю, пока не доешь вот это», – указывая на недоеденную половинку. Но та продолжает тянуться к тарелке с печеньем. «Нет, нет, – мягко, но настойчиво повторяет мать, – ни в коем случае нельзя! Нет, нельзя» – это повторяется еще несколько раз: девочка – живая и упорная, мама – мягкая, но непреклонная. До возможных слез дело не доходит, так как мать поднимается и уносит дочку в другую комнату. Через минуту она спокойно возвращается с девочкой на руках. Чаепитие мирно продолжается, а тарелка, между прочим, уже отодвинута на другой конец стола.

Эта история может показаться очень обыденной, но именно поэтому она поучительна. Легко понять, что именно на таких повседневных «уроках» ребенок осваивает **беспрекословность родительского «нет»**. Так с самого раннего возраста по золотым крупинкам собирается опыт послушания и овладения правилами поведения.

Организовать среду и быт

Организованность ребенка зависит от порядка вокруг него. Необходимо, чтобы вещи, посуда, игрушки имели свои места и возвращались на место. Чтобы ребенок, как и остальные члены семьи, спал в своей кровати, по возможности сидел за столом на своем месте, ел из своей тарелки. Хорошо, когда в семье соблюдаются некоторые постоянные «ритуалы» – укладывания спать, прогулок, приема гостей.

Невозможно перечислить все то, к чему приходится приучать ребенка. Важно, чтобы то, что вы от него ждете, регулярно вами отслеживалось, внимательно и настойчиво. Ведь постоянные нарушения и отклонения могут тоже закрепляться и грозить стать «правилами».

Очень важны правила, связанные с едой: что, как и когда ребенок ест, как он себя при этом ведет. Обычно еда – испытание не только для ребенка, но и для родителей. К сожалению, родители не всегда выдерживают эти испытания.

В семье двухлетней девочки тяжелая проблема: дочка «ничего не ест» (эти традиционные слова родителей всегда удивляют – непонятно, как ребенок при этом выживает, да еще неплохо выглядит?). Девочку кормят отдельно от всех, так как нужны особые условия. Чтобы она открывала рот на ложку с кашей, мама должна петь, а няня танцевать (или наоборот). Эти песни и пляски происходят по несколько раз в день и совсем измотали домочадцев.

А вот другой пример.

Мать пятилетнего мальчика озабочена его неорганизованностью. Правда, в доме есть дядя мальчика, который умеет «приводить племянника в норму». Например, если тот вышел из-за стола, а потом возвращается, чтобы схватить кусок, дядя ему этого не разрешает. Мама довольна действиями дяди, считает их правильными. Но на вопрос: «А сами вы делаете так же?» – отвечает: «Нет, что вы, я ведь мама! Он пришел из садика, может быть голодный, надо дать покушать сколько захочет».

Так оказывается на разных чашах весов забота, условно говоря, «о желудке» и о нормах поведения. К сожалению, первая чаша у родителей порой перевешивает, и, конечно, действуют они «из самых лучших соображений». Тревожным мамам, наверное, будет полезно познакомиться с результатом одного важного эксперимента (см. БОКС 2).

ДЕТИ ВЫБИРАЮТ САМИ

Некоторые родители страстно хотят накормить ребенка во что бы то ни стало. При этом они «забывают» о его естественной потребности в еде. У тревожной мамы ребенок часто не успевает проголодаться, и поэтому плохо ест. Но, что еще хуже, у него портится отношение к еде. Там, где на пути к естественному желанию встает принуждение, нарушается все: и само желание, и поведение, и взаимоотношения. Ребенок начинает сопротивляться, устраивает саботаж. Он капризничает, держит еду во рту, не проглатывая, иногда дело доходит до рвоты!

Давно, в 20-е годы прошлого столетия, было проведено исследование с очень интересными и поучительными результатами. Дело происходило в детском доме одной из европейских стран.

Группу малышей усаживали за стол, на который были выставлены одновременно все продукты детского рациона: овощи, фрукты, творог, молоко, мясо, печенье, конфеты и пр. Дети могли свободно выбирать то, что они хотели съесть. Наблюдатели записывали, что именно выбирал

и сколько съедал каждый ребенок. В конце недели подсчитывалось общее количество белков, жиров, углеводов и витаминов, которые в результате получал ребенок, самостоятельно выбиравший для себя еду. Его питание оказалось **вполне сбалансированным**, то есть названные показатели были в пределах нормы!

Помочь ребенку организовать себя

Вернемся к моментам, когда ситуация еще не так запущена. Заметим, что просто отслеживать выполнение правил недостаточно. Очень важно, чтобы родитель был включен в общение с ребенком по поводу разных дел, тогда его помощь оказывается гораздо более эффективной.

Недавно я наблюдала мать, гуляющую с двухлетней дочкой. Девочка играла в песочнице. Подходило время обеда.

«Давай, моя хорошая, – обратилась к ней мать, – будем потихоньку собираться домой. Отряхнем руки, соберем формочки, положим их в пакет... Куколку и совок тоже не забудем» (все это она приговаривала и делала не спеша, давая возможность девочке принимать участие).

«Сейчас пойдем домой...Ой, как хорошо ты мне помогаешь!...Придем домой, разденемся, помоем ручки, будем есть вкусный супчик...»

Казалось бы, что особенного делала мать?

На самом деле, очень многое! Во-первых, она говорила очень доброжелательно (*моя хорошая, как хорошо ты мне помогаешь!*), поддерживая приятный тон общения. Во-вторых, подстраивалась под темп девочки, которой надо было оторваться от игры и начать собираться – что всегда не просто дается ребенку (говорила *потихоньку собираться*, и сама действовала не спеша). В-третьих, «озвучивала» и организовывала действия ребенка, помогая ему и в то же время сохраняя его инициативу – предлагала отряхнуть руки, сложить игрушки, не забыть другие. В-четвертых,

она планировала следующие ближайшие шаги, при этом делая их привлекательными (*вкусный супчик*).

В результате следовало **естественное послушание** ребенка, а вместе с ним – приучение его к порядку и дисциплине.

Многие родители интуитивно ведут себя так же. Им нравится приговаривать, когда они занимаются с малышом, и тем более обсуждать занятия и дела с детьми постарше.

С дошкольного возраста приходится приучать детей и к более сложным вещам. Например, важно, чтобы они научились держать свое слово, выполнять взятые на себя обязательства. Когда дети умоляют завести щенка, купить хомячка или аквариумных рыбок, они горячо заверяют, что будут заботиться о своих питомцах и **все** делать сами. Но потом многое «забывается», так что заботы ложатся на взрослых. Бесконфликтно приучать ребенка выполнять свое обещание – важная задача, но она, как и остальные «приучения», требует терпения, деликатности, а иногда и изобретательности родителей.

Сошлюсь на интересный случай из воспоминаний замечательного американского психотерапевта Мильтона Эриксона. У него было восемь детей, и каждый из них испытал на себе умелое, часто нетрадиционное обращение отца с их детскими проблемами. Привожу его рассказ:

У детей короткая память, но я отлично запоминаю, что они делали или говорили.

Роберт однажды заявил:

«Я достаточно взрослый, большой и сильный, чтобы каждый вечер выносить мусор». Я выразил сомнение в этом, но он горячо защищал свою точку зрения. Тогда я сказал: «Хорошо, со следующего понедельника мы попробуем».

Он вынес мусор в понедельник и во вторник, но в среду забыл это сделать. В четверг я ему напомнил, и он вынес мусор, но забыл это сделать в пятницу и в субботу. Поэтому в субботу я дал ему возможность как можно больше поиграть в активные игры, которые ему очень понравились, но от которых он устал. И затем в качестве особого исключения я позволил ему лечь спать так поздно, как он пожелает. В час ночи он сказал: «Пожалуй, я пойду спать».

Я отпустил его. По какой-то «странной случайности» я проснулся в три часа ночи и разбудил Роберта. Я очень извинялся за то, что забыл ему напомнить вынести мусор. Не сделает ли он этого сейчас? И вот с большой неохотой Роберт оделся. Я еще раз извинился за то, что не напомнил ему, и он понес мусор.

Вот он вернулся, разделся, надел пижаму и забрался в кровать. Когда он крепко заснул, я снова разбудил его. На этот раз я извинялся еще больше. Я сказал ему, что сам не понимаю, как это мы просмотрели мусор в кухне. Не оденется ли он снова и не вынесет ли этот мусор? Он вынес его в мусорный контейнер у дороги. Он шел обратно, глубоко задумавшись, и уже дошел до крыльца. Вдруг он рванулся обратно на дорогу к мусорному контейнеру, чтобы убедиться, что крышка на нем хорошо закрыта.

Войдя в дом, он остановился и окинул взглядом кухню, прежде чем снова лечь в постель. А я все еще продолжал извиняться. Он лег спать и уже больше никогда не забывал выносить мусор.

Фактически, Роберт запомнил этот урок так крепко, что у него, теперь уже взрослого, вырвался тяжелый вздох, когда я сказал ему, что опишу этот случай в своей книге.

В этом эпизоде отец повел себя, действительно, несколько необычно. Однако все, что он делал, было четко продумано и рассчитано на безусловный результат. Во-первых, он разбудил сына поздно ночью (причем дважды!), дождавшись, когда тот крепко заснул. Для чего? – Чтобы дать ему сильнее почувствовать, что держать слово – дело важное, во всяком случае, важнее ночного сна.

Во-вторых, он провел всю «воспитательную операцию» в интересном тоне: непрерывно сожалел и извинялся. Почему? – Чтобы, сочувствуя и беря на себя часть вины, установить дружеский тон, и тем самым предотвратить возможную негативную реакцию сына. Расчет оказался точным: мальчик не только добросовестно сделал все, но больше никогда не забывал о своем слове.

Использовать «внешние средства»

Организовать себя дошкольникам и младшим школьникам помогают и так называемые внешние средства. Это наглядный материал в виде картинок, списков, инструкций, расписаний и т. п., которые напоминают ребенку что, когда и в какой последовательности надо делать. Они замещают «руководящие указания» взрослого и помогают самостоятельно справляться с делами. Хочется особенно подчеркнуть «гениальность» этого способа. Введение внешнего средства помогает «убить сразу двух зайцев»: (1) снять нагрузку с родителя и (2) делегировать ответственность ребенку.

К сожалению, родители не всегда готовы передавать свою роль такому неодушевленному «заместителю». Вот один из многих примеров.

Мать будит по утрам сына-второкурсника, который отчаянно сопротивляется всем ее усилиям.

На вопрос: «А что, у вас нет будильника?» – мать отвечает:

– Конечно есть, он его каждый день ставит, а когда тот звенит, затыкает и продолжает спать!

– И что вы делаете?

– Ну, я иду его будить. Иногда приходится делать это по несколько раз. Он говорит: «Сейчас встану, не приставай!» – а сам снова засыпает. Пока не разозлится на меня, тогда действительно просыпается и встает.

– А что, если вы не станете его будить?

– Так ведь он лекцию пропустит!

Дальше можно было бы поинтересоваться, чья это забота, но ответ и так ясен: мать продолжает оставлять эту заботу себе, мешая сыну взять на себя ответственность за свои учебные дела, а заодно научиться пользоваться вполне подходящим «вспомогательным средством».

Не бояться «уроков жизни»

Всем известны **естественные следствия** неорганизованности или непослушания – это наказания, которые исходят от самой жизни. В тех случаях, когда ребенку не хватает «сознательно-

сти», стоит не мешать ему столкнуться с негативными результатами его действий. Тогда ему некого будет винить, кроме самого себя, и он приобретет ценный опыт. Только что мы говорили о вставании или не-вставании по будильнику. Посмотрим на другую ситуацию, где мать повела себя более разумно.

Девятилетний школьник не сложил с вечера портфель, утром впопыхах не нашел тетрадку с домашним заданием, провозившись, опоздал в школу, получил двойку. Приходит домой расстроенный и сообщает матери о случившемся.

МАТЬ. Жаль, что так получилось. Ты думал, что утром успеешь собраться.

СЫН. Вот именно, подумаешь, сложить какие-то две книжки! (Ищет тетрадь.) Куда же она запропастилась!? Главное, я же сделал домашнюю работу, а она мне двойку!

МАТЬ. Тебе кажется, эта двойка несправедливая.

СЫН. Конечно! Если бы за знание, а то, говорит, «за несобранность»! За это надо ставить по дисциплине... (Обнаруживает тетрадь за столом.) Да вот же она! Смотри, я все правильно решил! Сейчас вот сделаю сегодняшний урок, и нарочно сразу положу все в портфель, чтобы знала...

МАТЬ. То есть, хочешь положить все заранее.

СЫН. Ну да, не собираюсь лопухаться второй раз!

Мы видим, что мать действовала очень мудро. Во-первых, она позволила сыну столкнуться с возможными неприятными последствиями – не стала напоминать о несобранном портфеле. Во-вторых, когда неприятность случилась, она сочувственно отнеслась к его переживаниям. Ее активное слушание позволило сохранить дружескую атмосферу и помочь мальчику извлечь полезный урок. Жизнь порой учит лучше, чем родитель.

И когда за неправильные действия ребенок наказывается «самой жизнью», то не стоит добавлять еще родительские назидания.

Мы обсудили несколько основных методов и закономерностей, учет которых помогает родителю и ребенку в нелегкой задаче приучения. Кратко их повторим.

– **Приучение надо начинать по возможности рано и делать это систематически. Важно помнить о естественных законах организма: любое действие при раннем начале и повторении превращается в привычку.**

– **Вначале следует помогать ребенку в сложных для него задачах (напоминать, подстраховывать, делать вместе), затем постепенно отпускать его на самостоятельность. В «переходный период» стоит помнить о внешних средствах.**

– **Исключительно важно следить за доброжелательным тоном общения, особенно если приучение идет трудно.**

– **Полезно помнить правило: «На ошибках учатся». Не следует «стелить соломку» везде, где ребенок может «упасть». Важно оставлять ему возможность встретиться с неприятными последствиями своих действий.**

Наказывать ребенка: как и зачем?

Можно ли наказывать ребенка, и если можно, то как? Начнем с того, что наказывать ребенка всегда неприятно. Приходится вызывать на себя «огонь» его недовольства, обиды и даже гнева. Мирные отношения портятся. Он тебя «больше не любит», в его глазах «ты плохой», «обидчик», «желаешь ему зла».

Разные позиции

Некоторые родители не выдерживают роли «недруга» и вообще не хотят доставлять ребенку неприятности. Они предпочитают путь увещаний и объяснений. В крайнем случае следуют угрозы, которые, как правило, не выполняются. Короче говоря, они хотят воспитывать ребенка, **не**

огорчая его. Это установка мягких родителей. Ее можно понять, но, к сожалению, во многих случаях она себя не оправдывает: рано или поздно ребенок начинает выходить из берегов, и родитель не знает, что с ним делать.

Противоположную позицию занимают жесткие, авторитарные родители. Они считают, что с ребенком не следует церемониться, его надо наказывать, а иногда и как следует – «чтобы знал!». Такие родители требуют подчинения, пользуясь своей силой и властью. Это часто приводит к озлоблению ребенка, а порой и к еще большему непослушанию.

Бывает, что в семье родители занимают разные и даже противоположные позиции, которые мы только что описали.

Мне пришлось наблюдать одну такую семью. Отец – мягкий, чувствительный человек, мать – решительная энергичная женщина. Дочке четыре года. Делает что хочет – не слушается, не подчиняется никаким просьбам и приказам. Любое обычное действие – ложиться спать, вставать, садиться за стол, собираться гулять – проходит со скандалами. В магазине и на улице может устроить сцену. Дома в гневе ложится на пол и колотит руками и ногами. Сбрасывает еду со стола (может вместе с тарелкой!). Ломает игрушки и вещи. Папа пытается ей все объяснить, активно слушать, посылать Я-сообщения (прочитал книжку). Мама – за решительные действия: запирает девочку в туалете (в углу она не стоит), та кричит, что есть силы, колотит в дверь ногами...

Некоторые тревожные сигналы появились еще два года назад: чем бы ни был занят родитель (ел, разговаривал), дочка тянула его за руку, требовала с ней играть, иначе поднимала крик (папа всему подчинялся). За столом она лезла руками в тарелку родителя (позволялось, так как ребенок, слава богу, хоть что-то съедал). На улице шла куда хотела, а не куда ей предлагали. При укладывании спать кричала по 30–40 минут, не желая оставаться в кроватке, при этом мама не подпускала папу (без мамы же папа переносил ее на диван).

Видно, что со временем проблемы усугубились. В семье, помимо ошибочного подхода каждого родителя, не соблюдалось еще одно важное правило: согласие между взрослыми в требованиях к ребенку. И уж совсем не было согласия по поводу его наказания.

Итак, вернемся к вопросу: можно ли наказывать ребенка и как?

Смысл наказания

Прежде всего важно обсудить, в чем родители видят **смысл** наказания и «механизм» его действия.

Начнем с ошибочного взгляда. Очень распространено мнение, что наказание нужно для того, чтобы вызвать **отрицательную эмоцию** (боль, обиду, страх). Тогда случай запомнится, и ребенок впредь не будет себя так вести. А если будет, то наказание надо усилить.

Эта точка зрения пустила глубокие корни в сознании людей и в практике воспитания. К сожалению, иногда ее подтверждают «научно», ссылаясь на теорию условных рефлексов, в которой говорится о необходимости «подкрепления» (в том числе отрицательного) для научения.

Но поведение человека – не набор рефлексов, а воспитание – не их выработка. Может ли наказание человека исправить его поведение? Конечно, нет! Достаточно посмотреть на этот вопрос совсем широко и обратить внимание на результаты пребывания людей в колониях и тюрьмах. Называть эти учреждения «исправительными» все равно, что черное называть белым.

Но не будем уходить так далеко. Вернемся к исправлениям ребенка. Бывает, что под страхом наказания он действительно перестает делать то, что ему запрещено. Однако чаще он подстраивается или маскируется – делает вид, что послушался, то есть идет на обман. Бывает, что он ведет себя «правильно» при одном родителе и распускается при другом. Типичный пример можно было видеть в одной семье.

Старший мальчик девяти лет постоянно задирает и обижает шестилетнюю сестру. Это при матери. С приходом отца атмосфера резко меняется: сын становится «как шелковый». Больше того, как не без гордости сообщает отец, при его появлении сына начинает «трясти». Примерно раз в неделю отец порет мальчика ремнем. Он уверен, что это очень правильная мера, именно поэтому сын его боится, «а без страха не может быть дисциплины».

Большую часть дня дети проводят с матерью. При ней сын не только продолжает обижать сестру, но и делает многие другие недозволенные вещи – грубит, устраивает беспорядок, не делает уроки. Что еще хуже, последний год появились серьезные проблемы в школе: мальчик стал очень агрессивным. Учителя и родители других детей стали требовать «убрать» его из класса. И тогда родители пошли на крутую меру: сдали мальчика в интернат на пятидневку.

Каждый понедельник он с криком и мольбами, уцепившись за ручку двери, просит, чтобы его не отвозили в интернат. Но вера родителей в «выработку рефлексов» настолько прочна, что такая форма «воспитания» продолжается целый год!

Теперь мы обратимся к другой, более правильной точке зрения на наказание. Согласно ей, наказание – это прежде всего сигнал о нарушении правила, нормы или установленного порядка. Смысл его – сделать более весомыми слова взрослого, подчеркнуть их серьезность. Ведь дети слишком легко пропускают слова родителей мимо ушей, особенно когда им что-то не нравится. Хотя наказание может огорчить ребенка, дело не в том, чтобы его обидеть, расстроить или напугать, а в том, чтобы дать ему возможность задуматься над проступком, понять, что именно он нарушил и почему это плохо.

Такой взгляд на роль наказания предполагает установку на воспитание сознания и личности ребенка, а не на исправление его внешнего поведения. Стоит еще раз подчеркнуть, что при таком подходе родитель оказывается в позиции проводника и защитника жизненного правила или моральной ценности, а не фигуры, диктующей свою волю. Это должно выражаться и в соответствующих словах: «В нашей семье это не принято...», «У нас такой порядок...», «Так надо...». Заметьте, что в этих фразах отсутствует «Я» родителя («Я сказал...», «Я требую...»). Они, так сказать, безличны и воспринимаются не как диктат взрослого, а просто как должное (вспомним рассказ П. Флоренского о своей семье в первой части книги).

«Понимаю, но не могу!»

Родители часто говорят: «В умных книжках много написано, как правильно воспитывать ребенка. Все это звучит очень хорошо, но мне это не помогает. Не получается применять на практике. Как же мне не срываться, когда он меня не слушается, а иногда и как будто специально выводит из себя? Кончается тем, что я ему наподдаю!».

Конечно, родителям трудно научиться разумно себя вести. Ведь приходится иметь дело не только с капризным или непослушным ребенком, но и со **своими собственными эмоциями**. А родитель ведь тоже человек, а не «железный Феликс» и не «железная леди»! Давайте скажем несколько слов о наших эмоциях, а потом посмотрим на практическую сторону дела.

Негативные эмоции у нас возникают и будут возникать, и мы ничего с этим поделать не можем. Больше того, человек имеет на них право, так как для появления эмоций всегда есть, по крайней мере, субъективные, а то и объективные основания. Другой вопрос – что мы с ними делаем дальше. Ведь эмоция, как правило, переходит в поведение, и в этот момент – момент этого «перехода» – у нас есть разные возможности.

Мы можем «дать ход» своему возмущению и резко отреагировать; можем затормозить любое действие и обиженно замолчать; можем подумать о состоянии того, кто явился причиной переживания; можем постараться посмотреть на все со стороны и попытаться оценить смысл случившегося. Весь этот набор реакций и переживаний более или менее знаком каждому. Главное – помнить, что **у нас есть выбор** – выбор в пункте «продолжения» эмоции. А выбор этот, в свою очередь, зависит и от желания, и от общей установки, и от понимания близких и отдаленных следствий наших реакций, и от многого другого.

Короче говоря, каждая наша эмоция дает нам шанс, а то и требует включения более широких функций нашей психики – сознания, чувства ответственности, мышления, опыта. Что же может нам помочь в разумном выборе реакции на непослушание ребенка?

Разные пути

Как всегда, единого и общего рецепта нет, но есть надежда, что могут помочь успешные примеры родителей, которым удавалось решать задачу «правильного наказания». Начну со случая, который мне довелось наблюдать лично.

Две дочери моих друзей (двух и четырех лет) играли и что-то не поделили. Старшая грубо толкнула сестру, и та заплакала. Все произошло на глазах родителей, которые собирались на концерт.

ОТЕЦ (твердо, обращаясь к старшей). Аня, попроси у Саши прощения.

АНЯ (сердито). Не буду!

ОТЕЦ (садится на диван). Подойди ко мне (берет Аню за руки, смотрит в глаза и медленно повторяет). Подойди к Саше и скажи: «Извини меня, пожалуйста».

АНЯ (смотрит исподлобья). Не хочу!

ОТЕЦ. Тогда пойди в другую комнату и побудь там, пока не успокоишься и не будешь готова извиниться.

Девочка уходит, закрывает за собой дверь. Наступает напряженное ожидание. До выхода на концерт остается совсем немного. Но не похоже, что родители настроены уходить.

«Как вы думаете, сколько она может там просидеть?» – спрашиваю я. «Никто не знает, – отвечает отец. – Может быть, пять минут, а может быть, и сорок!»

К счастью, довольно скоро дверь открывается, Аня выходит, подходит к сестре и спокойно произносит: «Саша, извини меня, пожалуйста».

Эта, казалось бы, незначительная, сцена произошла тридцать лет назад, а помнится до сих пор. Впечатление произвело то, как отец деликатно и искусно помог девочке усвоить урок вежливости, а заодно и овладеть собственным поведением. Здесь каждая деталь имела значение: быстрая, но спокойная реакция на проступок; разъяснение, **что** надо сделать (а не критика: «Почему ты...?!», «Опять ты...!»); овладение вниманием девочки (берет за руки, смотрит в глаза); наконец, слова наказания – в них прозвучала вера родителя, что девочка способна подумать и взять себя в руки.

Обратимся к другим примерам родительских «наказаний». Беру последнее слово в кавычки, так как возникает вопрос: насколько это были действительно наказания?

На этот раз речь идет о проблеме с подростком.

Лена пятнадцати лет отправляется в летний лагерь на море, и родители дают ей с собой деньги. Из опыта прошлого года известно, что в лагере бывают экскурсии и во время них платные развлечения. В прошлом году пришлось даже срочно досылать деньги, так как Лена попросила у другой девочки деньги взаймы на какой-то аттракцион. В этом году не без труда денег выделили больше и попросили дочь тратить их аккуратно.

Через две недели раздается звонок, и Лена сообщает, что денег больше нет ни на что – не может заплатить за телефон, не может ехать на экскурсию – пришлите еще! Родители отказывают, замечая ей, что выпрашивание и легкая трата денег случается уже не первый раз. Дочь настаивает, жалуется, требует, но родители отказывают. Лена обижена, родители расстроены тем, что их собственный ребенок проявляет безответственность и неуважение к деньгам, которые даются им совсем не легко.

По возвращении из лагеря девочка ходит обиженная, родители ведут себя сдержанно, но

отстраненно. В конце концов все чувствуют, что трудно продолжать «холодную войну», происходит разговор.

ЛЕНА. Почему вы стали ко мне так плохо относиться?

МАТЬ. Может быть, у тебя есть какие-нибудь предположения насчет этого? Хотелось бы тебя послушать.

ЛЕНА. Если говорить про лагерь, то у всех были деньги и все тратили!

МАТЬ. Все тратили. И тебе хотелось быть как все. В то же время, мы с тобой договорились, что денег дали тебе немало, и чтобы ты тратила их осмотрительно. Что касается других детей, то мы не знаем, как эти деньги достались им и их родителям. Главное, что я хочу сказать, – лично мне было обидно. Я тебе объяснила, что деньги у нас далеко не лишние, и просила тратить их аккуратно. Я даже подумала сейчас, как приятно было бы, если бы ты привезла немало денег назад, сэкономив на каком-нибудь развлечении.

ЛЕНА. Но вы мне всегда раньше давали. Я же имею право на карманные деньги!

*ОТЕЦ. Да, раньше давали. Знаешь, когда ребенок маленький, его хочется баловать. Это так приятно, побаловать маленького ребенка, купить что-нибудь вкусное или новую игрушку. Но ребенок растет, и начинаешь задумываться, что своим отношением ты с ним делаешь, и как он сам реагирует на твои подарки. И вот оказывается, что он привыкает только «брать», что он слышит только свои желания, не очень считается с другими, не думает, как на других отзываются его действия. И тогда пропадает желание его баловать. Больше того, начинаешь понимать, что своим отношением ты приносишь ему **вред!** А я не хочу этого. Ты мне далеко не безразлична, и я о тебе забочусь.*

Поэтому больше не хочу тебя баловать. Мы с мамой решили больше не давать тебе лишних карманных денег. Нам казалось, что они нужны, чтобы ты научилась их ценить и разумно тратить. Но этого, к сожалению, пока не случилось. Хочу еще раз повторить, что мы беспокоимся о тебе и поэтому вынуждены тебе отказывать в том, что, как нам кажется, работает против тебя.

МАТЬ. Папа и я говорили долго. Может быть, ты хочешь что-нибудь сказать? Мы ответили на твой вопрос?

ЛЕНА (которая за это время уже успела и поплакать, и вытереть слезы). Да, поняла. Вам не нравится мое поведение, когда я бываю эгоисткой. Я подумаю.

После разговора участники беседы почувствовали облегчение и поняли, что разговор был нужен. Вечером после ужина Лена спохватилась: «Ой, мама, я не успела помочь тебе убрать со стола, прости!».

Как мы видим, проблема Лены и ее родителей – более серьезная, чем просто эмоциональная вспышка маленького ребенка. Это уже подросток, от которого справедливо ожидать уважения к деньгам, заработанным родителями, внимания к их просьбам и вообще ответственного поведения. Тем более что родители идут навстречу ее желаниям и просьбам, насколько могут себе позволить.

Из чего же в этой истории состояло «наказание»? Родители отказались послать деньги, рассмотрели вопрос о карманных деньгах, наконец были холодно сдержанны до начала разговора. Между прочим, последнее иногда переживается сильнее прямых наказаний. Не слышим ли мы порой: «Лучше бы накричал, чем вот так смотреть или проходить мимо!».

В разговоре же родители постарались разъяснить девочке свое понимание и свои чувства. Спросили также о ней. Сказать о своих чувствах и послушать ребенка – очень важно; ведь это базисные навыки общения, которые мы будем обсуждать в третьей части книги. Когда ты говоришь искренне о себе, то проявляешь доверие к ребенку и показываешь, что он близок и дорог тебе. Тем более что отец прямо объяснял отказ заботой о дочке. А слушать ребенка важно для того, чтобы «разговор» не превратился в монолог-нотацию. Остается надеяться, что и Лена, и ее родители сделают из этого случая положительные выводы и останутся друзьями.

Обратимся к еще одному примеру, в котором речь пойдет и о маленьком ребенке, и о нем же, спустя десять лет. Этот пример снова из семейной жизни Милтона Эриксона. Его дочке Кристи в то время два с половиной года.

Однажды в воскресенье мы всей семьей сидели и читали газету. Кристи подошла к матери, схватила газету, скомкала ее и бросила на пол. Мать сказала: «Кристи, это не очень красиво вы-

глядело, подбери газету и верни ее мне. И извинись».

«Я не должна», – сказала Кристи.

Каждый из нас сказал Кристи то же самое и получил такой же ответ. Тогда я попросил жену взять Кристи и отвести ее в спальню. Я улегся на кровать, а жена положила ее рядом со мной. Кристи с презрением смотрела на меня. Она начала выкарабкиваться, но я схватил ее за лодыжку. «Отпусти!» – сказала она.

«Я не должен», – ответил я.

Борьба продолжалась, она брыкалась и боролась. Очень скоро ей удалось высвободить одну лодыжку, но я ухватил ее за другую. Борьба была отчаянной – это было похоже на молчаливую схватку двух гигантов. В конце концов, она поняла, что проиграла, и сказала: «Я подберу газету и отдам ее маме».

Вот тогда и настал главный момент. Я сказал: «Ты не должна». Тогда она, подумав получше, сказала: «Я подберу газету и отдам ее маме. Я извинюсь перед мамой».

«Ты не должна», – вновь сказал я.

Ей пришлось основательно задуматься и поразмышлять: «Я подниму газету, я отдам ее маме, я хочу ее поднять, я хочу попросить прощения».

«Хорошо», – сказал я.

В этой истории много моментов, которые хочется обсудить. Прежде всего заметим, что на отказ девочки извиниться последовала быстрая и решительная реакция отца. Для него слова «Я не должна» означали не только непослушание, но и установку, нежелательную для формирующейся личности ребенка. Этого, как понимал Эриксон, нельзя было оставить без внимания.

Девочка, как и каждый ребенок, нуждалась в помощи опытного родителя, чтобы осознать необходимость соблюдения норм, учета интересов и чувств других. Эта помощь последовала сразу, хотя и в несколько необычной форме. Обращает внимание длительность «схватки»; поражает терпеливость отца, но также и стойкость ребенка. Видно, что происходившее было серьезным делом для обоих.

Заметим, что обязательность правила и запрет на недопустимое поведение отец передает ребенку через физическое действие, ведь девочка еще маленькая, и развернутые словесные объяснения здесь не годятся. Однако его действие не рассчитано на причинение боли, как это обычно бывает при телесных наказаниях. Это акт, который просто ограничивает активность (своеволие) ребенка и показывает силу родителя, его способность взять ситуацию в свои руки.

Дальше отец работает с **сознанием** девочки. Во-первых, отвечая ее же словами («Я не должен»), он помогает ей увидеть ее поведение как бы со стороны – задача непосильная для сознания двухлетнего ребенка без такой помощи и в то же время необходимая для осмысления своего поступка. Но главный момент, по словам самого Эриксона, наступает после согласия девочки сказать то, что от нее требовали окружающие.

В ответ отец произносит все то же: «Ты не должна»!

Почему? И почему Эриксон расценивает это как «главный момент»?

Ответ, на наш взгляд, заключается в той задаче, которую Эриксон здесь решает. Его цель –

не добиться от девочки правильных слов или правильного внешнего поведения. Он хочет помочь ей задуматься и **понять**, что «правильные слова» не достаточны и что речь идет о чем-то другом, более серьезном.

Ребенок пробует догадаться, добавляет еще несколько слов – и опять тот же ответ отца, который показывает, что он не хочет формального согласия, не хочет принуждать девочку, а надеется на ее самостоятельный вывод. В конце концов, ее слова **«хочу»** показывают, что ребенку удается почувствовать свою причастность к тому, что стоит за правилами вежливого поведения.

Так ли это? Будет ли она и дальше следовать этическим нормам?

В продолжении того же рассказа М. Эриксон отвечает на этот вопрос.

Десять лет спустя мои две младшие дочери стали кричать на мать. Я позвал их и сказал: «Постойте-ка в углу. Я не думаю, что это очень здорово так грубить матери. Постойте и подумайте, согласны вы со мной или нет».

«Я могу простоять там хоть всю ночь», – заявила Кристи. Рокси сказала: «Думаю, что неправильно было кричать на маму. Я пойду и извинюсь перед ней».

Я продолжал работать над рукописью. Через час я посмотрел на Кристи. Простоять час – это все равно утомительно. Я отвернулся и продолжал писать еще час. Снова повернулся и сказал: «Кажется, что даже стрелки часов стали двигаться медленнее». Через полчаса я снова повернулся к ней и сказал: «Я думаю, что реплика, которую ты бросила маме, была очень глупой.

И еще глупее было кричать на нее».

Она бросилась ко мне в объятия и, заплакав, сказала: «Я тоже так думаю».

Десять лет без наказаний, продолжает Эриксон, с двух лет до двенадцати. В пятнадцать лет я еще раз наказал ее. И все. Только три раза.

Итак, первого опыта и первого переживания хватило на десять лет, а всего понадобилось «только три раза» за всю жизнь! Можем ли мы принять это за свидетельство правильных и психологически точных действий отца в отношении своего ребенка? Думаю, что да.

Здесь вспоминается очень сходная позиция М. Монтессори. Мы помним, что она страстно призывала не вмешиваться в действия детей, когда те заняты каким-либо делом. В то же время она требовала решительно пресекать любые грубые, невежливые, наносящие вред другим людям поступки. Когда такое случалось, она вмешивалась и показывала,

...с какой безусловной строгостью надо останавливать и подавлять все, чего нельзя делать, чтобы ребенок сумел ясно отличать добро от зла.

Освоение ребенком различия между «добром и злом» Монтессори считала «отправной точкой дисциплины».

Слова «свобода», «самостоятельность», «добро» и одновременно «решительное пресечение», «недопущение», «запрет» не зря звучат в описании позиции многих талантливых воспитателей. Пожалуй, главное в этой позиции – редкое сочетание безусловной твердости и мудрого понимания ребенка.

Общие правила

Нам пора подвести итоги в вопросе о том, как наказывать ребенка. Приведенные примеры содержат большой материал для размышлений. Может случиться, что не всякий способ наказания или наш комментарий к нему вызовет согласие читателей. Некоторые родители могут и, наверное, будут искать свои пути решения этой проблемы. В то же время уверена, что **все** родители хотят, чтобы избранный ими путь помогал растить воспитанного, эмоционально благополучного и успешного ребенка, а также способствовал сохранению добрых отношений с ним.

Поэтому выделим общие правила того, что **нельзя** делать и о чем, напротив, **надо** помнить и делать, если возникло желание наказать ребенка.

– Нельзя пропускать или надолго откладывать наказание. Оно должно следовать сразу за нарушением правила, за грубым или невежливым поведением.

При этом не имеет значения возраст ребенка: чем раньше в своей жизни он встретится с безусловностью правила, тем лучше.

– Нельзя делать наказание чрезмерным. Оно – сигнал о важности правила, а не «акт возмездия». Поэтому классические «стояния в углу» или «сидения в дедушкином кресле» вполне подходят.

– Нельзя наказанием унижать ребенка. Это значит, что наказание не должно сопровождаться грубым тоном, недоброжелательной критикой или обзыванием.

– Совершенно недопустимы физические наказания. Они не только унижают, но и ожесточают ребенка. Они ничего не прививают, а, напротив, разрушают отношения с ребенком и тормозят развитие его личности.

– Важно помнить, что смысл наказания – сообщить серьезность и непререкаемость установленных правил. Поэтому надо реагировать на их нарушение, по возможности не пропуская.

– Нужно объяснить ребенку (по возможности кратко) смысл недовольства взрослого и сказать, что конкретно от него ждут.

– Наказание нужно назначать в относительно спокойном доброжелательном тоне.

Будем надеяться, что при соблюдении того, что изложено в этой главе, вопрос о наказании станет для читателей не актуальным. Ведь главная воспитательная сила взрослого – в его авторитете, а последний достигается правильным образом жизни, умением грамотно и бесконфликтно общаться, заботой о развитии собственной личности!

Но если все-таки речь пойдет о наказании всерьез, то это будет сигналом чего-то упущенного или запущенного. Очень хочется пожелать вам **спохватиться вовремя!**

Всегда ли быть серьезным?

Шутки, смех

Дети гораздо подвижнее нас, монотонность утомляет их. Они плохо переносят однообразные занятия, затянувшиеся назидания и даже очень размеренный порядок дня. Им хочется что-нибудь «выкинуть», повозиться, побузить, «возбудить спокойствие». Хорошо известный бой подушками перед сном – пример такой естественной тяги к разрядке.

Один наш хороший знакомый любил повторять: «Человек должен мерцать», имея в виду – почаще переходить от грусти к улыбке, от уверенности к сомнению, от серьезности к шутке. Можно сказать, что дети постоянно «мерцают», это в их природе.

Участие родителей в детских развлечениях и «предприятиях» – большой подарок для детей. Ничто не сближает нас с ними больше, чем совместная игра, выдумка, смех! В такие моменты «мерцания вместе» растет взаимное доверие: ребенок чувствует, что родитель понимает и принимает его вечно живую часть, и тогда в серьезные моменты он больше готов услышать нас. Нередко шутки, юмор и совместный смех бывают сильнее воспитательных назиданий.

Хочется привести пример.

Семья живет в квартире с совмещенным санузлом. Стульчак расположен около стены с теплой дугообразной трубой для сушки полотенец. Подросток поставил на трубу свои мокрые ботинки, и один из них каким-то образом угодил в унитаз. В туалет заходит отец семейства и тут же возвращается, держа в руках окончательно промокивший ботинок. Обращаясь к сыну, он говорит: ...

Давайте сочиним воспитательные фразы родителя. Наверное, получится так: «Миша, ты должен понимать, что ботинок может упасть не туда, куда следует!», или «Надеюсь, тебе известно, что на трубу вешают полотенца. Она не для грязных ботинок!», или еще (сердито, с сарказмом) «Ты не нашел более подходящего места для своего ботинка?!».

В действительности отец сказал:

– Миша, ты не возражаешь, если я **временно** выну твой ботинок из унитаза, мне надо им воспользоваться, а потом я снова положу его на то же место.

– Нет, папочка, не возражаю, – улыбаясь, ответил сын.

Сцена развеселила всю семью и потом долго рассказывалась знакомым. Кстати, о практических выводах уже не пришлось беспокоиться.

Приведу другой случай.

Семья наших знакомых переживала трудности с приучением двенадцатилетней дочери к порядку. Та ленилась вставать, приводить себя в порядок, убирать разбросанные вещи. Родители пытались «достучаться» до нее разными объяснениями – мол, «ты же девочка», «ну посмотри на себя!», «разве так можно!?!», но без особых результатов.

Наконец, им пришло в голову воспользоваться помощью Редьярда Киплинга³, точнее, его стихотворением в переводе Мариака. Стихотворение было напечатано и отправлено по почте, конкретно на имя девочки. Обратный адрес гласил: Р. Киплинг, Великобритания. Открыв конверт, она прочла:

Горб
Верблюжий
Такой неуклюжий
Видал я в зверинце не раз,
Но горб
Еще хуже,
Еще неуклюжей,
Растет у меня и у вас.

У всех,
Кто слоняется праздный,
Немытый, нечесанный, грязный,
Появится
Горб,
Невиданный горб,
Косматый, кривой, безобразный.

³ Редьярд Киплинг (1865–1936) – англ. писатель.

*Мы спим до полудня,
И в праздник, и в будни,
Проснемся и смотрим уныло,
Мяукаем, лаем,
Вставать не желаем
И злимся на губку и мыло.*

*Совет мой такой:
Забуть про покой
И бодро заняться работой,
Не кснуть, не спать,
А землю копать,
Копать до десятого пота.*

Глаза девочки округлились: «Ой! Как он узнал все это про меня?!» (Родители в ответ недоуменно пожимали плечами.) Посмотрев на обратный адрес, она пришла в настоящий ужас: «Боже мой! Какой международный скандал!!»

Нельзя сказать, что с тех пор героиня рассказа сразу и во всем стала другой. Но испытанное потрясение, несомненно, оставило свой положительный след, в чем она позже сама признавалась. Родители находят и другие остроумные способы договориться с ребенком.

Двухлетняя девочка стоит в своей кроватке с выражением упрямой решимости: никакие силы в мире не заставят ее лечь спать! Дальше происходит диалог:

- Твой зайчик не знает, как укладываться спать.*
- Мой зайчик знает все!*
- Но твой зайчик не знает, как класть голову на подушечку.*
- Мой зайчик знает!*
- (Укладывает его на подушку, сама пристраивается рядом.)*
- Твой зайчик не знает, как лежать тихо.*
- Зайчик знает!*
- Зато твой зайчик не умеет закрывать глазки.*
- Зайчик умеет! (Закрывает глаза и скоро засыпает.)*

Действия наоборот

Бывают очень полезны не только действия «в обход», но и совсем не ожидаемые действия родителя.

В одной семье мать, уставшая от боев с дочерью-подростком по поводу уборки комнаты и беспорядка в вещах, пошла на решительный шаг. Все вещи дочери, которые оказывались не на своих местах, она собирала и складывала в ее комнате прямо у порога, тем самым, увеличивая хаос. Входя в комнату, девочка натыкалась на бесформенную кучу. За первыми недовольствами последовало изменение: в комнате стал наводиться порядок.

Еще один случай неожиданных действий мамы:

Четырехлетняя девочка с утра капризничала и не желала одеваться. Она отбросила протянутую рубашку, так что та взлетела вверх. Мать, вместо того чтобы призвать ее к дисциплине (что она обычно делала), повторила ее жест и бросила вверх колготки. Оторопев на секунду, девочка подбросила кофточку. Мама – пижаму... Бросание разных вещей продолжалось с нарастающим смехом. На шум пришел десятилетний брат: «Что это вы тут делаете? А что, мне тоже можно?». Получив разрешение, он открыл шкаф с вещами сестры и начал доставать и подбрасывать вверх ее вещи. Вскоре девочка перестала смеяться: «Теперь хватит! Давайте наводить порядок!». С тех пор подобные капризы с утра не повторялись.

Интересный пример на ту же тему рассказывает в своей книге А. Нилл.

Домоправительница группы девочек пришла ко мне однажды и сказала:

– Милдред не умывается уже неделю, она не хочет принимать ванну и уже начинает пахнуть. Что мне делать?

– Пришли ее ко мне, – сказал я.

Милдред скоро пришла. Ее руки и лицо были очень грязными.

– Послушай, – сказал я строго, – так не пойдет.

– Но я не хочу умываться, – запротестовала она.

– Заткнись, – сказал я. – Кто здесь говорит об умывании? Посмотри в зеркало.

Она посмотрела.

– Ну, и как тебе твое лицо?

– Не такое уж чистое, правда? – спросила она с усмешкой.

– Оно слишком чистое, – сказал я. – Я не потерплю в этой школе девочек с такими чистыми лицами. А теперь убирайся.

Она отправилась прямо к ящику с углем и натерла им лицо до черноты. Потом вернулась ко мне с торжествующим видом.

– Так годится? – спросила она.

Я исследовал ее лицо с должной тщательностью.

– Нет, – сказал я. – Вот на этой щеке еще осталось белое пятно.

В тот же вечер Милдред приняла ванну. Понятия не имею почему.

Размышляя над вопросом: «Почему с детьми происходит вдруг такой разворот на 180 градусов?», можно высказать некоторое предположение. Часто непослушание детей – это форма «восстания» против взрослого в ответ на надоевшие требования. Когда в своих действиях-наоборот взрослый неожиданно переходит на сторону ребенка, тому становится больше не с кем и не с чем воевать.

Чувство юмора

У послушных детей возникает обратная проблема. Их старания быть «правильными», соблюдать нормы и приличия приводят порой к излишней скованности. Родители могут и должны показывать детям, что можно оставаться свободными в рамках внешних правил. «Высокий класс» демонстрирует человек, которому удастся вести себя в обществе уверенно и непринужденно. Но для этого нужно пройти путь внутреннего раскрепощения, и чувство юмора здесь незаменимо.

Непринужденность и умение отнестись с юмором к «неловкостям» воспитывались в аристократических кругах старой России. В трилогии Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность» есть замечательный эпизод на эту тему. Герою повести, Николеньке, от лица которого ведется повествование, в этот момент, по-видимому, около десяти лет. В доме устраиваются детские танцы. Прибывают гости с нарядными девочками, в воздухе – торжественная обстановка. Танцы вот-вот начнутся, и старший брат напоминает, что пора спускаться в зал. Вдруг Николенька с ужасом осознает, что у него нет белых перчаток, которые полагаются для танцев. Перерыв все комоды, он находит только одну лайковую перчатку, к тому же старую, грязную и с отрезанным средним пальцем. Надев на руку этот остаток перчатки, он с горечью рассматривает свой вылезший средний палец, замазанный чернилами. Затем он спешит в гостиную, совершенно позабыв об этой надетой уродливой перчатке. Осторожно подойдя к креслу бабушки, он шепотом сообщает о своей беде:

– Бабушка! Что нам делать? У нас перчаток нет!

– А это что, – сказала она, вдруг схватив меня за левую руку.

– Посмотрите, моя дорогая, – продолжала она (по-французски), обращаясь к г-же Валахиной, – посмотрите, как расфрантился этот молодой человек, чтобы танцевать с вашей дочерью.

Бабушка крепко держала Николеньку за руку, пока смех не сделался общим. Переживание мальчика было смешанным. С одной стороны, было стыдно, и он изо всех сил пытался вырвать свою руку. Но, с другой стороны, Сонечка, которая ему очень нравилась, так искренно смеялась, что ему стало легко и весело: *«то, что мы посмеялись вместе и глядя друг на друга, как будто сблизило меня с нею»*.

Описание случая заканчивается замечательными словами Толстого, от имени того же Николеньки:

Эпизод с перчаткой, хотя и мог кончиться дурно, принес мне ту пользу, что поставил меня на свободную ногу в кругу, который казался мне всегда самым страшным, – в кругу гостиной; я не чувствовал уже ни малейшей застенчивости в зале.

Толстой психологически точно и тонко описывает переживание освобождения мальчика от застенчивости. Он также показывает мудрость бабушки, которая понимала, как юмор помогает освобождаться от излишних напряжений.

Опишу также реальный случай, в котором игра и шутки помогли разрядить натянутую атмосферу в гостях.

В семью пришли гости с детьми. Сели за красиво накрытый стол: несколько взрослых и пять–шесть детей в возрасте от трех до двенадцати лет. Взрослые строго следят, чтобы их дети вели себя «прилично», притихшие дети стараются быть «на высоте». Около трехлетней девочки на столе лежит ее куколка – голышок из пластмассы.

Неожиданно хозяин дома с озорным видом хватая куколку и отправляет ее в банку с лечо. Куколка смешно торчит внутри банки, наполовину утонув в томатном соусе с кусками перца. От неожиданности все замирают, потом раздражаются смехом. Куколку общими усилиями выковыривают из банки, вытирают бумажной салфеткой... Постепенно все успокаиваются. И тут – резкое движение того же взрослого «проказника», и куколка опять в лечо. Все повторяется; общий шум, увещевания взрослых, восторг детей. Опять все приходит в норму.

Жена виновника подозрительно на него косится, дети же не сводят с него глаз с выражением восхищения и горячей надежды. «Баловник» принимает грустный и послушный вид, впрочем, поглядывая искоса на детей. В конце концов, куколка в третий раз отправляется в банку под хохот детей до колик в животе («Мы так и знали!»), а потом еще пару раз – уже руками детей. Наконец, общее решение: «Ну, теперь хватит, уже насмеялись и наигрались!» Вымыли перемазанные руки, куколку тоже отмыли под краном. Начались более серьезные и более спокойные разговоры.

Как повела себя куколка – предоставим воображению читателей. А когда стали собираться домой, трехлетняя гостя взмолилась: «Мама, давай здесь останемся жить!».

К этому можно только добавить, что каждый ребенок, встречаясь с живым детским началом внутри нас, взрослых, переживает это как счастливый подарок судьбы.

Мир фантазий

Внутренняя жизнь ребенка проходит в фантазиях, мечтах и играх. Можно даже сказать, что дети – в основном дошкольники и младшие школьники – живут в двух мирах. Вот что пишет об этом детский психолог Мария Осорина в своей замечательной книге «Секретный мир детей»:

Дома ребенок может одновременно сосуществовать в двух разных реальностях – в привычном мире окружающих предметов, где распоряжаются и оберегают ребенка взрослые, и в воображаемом собственном мире, наложенном поверх обыденности. Он тоже реален для ребенка, но невидим для других людей. Соответственно для взрослых он недоступен. Одни и те же предметы могут быть в обоих мирах сразу, имея, однако, там разные сущности. Вот вроде бы простое пальто висит, а посмотришь – как будто кто-то страшный.

Воображаемый мир ребенка – это мир сказок, грез, собственных образов и историй; в нем живут разные персонажи, разыгрываются необыкновенные события, где сам «автор» нередко выступает в роли героя. Взрослый никогда по-настоящему не поймет ребенка, если не будет знать об этой его в буквальном смысле двойной жизни.

Однажды мать трехлетнего мальчика обратилась к психологу:

Я очень беспокоюсь, у меня ребенок какой-то странный. Говорит, что был на войне и там его ранили в ногу, показывает мне место, куда его ранили. Я говорю: «Ты что, какая война, какая рана?!», а он ни в какую – бубнит одно и то же, и уже не первый день! Может быть, он у меня с ума сошел?»

В отличие от этой мамы, внимательные взрослые, особенно те, кто в силу избранной профессии много жили и общались с детьми, хорошо знают о фантазиях ребенка и помогают нам их понять. Вот снова отрывок из книги М. Осориной:

Мама даже не подозревает, что, рассматривая суп в тарелке, ребенок видит подводный мир с водорослями и затонувшими кораблями, а проделывая ложкой бороздки в каше, представляет, что это ущелья среди гор, по которым пробираются герои его сюжета.

Иногда поутру родители не знают, кто сидит перед ними в образе их родного дитяти: то ли это их дочка Настя, то ли Лисичка, которая аккуратно раскладывает свой пушистый хвост и требует на завтрак только то, что едят лисы. Чтобы не попасть впросак, бедным взрослым бывает полезно заранее спросить ребенка, с кем они имеют дело сегодня.

А. Нилл, проведший несколько десятилетий в ежедневном общении с детьми разного возраста, рассказывает нам о том же:

Шестилетки в Саммерхилле играют весь день напролет – играют со своими фантазиями. Для маленького ребенка фантазия и реальность очень близки друг к другу. Когда десятилетний мальчишка вырядился призраком, малыши сначала визжали от восторга: они знали, что это всего лишь Томми, и видели, как он заматывался в простыню. Но когда он напал на них, они все завопили от ужаса...

Мне так и не удалось установить, где у них пролегает граница между фантазиями и действительностью. Когда девочка приносит кукле еду на маленькой игрушечной тарелочке, верит ли она, что кукла живая? Игрушечный конь-качалка – это настоящий конь? Когда мальчик кричит: «Огонь!» – и потом стреляет, верит ли он, что ружье у него в руках – настоящее? Я склонен думать, что, когда игра в разгаре, дети и в самом деле воображают, что их игрушки –

настоящие вещи, и только когда вмешивается какой-нибудь бестактный взрослый и тем самым напоминает, что все происходящее плод их воображения, они с размаху шлепаются обратно на землю.

Почему дети играют «все дни напролет» и создают свой воображаемый мир? Для чего им это нужно? Дело в том, что через фантазию и игру ребенок осваивает мир взрослых, со всей сложностью его устройства, порядка, социальных ролей и человеческих взаимоотношений. Воображая себя солдатом, летчиком, полководцем, он «проживает» в действии (пусть пока в фантазии) своих героев – их характеры, поступки, их героизм и благородство. Как пишет отечественный психолог Даниил Борисович Эльконин, для ребенка *«игра является школой морали, но не морали в представлении, а морали в действии».*

Вот почему опытные педагоги и психологи призывали бережно относиться и к игре, и к воображению, и к фантазиям детей.

«Ни один чуткий родитель никогда не станет разрушать мир детской фантазии», – пишет А. Нилл. *«Не надо стыдиться играть. Детских игр нет!»* – замечает Януш Корчак.

Хорошо, если родитель, проявив такт, принимает участие в игре детей. Дети в таких случаях не только счастливы, но и предельно серьезны, так что и нам приходится сохранять в игре полную серьезность.

Вспоминается одна такая игра в нашей семье. Моя внучка восьми лет (ученица 2-го класса) усадила свою маму, старшую сестру и меня играть «в школу». Она, конечно, в роли учительницы, а мы – ученики. Мы писали буквы, считали (иногда нарочно ошибались), нас поправляли, делали замечания. Кто-то из нас время от времени нарушал дисциплину, жаловался на соседа (тогда учительница строго одергивала обоих), повторно просился в туалет (повторно не отпускала).

Наконец, наступил урок рисования, и было задано нарисовать льва! Каждый в меру своих способностей изобразил, что мог. На моем рисунке лев был, прямо скажем, трудно узнаваем. Начался обход «учителя» с проставлением оценок. Я замерла в ожидании своей участи.

«Учитель» – своей старшей сестре (у которой явные способности к рисованию):

– Неплохо, ...тут можно еще подправить, но в общем пять с минусом!

Следующий – рисунок мамы:

– Немного хуже, пожалуй, могу поставить четыре.

Наконец долгий взгляд на мое произведение:

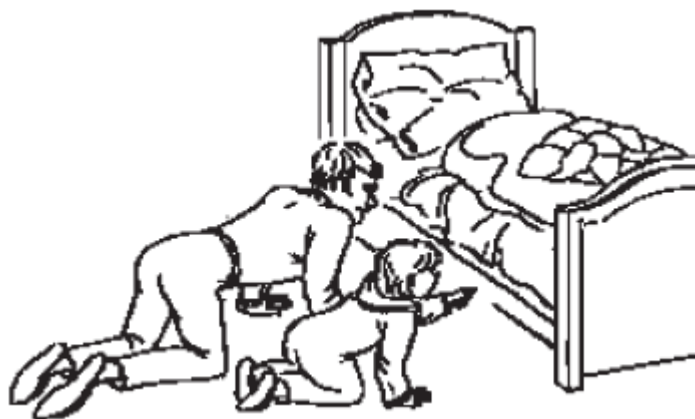
– Да, Юлечка, больше трех с минусом поставить тебе никак не могу, ты у нас все-таки очень слабенькая!

Я съежилась под тяжестью приговора, а тут еще злорадные улыбки моих «одноклассниц»...

«Бедные дети, – подумалось мне, – как они только выживают в атмосфере наших непрерывных оценок в школе и дома!»

Включаясь в фантазии ребенка, можно не только лучше понять его, но и помочь справиться со страхом и другими эмоциональными проблемами. Об одном таком случае рассказывает американский психолог Вилл Макдональд.

Однажды, когда моей дочери было три года, я услышал ужасный вопль из ее комнаты. Я пошел посмотреть, что случилось, и обнаружил Джессику, которая, забравшись на кровать, кричала, что в ее комнате появился монстр (чудовище). Когда я сказал, что не вижу никакого монстра, она ответила, что я, когда входил в комнату, испугал его, и он спрятался под кровать. Мы встали на четвереньки и стали его искать под кроватью. Я опять ничего не увидел, но она заявила, что это ее собственный монстр, поэтому видит его только она. Тогда я сказал, что раз это *ее* монстр, то она может сделать с ним все, что хочет. Например, она может сделать его совсем большим, но это было бы страшно. Она может также сделать его маленьким. Второе ей понравилось, и она уменьшила его до размера плюшевого медвежонка.

Этим вечером мы поехали ужинать в ресторан, и Джессика, уже подружившаяся с монстриком, взяла его с собой. На обратном пути домой с заднего сиденья вдруг раздался громкий плач Джессики: «Я забыла своего монстрика в ресторане!» Ее шестилетний брат, искушенный в таких вещах, сказал: «Все в порядке, Джесс, он у меня в кармане».

Сказки и истории

Можно сказать, что известные сказки – это мир детских фантазий, созданный живыми, талантливими взрослыми. Эти же фантазии возвращаются к детям, развивая и обогащая их. Раньше сказки рассказывались старыми бабушками, в наше время их чаще читают родители. Сказки нужны детям как воздух.

Еще дети любят слушать истории. Это те же сказки, только «про жизнь», и они бывают не менее захватывающими. Вот как об этом пишет русский историк Сергей Михайлович Соловьев (его детство пришлось на 20-е годы XIX столетия).

Самыми близкими и любимыми существами для меня в раннем детстве были старая бабушка и нянька. Последняя, думаю, имела немалое влияние на образование моего характера.

Как теперь я помню эти вечера в нашей тесной детской: около большого стола садился я на своем детском стульике, две сестры...старая бабушка с чулком в руках и нянька-рассказчица, также с чулком и в удивительных очках, которые держались на носу только. Небольшая, худощавая старушка с очень приятным выразительным лицом без умолку рассказывала о странствиях своих вдоль по Великой и Малой России. Несколько раз (не менее трех) путешествовала она в Соловецкий монастырь и столько же раз в Киев, и рассказы об этих путешествиях составляли для меня высочайшее наслаждение.

Рассказывала нянюшка и о дальних странах – например, об Астраханской губернии, куда она была продана купцам еще девочкой, «о Волге, о рыбной ловле, больших фруктовых садах, о калмыках и киргизах, о похищении последними русских людей, об их страданиях в неволе и бегстве». Все это переносило воображение мальчика далеко за пределы «тесной детской» и будило стремление узнавать все больше о странах, временах и народах.

Если я и родился со склонностью к занятиям историческим и географическим, – замечает С. Соловьев, – то постоянные рассказы старой няни о своих хождениях, о любопытных дальних местах, о любопытных приключениях не могли не развить врожденной в ребенке склонности.

Так простые неграмотные бабушки, наши чудесные «Арины Родионовны», ведя неспешные беседы, «образовывали» души и характеры детей, впоследствии становившихся знаменитыми поэтами и учеными!

В наше время традиция личных бесед и увлекательных рассказов постепенно разрушается из-за технических средств массовой коммуникации.

У родителей возникает соблазн переложить свои функции на мультики, видики и прочее. Но **личное общение** с ребенком ничем заменить нельзя!

К тому же оно имеет много разных форм и «жанров».

К их числу относится, например, придумывание историй.

Сошлюсь снова на практику А. Нилла.

Через воскресенье по вечерам, – пишет Нилл, – я рассказываю младшим детям истории из их собственных приключений. Я делаю это годами.

В рассказах Нилла дети совершали путешествия в глубины Африки, на дно океанов, улетали далеко в небо за облака. В этих историях происходили воображаемые события в том числе и из их школьной жизни.

Некоторое время назад я рассказал им, что случилось после моей смерти. Саммерхилл решил под начало сурового человека по имени Маггинс. Он сделал уроки обязательными. Если кто-то произносил всего лишь «черт!», его наказывали розгой. Я живописно изобразил, как все они кротко подчинились его приказам.

Детвора – от трех до восьми лет – пришла в ярость: «Мы не подчинились. Мы все убежали. Мы его убили молотком. Думаешь, мы бы стали терпеть такого человека?».

В конце концов я понял, что смогу успокоить их, только ожив и вышвырнув господина Маггинса за порог.

Придумывание историй и сказок проходит особенно драматично, когда дети и взрослые сочиняют их **вместе**.

Замечательный пример такой «сказки вместе» мы находим у Марины Цветаевой в рассказе «Сказка матери». Это рассказ автобиографический. Марина (ей примерно шесть лет) и ее младшая сестра Ася (на три года младше) слушают маму. Приводим лишь небольшие кусочки из этого редкого по своему очарованию текста.

– Жила-была мать, у нее были две дочки...

– Муся и я! – быстро перебила Ася. – Муся лучше играла на рояле и лучше ела, а зато Ася... Асе зато вырезали слепую кишку, и она чуть не умерла.

– Да, – подтвердила мать, очевидно не слышавшая и сочинявшая свою сказку дальше, а может быть, думавшая совсем о другом, – две дочки, старшая и младшая...

– А зато старшая скоро состарилась, а младшая всегда была молодая, богатая и потом вышла замуж за генерала, Его Превосходительство, или за фотографа Фишера, – возбужденно продолжала Ася, – а старшая за богадела Осипа, у которого сухая рука, потому что он убил брата огурцом. Да, мама?

– Да, – подтвердила мать.

– А младшая потом еще вышла замуж за князя и за графа, и у нее было четыре лошади.

А старшая – в это время – так состарилась, стала такая грязная и бедная, что Осип ее из богадельни выгнал: взял палку и выгнал.

– И вот, когда тот разбойник потребовал, чтобы она выбрала, она, обняв их обеих сразу...

– Мама! – завопила Ася. – Я совсем не знаю, какой разбойник!

– А я знаю! – я, молниеносно. – Разбойник, это враг этой дамы, этой мамы, у которой было две дочки. И это, конечно, он убил их отца....

– Ма-ама! Как Муся смеет рассказывать твою сказку?

– Потому что он был в нее влюблен! – торжествовала я, и уже безудержно: – И ему лучше было ее видеть в могиле, чем...

– Какие африканские страсти! – сказала мать. – Откуда это у тебя?

– Из Пушкина. Но я другому отдана, но буду век ему верна. (И после краткой проверки.) Нет, кажется, из «Цыган».

– А по-моему, из «Курьера», который я тебе запретила читать....

– А кого, мама, она все-таки больше жалела? – не вытерпела Ася. – Потому что одна была болезненная... плохо ела, и котлет не ела, и бобов не ела, а от наваги ее даже тошнило... Но чтобы она нечаянно не умерла с голоду, мама становилась перед ней на колени и говорила: «Ну ррради Бога, еще один кусочек: открой, душенька, ротик, я тебе положу этот кусочек!» Значит, мама ее – больше любила!

– Может быть... – честно сказала мать, – то есть больше – жалела, хотя бы за то, что так плохо выкормила.

– Мама, не забудь про аппендицит! – взволнованно, Ася.

Только через несколько лет в народе пошел слух о каком-то святом отшельнике, живущем в пещере, и...

– Мама! Это был – разбойник! – закричала я. – Это всегда так бывает. Он, конечно, стал самым хорошим на земле, после Бога! Только – ужасно жаль.

– Что жаль? – спросила мать.

– Разбойника! Потому что когда он так, как побитая собака, – поплелся – ни с чем! – она, конечно... **я бы**, конечно, его страшно полюбила: взяла бы его в дом, а потом бы непременно на нем женилась.

Даже в этих отрывках, которые лишь частично передают всю художественную и психологическую красоту полного рассказа, обнаруживаются «горячие точки» переживаний девочек, их почти «африканские страсти». Здесь ревность и соперничество, борьба за превосходство и за любовь матери. Балующая младшая претендует на особое положение, использует любые средства, в том числе «моральное уничтожение» старшей сестры и превознесение себя. Старшая готова дать бой, но, с другой стороны, проявляет трогательное милосердие и жертвенность, выражая готовность приютить несчастного разбойника. В целом сказка позволяет узнать о внутренней жизни девочек то, что они никогда не смогли бы рассказать прямо. И так – с любыми детьми!

Еще один жанр – развивающие беседы. Мы уже встречались с такими беседами в первой части, рассказывая о прогулках отца Р. Фейнмана со своим сыном. Подобные разговоры родителей с детьми бывают наполнены не только вопросами, но и загадками, юмором, смехом. Один пример из книги А. Звонкина.

Летом мы снимали дачу в Подмоскowie, и к нам в гости приехал Петя. Мальчики вспоминали, как они недавно ходили в зоопарк и как им показывали обезьян. Я вмешался в их разговор и сказал, что это не им показывали обезьян, а их показывали обезьянам. Такая инсинуация с моей стороны не могла не вызвать решительный протест, но они не сразу нашли, что ей противопоставить.

– Мы на них смотрели.

Такой аргумент разбить легче легкого:

– Ну и подумаешь, смотрели! Они тоже на вас смотрели.

Второй аргумент был гораздо серьезнее:

– Мы можем ходить, где хотим, а обезьяны не могут. Они в клетке сидят.

Но я и на это нашел, что возразить.

– Нет, вы ходите не где хотите. Например, вам нельзя ходить внутри клетки. А обезьянам нельзя снаружи. Просто есть решетка, и обезьяны ходят, где хотят, с одной стороны решетки, а вы – с другой.

Так мы еще спорили некоторое время...

Игры и загадки

Чем еще может родитель заниматься вместе с детьми с пользой для них и для своих взаимоотношений с ними? Возьмем, например, настольные игры, шашки, шахматы. Такие занятия полезны во многих отношениях. Они развлекают, развивают, сближают; одновременно они помогают решать некоторые психологические задачи.

Одна из важных задач родителя – научить ребенка **проигрывать**. Известно, что некоторые

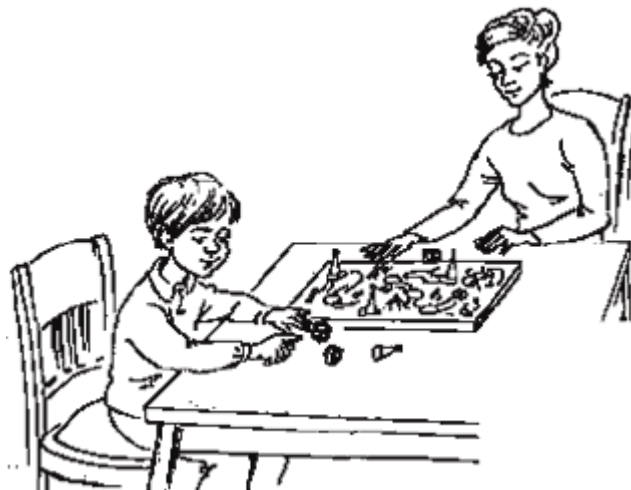
дети не переносят проигрышей: плачут, устраивают сцены, отказываются играть. Не стоит в таких случаях жалеть ребенка, идти у него на поводу, стараться нарочно проиграть. Ведь игра – это прообраз жизненных ситуаций, где будут соревнование, соперничество и, конечно, возможные проигрыши. Ваша игра с ребенком готовит его к жизни. Через игру он может понять, что, во-первых, его не всегда ждет успех; во-вторых, что для успеха надо работать, думать и много знать; в-третьих, что проигрыш еще не «конец света».

Все эти и другие эмоциональные уроки игры в наших руках. Лучше всего с особенно чувствительным ребенком поговорить заранее. Отметить, что каждый из нас будет время от времени проигрывать, и тогда каждый может поделиться своим огорчением, а другой может ему посочувствовать. Конечно, у выигравшего будет соблазн порадоваться, это естественно, но лучше удерживаться от чрезмерного торжества, чтобы другому было не так обидно. Можно обсудить, где еще с нами случаются (или могут случиться) похожие огорчения и как лучше их преодолевать. Можно подняться даже до оптимистической идеи о пользе неудач: в чем эту пользу можно найти?

В совместных играх ребенок развивается умственно, причем вы становитесь свидетелем и участником этого процесса. Вот пример.

Обычная настольная игра, в которой бросается кубик с очками от 1 до 6, и каждый играющий делает своей фишкой ходы, то продвигаясь по проложенному пути ровно, то взлетая на много шагов вперед, то проваливаясь вниз на предыдущие позиции. Ребенку пять лет, и ему постепенно становится скучно от медленного продвижения фишек. Вообще игра на первых порах была полезной и интересной – в ней осваивался порядковый счет и количества: что такое два, три шага или даже шесть! Но все это уже позади.

И тут ребенок догадывается взять второй кубик. Теперь намного интереснее! Во-первых, игра идет быстрее; во-вторых, счет шагов доходит до 12, а главное, теперь ребенку приходится складывать выпавшие очки – и он быстро осваивает эту операцию. Через некоторое время он предлагает взять три кубика! Так незаметно осваиваются арифметические действия с переходом через десятку.

Когда такое «изобретение» с кубиками приходит в голову, важно не торопить ребенка – ни с самой идеей, ни со счетом. Надо помнить, что ему необычайно важно все, до чего он додумывается **сам!**

Еще один пример относится к играм в карты. Не думаю, что игра в карты – это всегда плохо. Даже играя в «подкидного», вы можете вместе пройти через переживания разочарований и побед, о чем шла речь выше. Но есть и более «умные» карточные игры, с большим развивающим потенциалом.

Это тоже из опыта одной семьи. Отец, мать и сын тринадцати лет находят время поиграть в «Кинга». Игра предполагает внимательность, счет и расчет. В ней много конов, и в конце каждого кона играющие получают баллы. Баллы записываются, игра продолжается довольно долго.

В конце всей игры возникает идея построить график по результатам каждого игрока. Графики обнаруживают интересную картину: резкие взлеты и падения у мамы (рискующий игрок) с окончательным результатом – на последнем месте! У папы более ровный график (более осторожная тактика), однако, с некоторыми досадными провалами; объяснение «автора» – «терял бдительность»; общий результат – второе место. У сына осторожная и внимательная игра: незначительные проигрыши компенсировались большими выигрышами – первое место.

В заключение все трое весело обсуждают, как здорово с помощью графиков можно увидеть тактику каждого и даже проявления их характеров! Очевидно, что для сына тема графиков в школе окажется знакомой и понятной.

Замечательную историю из своего детства рассказал известный математик Владимир Игоревич Арнольд.

После стольких поколений предков стал математиком и я, хотя наша учительница Анна Федоровна объяснила моей матери, что я второй класс не осилю, так как до сих пор не выучил таблицу умножения (и, следовательно, не имею нужных для арифметики математических талантов).

«Когда я его спрашиваю, сколько будет четырежды семь, то вижу, что он наизусть этого не знает, а быстро-быстро складывает в уме», – объясняла учительница.

В тот же вечер бабушка Вера Степановна навсегда обучила меня всей таблице умножения. Она сделала для этого колоду карточек, на каждой из которых на одной стороне написала вопрос (скажем, «семью восемь»), а на другой – ответ («пятьдесят шесть»). Играть этой колодой нужно было как в «пьяницу»: отвечаешь, переворачиваешь карточку, и если ответ верен, то откладываешь ее, как «выигранную», а если нет – кладешь ее в низ колоды и читаешь следующую карточку.

Колода невыигранных карточек быстро уменьшается, и через какой-нибудь час одинокой игры остается всего три-четыре карточки, для которых ответы теперь запоминаются автоматически, сами собой. Игры обучают лучше, чем наказания.

Дети любят решать задачи на сообразительность, особенно когда их задают с учетом возраста и возможностей ребенка. Много задач и загадок разной трудности можно найти в замечательной книге Е. Г. Козловой «Сказки и подсказки».

Но есть совсем простые «каверзные» задачки, которые вполне доступны пониманию дошкольника, и в то же время не сразу решаются взрослыми. В таких случаях ребенок, когда он уже знает ответ, с удовольствием наблюдает ошибки и «муки» родителя: наконец, роли переменялись и «отливаются его слезы»! Это забавляет и подогревает желание найти другие подобные задачки. Для начала приведу две из них.

Первая звучит так:

«Сколько весит кирпич, если он весит один килограмм, и еще пол-кирпича?» (Только не от-

вечайте сразу: «полтора», это обычный, но неверный ответ!)

Вторая задача – это, скорее, интеллектуальный «фокус», которому вы можете научить ребенка, чтобы он показывал его другим: папе, бабушке или однокласснику.

Задумай число в пределах десятка. Помножь его на семь. Вычти задуманное число. Раздели то, что получилось, на шесть. Снова вычти задуманное число. К тому, что получилось, прибавь пять. Помножь это на четыре. У тебя получилось двадцать!

Читатель может проверить правильность ответа, задумав число и проделав все шаги. Если не сразу, то через два-три раза, меняя задуманное число, вы догадаетесь, в чем тут дело. А потом, разобрав все с ребенком (если он еще не опередил вас), вы сможете сочинять другие последовательности шагов и с другими числами, которые приведут вас к безошибочной отгадке.

Приходят на ум и другие увлекательные занятия с детьми. Это и подвижные игры – в прятки, в жмурки, в рукопашную, и совместные предприятия – рыбная ловля, запускание змея или шитье одежды для куклы; и устройство сюрпризов и «секретных» подарков.

Свободное время для ребенка

Родителям просто необходимо хотя бы в какой-то доле иметь время для ребенка и в течение этого времени **жить в его мире**, то есть играть, интересно беседовать, фантазировать, шутить и смеяться вместе с ним. Ссылка на занятость – не очень убедительное оправдание. В конце концов, «очень занятый родитель» – это человек, определивший свои приоритеты, в которых ребенку досталось не так много места и времени, так сказать, «по остаточному принципу». Но если человек успешно работает, он также успешно может решать для себя и своего ребенка судьбоносную задачу: как делиться с ним своим временем и талантом!

В этой связи хочется привести еще один пример очень талантливого родителя, имя которого ни у кого не вызывает сомнения в его профессиональном успехе и огромном труде, который он вкладывал в свою работу. Эту возможность нам дают воспоминания Лидии Чуковской о своем отце, Корнее Ивановиче Чуковском.

В доме Чуковских сложился такой порядок: обычно Корней Иванович после многочасовой работы выходил к детям, которые ждали его с нетерпением.

От него мы всегда ожидали веселого чародейства. Если с ним, значит уж так завлекательно – не оторвешься...

Он охотно играл с нами и в самые распространенные, общепринятые, незамысловатые игры: в палочку-выручалочку, перегонки, снежки, даже в кучу малу: ни с того ни с сего хохот, толкотня, клубок тел на полу, визг...

Он научил нас играть в шахматы и шашки, разыгрывать шарады, ставить пьесы, строить из песка крепости и заруды; он поощрял игры – кто выше прыгнет, кто дальше пройдет по забору или по рельсу, кто лучше спрячет мяч или спрячется сам; играл с нами в городки, скакал на одной ноге до калитки и обратно.

Чуковский-отец пристально следил за моральным воспитанием детей. Он не терпел «разгильдяйства», безделья, работы вполсилы, приучал их к труду. Но и в обыденных делах он умел задеть живые струнки детей.

Он превратил для нас в любимую игру уборку письменного стола; какая это была радость: выковыривать кнопки особой раздвоенной лопаточкой, постилать на стол новую зеленую бумагу и ровненько закалывать ее кнопками; протирать ящики особой тряпкой, которую он хранил в потайном месте, и потом, по его поручению, мчаться к ручью – стирать ее серым, тоже извлеченным из особого тайника мылом.

Корней Иванович сам обучал детей английскому языку, к которому питал страсть смолоду. Уроки он также превращал в увлекательную игру.

«Сухопарая экономка знаменитого лысого путешественника, заболев скарлатиной, съела яичницу, изжаренную ею для своего кудрявого племянника. Вскочив на гнедого скакуна, долгожданый гость, подгоняя лошадь кочергой, помчался в конюшню...»

Это мне задано. Это я должна к завтраму перевести на английский. Чушь эту сочинил для меня он сам; для Коли – другую, столь же несусветную; он составил эти интересные сочинения из тех английских слов, которые накануне дал нам выучить.

Мне лет шесть или семь; Коле – девять или десять. Мы переводим подобную ахинею верстами и от нее в восторге. Радостный визг и хохот! «Подгоняя лошадь кочергой!»...

«Старая дева, объевшись замазкой, упала в пруд.»

Объевшись замазкой! Какая радость! Мы были неприхотливы и смеялись взапуски. Когда же после ахинеи, белиберды, чуши откроешь, бывало, книгу Диккенса на той странице, к которой он нас готовил, и сама, без его помощи, узнаешь, что случилось дальше с Оливером Твистом, – о! ради этого стоило зубрить слова и даже терпеть его немилость.

Из всего, что мы обсудили в этом разделе, простой вывод:

Веселое и радостное общение с ребенком оказывается гораздо более эффективным, чем воспитание «в лоб»!

Часть 3 Наше общение

Слушать и слышать

Мы общаемся с ребенком всегда – когда учим и приучаем, когда кормим и гуляем, наказываем и играем. От того, как проходит общение, зависят и результаты воспитания, и конечно общее благополучие ребенка, да и нас самих. В предыдущих главах мы неоднократно упоминали о важности доброжелательной атмосферы общения.

Такая атмосфера зависит не только от характера взрослого и не только от поведения ребенка. Она создается благодаря овладению и использованию **навыков** общения. Влияние правильных навыков, или техник, общения на состояние человека и его взаимоотношения с другими в том числе собственным ребенком, – это настоящее открытие, которое пережили и продолжают переживать все, кто поверили в эти техники и стали их осваивать.

В психологии был найден замечательный способ помощи собеседнику в случаях, когда ему трудно справиться с ситуацией, пережить неудачу, выразить еще не вполне ясные чувства или мысли. Он получил название **техники активного слушания**.

Основы этой техники описаны в книге «Общаться с ребенком. Как?» (урок 5). Там же приведено много примеров и подробностей, с которыми стоит познакомиться. Здесь мы не будем повторять все, скажем лишь основное. А затем обсудим более глубокие позитивные следствия ее применения.

Пойдем «от печки»

При активном слушании ваша задача – **понять** говорящего, и **дать ему знать** об этом. Когда мы говорим «понять», то имеем в виду не только содержание его слов, но и его эмоциональное переживание.

Обнаружено, что решить эти обе задачи (понять и дать знать) помогает следующий прием: вы повторяете то, что сказал собеседник, и при этом называете его чувство или состояние.

Если ваш ответ точен, то собеседник чувствует, что вы как бы присоединились к его переживанию, что вы «разделили» его. И это чувство очень важно для каждого: происходит то, о чем говорит мудрая пословица: «разделенное горе уменьшается вдвое, а разделенная радость вдвое усиливается».

Напомню некоторые рекомендации. Воспроизводя сказанное собеседником, вы можете повторить отдельное слово, или фразу, или использовать парафраз (то есть, передать тот же смысл другими словами); если человек говорил долго, то можно сделать резюме.

Возьмем пример. Маленькому ребенку сделали укол, он плачет и говорит: «*Больно, доктор плохой!*». Ваш ответ: «*Тебе больно и ты сердисься на доктора*» (заметим, этим не закончится ваша беседа с ребенком, мы обсуждаем лишь ваш первый ответ).

Другой пример: ваша дочка-школьница заявляет: «*Не надену я эти дурацкие туфли, над ними все в классе будут смеяться!*». Ваш ответ в стиле активного слушания: «*Тебе не нравятся эти туфли, ты боишься, что ребята тебя засмеют*».

В первом примере в ответе родителя было точно повторено слово «*больно*», а также озвучено чувство ребенка «*сердишься*». Во втором примере слова «*боишься, что ребята тебя засмеют*» есть парафраз высказанного опасения девочки («*все в классе будут смеяться*») а также называется ее чувство («*боишься*»).

Наряду с Активным слушанием используется так называемое Пассивное слушание. Это тоже форма активного внимания к проблеме собеседника, только с малым количеством слов. Это могут быть отдельные слова, междометия («как жаль», «неужели?», «ой!» «гм-гм»...), кивки головы, внимательный взгляд.

В технику активного слушания входит также ряд других правил и рекомендаций.

Очень важно после вашего ответа **держат паузу**. Она нужна для того, чтобы дать собеседнику пространство и время подумать и, может быть, сказать больше. Она же дает вам возможность сосредоточиться на собеседнике, отстраняясь от собственных мыслей, оценок и чувств. Такое умение отстраняться от себя и переключаться на внутренний процесс собеседника (иногда даже говорят погружаться в него) – одно из главных и трудных условий активного слушания. Когда оно выполняется, между вами и собеседником возникает раппор. Это иностранное слово означает особенно доверительный контакт.

Еще одна важная подробность касается ваших интонаций. Повторять сказанное нужно в **утвердительной**, а не вопросительной форме. Когда вы задаете вопрос, то это значит, что вы хотите информировать себя. А когда вы произносите ту же фразу в утвердительной форме, вы рассказываете собеседнику то, что услышали о нем.

Давайте сравним: видя, например, страдание на лице другого, в одном случае вы можете спросить: «Тебе больно?»; в другом случае вы произнесете утвердительно: «Тебе больно». Где прозвучит больше сочувствия и понимания? Признаюсь, разница тонкая, но человек «в беде» ее всегда замечает. И это потому, что в первом случае вы задаете вопрос для себя, чтобы подтвердить свое впечатление (пусть даже о нем). Во втором же случае вы показываете, что вы разделяете его боль.

Чтобы поддерживать контакт, полезно также подстраиваться под собеседника **невербально**, то есть повторять его позу, мимику, жесты, интонации, громкость и темп голоса, движения глаз и головы. Важно, чтобы ваши глаза находились на уровне его глаз.

Есть несколько рекомендаций, которые начинаются с «**не**».

Не начинать слушать, если нет времени. Это понятно: представьте себе, что, начав беседу и установив доверительный контакт, вы вдруг говорите: «Ах, извини, я очень спешу!». Ваш собе-

седник может почувствовать разочарование и даже обиду, и будет прав.

Не расспрашивать. Об этом шла речь выше в связи с вопросительной интонацией. Прямые вопросы и тем более расспросы нежелательны. Ведь задавая вопросы, вы удовлетворяете собственное любопытство, и собеседник это почувствует.

Не давать советов. Советы – это первое, что обычно приходит в голову, когда возникает желание помочь. Больше того, человек, оказавшийся в беде, часто сам просит: «Скажи, что мне делать?». Жизнь показывает, что на самом деле советы не работают. На это есть несколько причин.

Во-первых, когда вы даете совет, то как бы ставите себя выше другого. Это его (сознательно или бессознательно) обижает, и он стремится развенчать ваши «умные» рекомендации. Во-вторых, вы исходите из своего понимания ситуации, а для него проблема может выглядеть совсем по-другому (вот почему совет, который начинается со слов:

«Я бы на твоём месте...», часто встречает возражение: «А я не ты, и я так не могу!»). Наконец, в-третьих, обычно то, что вы советуете, человеку уже и так приходило в голову – ведь он с этой проблемой пробыл дольше вас. Вот почему разговор с советами часто проходит по такому образцу: вы говорите – «Почему бы тебе не...?», на что получаете ответ «Да, но...».

Рассмотренными «не» не ограничиваются «подводные камни», которые встают на пути практического овладения активным слушанием. Их гораздо больше, и в их число входят наши **привычные фразы**, которыми мы отвечаем на жалобу, беду или переживание другого.

Вопросы и советы стоят во главе списка таких типичных ответов. Приведем остальные, снабдив их примерами (которые, конечно, будут контр-примерами, то есть тем, **как не надо**) и комментариями к ним.

Напомню, что в этих примерах предполагаются ситуации, где у вашего ребенка (или взрослого партнера по общению) «наполненный эмоциональный стакан», то есть он нуждается в сочувственном (активном) слушании.

Приказы, команды: «Сейчас же перестань реветь!»

(Ясно, что до сочувствия здесь далеко!)

Предупреждения, угрозы: «Еще раз так скажешь, получишь!», «Будешь не слушаться, запру в чулан!»

(Нет понимания и нет желания понять. На первом месте – цель «навести порядок», а для этого припугнуть.)

Морали, нравоучения, проповеди: «Сколько раз тебе говорил: слушайся старших. Теперь пеняй на себя!», «Все беды происходят от шалопайства. Тебе говорили: надо трудиться!»

(В ответ – молчаливое переживание ребенка: «И так тошно, а тут еще со своими моральями». «Когда так говорят, хочется заткнуть уши ватой!» (реальное высказывание подростка).

Критика, выговоры, обвинения: «Вечно ты влипаешь в истории!», «Такая дылда, а ума не набрался!»

(Вместо сочувствия, еще один щелчок по самолюбию.)

Обзывание, высмеивание: «Плакса-вакса», «Латша», «Нытик», «Нельзя быть таким ослом!», «Смотрите-ка, нашего Эйнштейна не оценили!»

(Нельзя приклеивать ярлыки, а шутить лучше теплее.)

Догадки, интерпретации: «Ты злишься, потому что у тебя самого ничего не получается», «Ты, наверное, поругался со своей девочкой, вот и киснешь.»

(В этих фразах – отстраненное суждение и вторжение в личное пространство. Люди не любят, когда их «вычисляют».)

Сочувствие на словах, уговоры, увещания: «Ничего, пройдет», «Я тебя понимаю, но не стоит так сокрушаться», «Это пустяки», «У меня тоже так было – и ничего, выжил.»

(Вместо того чтобы разделить переживание собеседника, «сочувствующий» принижает или обесценивает его чувства. Это несправедливо и обидно.)

Конечно, в жизни все эти типы фраз перемешаны и редко встречаются в чистом виде. Например, возьмем случай: огорченный сын приходит из школы и сообщает, что получил двойку. Отец говорит:

Ну вот, я так и знал! Ну что мне теперь с тобой делать?! Человеческих слов ты не понимаешь, лоботрясничает! Неужели ты не видишь, как родители для тебя стараются? И вместо благодарности – эти твои замечательные «успехи»!

Я все это дальше терпеть не намерен, придется принимать меры!

Вам, наверное, будет нетрудно узнать в этой тираде отца смесь разных типов традиционных реплик без стремления услышать и понять проблему сына.

Научиться активно слушать непросто. При активном слушании приходится внимательно наблюдать, эмоционально отзываться, быстро схватывать смысл, владеть языком и многое другое.

К тому же надо отрешиться от себя, своих мыслей и переживаний, поместить себя в «кожу» собеседника. Важно знать, что все эти трудности преодолимы, правда, не сразу. Нужны упражнения и тренировка. Впрочем, желание упражняться обычно поддерживается радостью первых успехов.

Приведу несколько удачных примеров. Первый – короткий рассказ мамы.

Моей дочке два года и десять месяцев. Вчера идем с ней на занятия. Дочка застревает около любимого сугроба. Говорит:

– Не хочу на занятия, хочу гулять! Не хочу на занятия.

– Хочешь погулять.

– Да-а!

– Хочешь в сугробе поваляться.

– Да-а!

– А что тебе мешает?

Очень сильно задумывается. Потом:

– Не знаю.

Еще думает, я молчу, она еще пару раз говорит: «Хочу гулять». Потом думает еще, и вдруг произносит:

– Пойдем на занятия.

В этой сценке мы видим, как мамино активное слушание помогло ребенку самостоятельно решить проблему. Кроме того, видно, что если контакт уже установился (мама дважды получила от девочки «да-а»), то один ее вопрос процессу не помешал.

Еще один пример, записанный молодой девушкой, которая впервые попробовала активно послушать ребенка.

Сестра попросила меня посидеть с ее дочкой. Они с мужем должны были уехать и вернуться поздно. Олечка очень болезненно реагировала на отсутствие мамы. Для нее это всегда было стрессом и кончалось слезами, которые долго нельзя было остановить. В результате Олю было сложно уложить спать, и ночью чаще всего она спала плохо, ворочаясь и вздрагивая. За исключением последнего раза, я никогда не разговаривала с ней методом активного слушания.

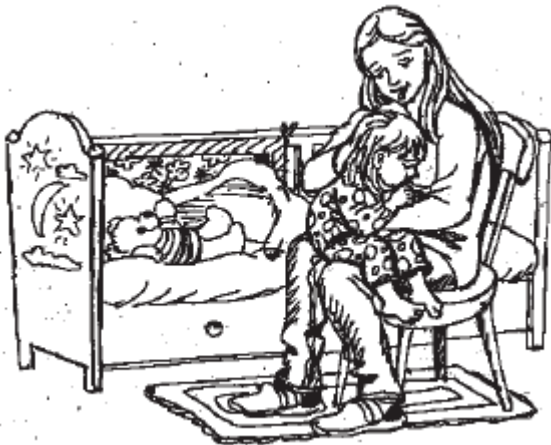
На этот раз события развивались так: Оля села на кровать, сгорбилась, скорбно сложила руки и захныкала: «Я хочу к маме!». Мама к этому времени еще не ушла, одевалась в соседней комнате. Я молча под села к ней и начала гладить ее по плечу. Она надула губы трубочкой и еще более плаксиво повторила: «Я хочу к маме мое-е-е-ей!».

Я опять ничего не сказала, только глубоко и сочувственно вздохнула и продолжила гладить ее по плечу. Тут она посмотрела на меня, залезла ко мне на колени, уткнулась лицом в грудь и

начала плакать, всхлипывая. Я обняла ее и сказала: «Ты будешь скучать по маме. Тебе бы хотелось, чтобы она сейчас осталась с тобой». Оля покачала головой в знак согласия и через несколько минут уже перестала плакать.

Честно говоря, для меня это было очень удивительно. Я не ожидала такого быстрого эффекта. «Маме надо уйти, и ты это понимаешь, но тебе все равно так хочется, чтобы она осталась», – продолжила я. Оля опять покачала головой. Я не переставала гладить ее по плечу, слегка покачиваясь. «Ты у меня умница. Мне нравится, что ты перестала плакать... Тебе грустно, но ты не будешь расстраивать маму и плакать у нее на глазах». Я посмотрела Оле в глаза и улыбнулась. Она улыбнулась мне в ответ, опять прижалась к груди и спросила: «А ты считаешь мне книжку?».

Первый раз за долгое время сестра ушла из дома без бурных Олиных истерик. Я считала Оле обещанную книгу. Она достаточно быстро уснула и спала спокойно.

Родители постоянно делятся своим удивлением по поводу того, что дети очень быстро «впитывают» их новые способы общения. Следующий пример – дословное письмо матери, которая потратила усилия на овладение практикой активного слушания и, судя по всему, достигла успехов.

Уважаемая Юлия Борисовна! Добрый день!

Я очень надеюсь, что мой диалог со старшим сыном Вам понравится. Вот он почти слово в слово.

В канун Пасхи мы украшали куличи взбитым суфле (яичный белок с сахаром). Паша (мой старший сын – ему пять с половиной) старательно мне помогал.

Я сильно расстроилась, обнаружив, что белки не только не взбиваются, а буквально осели на дно кастрюли. Таким суфле куличи не украсить! Я говорю:

– Боже мой, ты только посмотри, яйца совсем не взбиваются! Они осели на дно!.. Как же мы будем их намазывать на куличи!? Что же делать?

Паша абсолютно оторопел от моих слов отчаяния; смотрит глазами, полными сострадания, и говорит:

– Мамочка, ты говоришь, они совсем осели! Ну, надо же, какая для тебя неприятность!

Ведь ты не сможешь теперь обмазывать куличики!

– Да, не смогу!

– Тебе очень обидно, потому что ты не сможешь сделать для нас праздник!

– Да...

– А ведь ты так старалась всех нас порадовать!

– Это точно...

– И в то же время, мама, ведь у нас есть выход – мы можем украсить куличи мармеладками, ну да, моими любимыми, или позвонить папе и попросить его купить нам еще яиц. И я тебе обязательно помогу их взбить. Ты знаешь, у меня получится. Вот так, и дело будет сделано!!!

*Если честно, я чуть не выронила миксер из рук от его слов! И не только потому, что мне стало очень тепло и приятно; но в большей степени оттого, что из его уст я слышала **собственные речевые обороты**, которыми активно пользовалась последнее время в беседах с ним!*

С наилучшими пожеланиями, М. П.

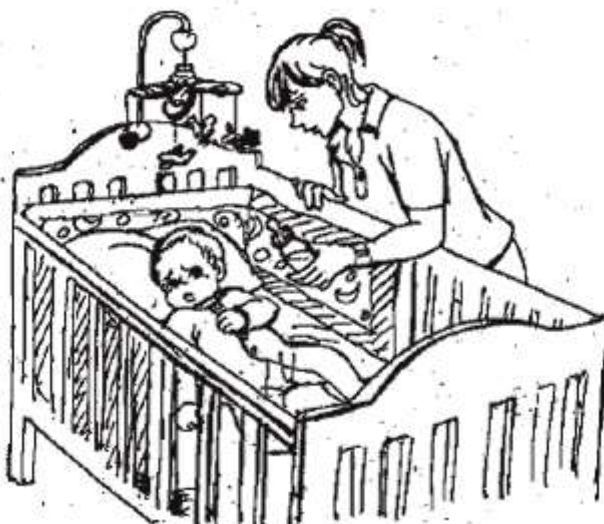
Признаюсь, очень приятно узнавать такие жизненные истории и детали, которые, как говорится, нарочно не придумаешь!

А что, если...

Отвечу на некоторые частые вопросы читателей.

ВОПРОС: *Если ребенок еще не говорит, можно ли его активно слушать?*

ОТВЕТ: Конечно можно, больше того, матери, как правило, делают это интуитивно. Посмотрим, как это происходит. Вот грудной младенец начинает беспокоиться, покряхтывает или плачет. Мать подходит и ласково говорит: «*Что такое? Наверное, ты проголодался... хотя еще рано... А может быть, ты хочешь пить?*» – дает ему бутылочку с водой, но ребенок крутит головой, отказывается. «*А, не хочешь! Наверное, ты просто мокренький?*» – пробует, – нет, сухой. *Наверное, ты просто устал лежать на спинке*», – берет его на руки.

Что происходит? Мать озвучивает недовольство ребенка, показывает, что она с ним, что готова помочь в его «проблеме». Ребенок не понимает еще ее слов, но интонации вполне сочувственные, и действия тоже. Мать «слушает» его **делом** (см. БОКС 3).

ВОПРОС: *А у меня активное слушание не работает, дочь продолжает не слушаться. Что мне делать?*

На просьбу описать конкретную ситуацию мать отвечает:

Вчера я ей говорю: «Пора идти спать, уже поздно».

Она отвечает: «Не пойду, рано еще!».

Я ее активно послушала: «Ты не хочешь идти спать».

Она в ответ: «Да, не хочу» и продолжала смотреть телевизор.

ОТВЕТ: В основе таких вопросов лежит одно ошибочное предположение.

Еще и еще раз хочется подчеркнуть: не следует думать, что активное слушание предназначено для того, чтобы ребенок выполнил ваше желание или требование. Это вовсе не какой-то новый хитрый способ добиться своего. Как уже много раз говорилось, активное слушание нужно для установления доверительной атмосферы общения. А в этой атмосфере легче решаются и проблемы, и согласуются желания.

Этот же вопрос матери позволяет нам еще раз напомнить о том, что активное слушание нужно использовать не во всех, а только в определенных ситуациях общения. Это ситуации, где сильнее переживает ваш собеседник, а вы относительно спокойны. Подозреваю, что в только что рассказанном случае больше беспокоилась мать.

ВОПРОС: *Как, активно слушая, помочь собеседнику разрешить его проблему? Ведь советы не рекомендуются, что же ему тогда может помочь?*

ОТВЕТ: Скажу о главном выводе, к которому пришли мастера психологической помощи. Их опыт показал, что решить эмоциональную проблему **за** человека не может никто. Попытки советовать, указывать на свой опыт, как правило, не приводят к успеху. И, тем не менее, помощь «слушающего» может быть очень существенной. Достаточно сказать, что **эмпатическое слушание**, которое представляет собой особый, более совершенный вариант активного слушания, было главным методом успешной работы знаменитого психотерапевта Карла Роджерса.

Таким образом, прежде всего, стоит помнить, что:

Человек – независимо от того, ребенок это или взрослый – может сам находить пути к решению своей проблемы, если он получает психологическую поддержку.

В чем же состоит эта поддержка? Вообще говоря, в нее входит много вещей, с которыми мы уже знакомы:

- во-первых, то, что вы находитесь рядом и даете ему возможность выговориться;
- во-вторых, вы показываете, что знаете о его чувствах, так как точно их называете и разделяете их, о чем он узнает по вашему виду и интонациям;
- в-третьих, вы грубо не вмешиваетесь в его переживание, делая паузы и оставляя ему пространство для размышлений и внутренней работы;
- в-четвертых, своим невмешательством передаете веру в то, что у него есть запас собственных сил и способностей.

Как нам сочувствие удастся

Как мы уже отмечали, встав на путь использования активного слушания, человек довольно быстро начинает замечать в себе положительные изменения: его начинают меньше раздражать слова и действия ребенка или близких, он становится более спокойным и терпимым. От техники, которая вначале кажется просто внешним поведением, процесс идет вглубь. Родитель начинает лучше понимать потребности ребенка, мягче реагировать на его «отрицательные» действия, больше понимать их причину.

Приведу отрывок из письма матери.

Мой семилетний сын уже две четверти ходил в школу один, благо она находится в соседнем дворе. Однако, посоветовавшись, мы с мужем решили, что будет спокойнее, если он, приходя в школу и уходя из нее, будет звонить нам по телефону из вестибюля. Мы договорились с ребенком, и в первый день все прошло замечательно. На следующий день он не позвонил, мне пришлось в панике бежать в школу. Вася заявил мне, что забыл. На следующий день повторилось то же самое.

– Почему ты забыл? Я же напомнила, когда ты уходил! – беспомощно возмущалась я.

Все штрафные санкции Вася переносил стоически. Стоял в углу, безропотно принимал запрещение смотреть мультфильмы. Но на завтра опять не звонил. В ответ на все вопросы он безнадежно повторял, что просто забыл.

Исчерпав весь педагогический арсенал, я решила воспользоваться советами из книги «Общаться с ребенком. Как?». Не надеясь на успех, я спокойно предположила:

– Тебя, наверное, мальчишки дразнят...

– Да, – сразу сказал Вася виновато, – они говорят, что я маменькин сынок!

Мы долго разговаривали, и я почувствовала, как трудно было ему, привыкнув к самостоятельности и к сознанию своей взрослости, звонить мне и отчитываться под насмешливыми взглядами одноклассников.

– Знаешь, ведь мы с тобой друг друга не поняли, – сказала я. – Я совсем не хотела, чтобы ты вел себя как маменькин сынок. Это я чувствую себя маленькой и беспомощной, когда беспокоюсь за близких мне людей. Я мучаюсь и очень-очень боюсь. А ты как взрослый и сильный мужчина избавляешь меня от страха, если звонишь.

Честное слово, с тех пор он не позвонил только один раз – когда в школе сломался телефон!

В этой истории мама вникла в трудное положение мальчика, который не хотел на виду у товарищей выглядеть «маменьким сынком». Она догадалась об этом без его прямых слов. Такие догадки означают способность родителя «слышать» внутренние переживания ребенка и идти ему навстречу. Это можно назвать углубленным активным слушанием.

Вот еще один запоминающийся случай «слышания» родителем состояния ребенка, который описан в книге американского психолога Ле Шан.

Когда праздник по случаю дня рождения Дэвида подходил к концу, его младший брат Питер начал вести себя чудовищно. Четырехлетнему малышу было тяжело пережить, что мать и отец сосредоточили все свое внимание на Дэвиде. Когда отец протянул ему стакан молока, Питер ударил его по руке и сказал: «Я не люблю тебя, уйди и оставь меня одного!».

Отец мог бы задать ему суровую трепку, сказать, что он гадкий мальчишка, и отправить в постель без ужина, но он поступил иначе: серьезно посмотрел на Питера, тот в ответ посмотрел на него широко раскрытыми глазами, потрясенный сам своим поведением. Затем старший взял младшего на руки и сказал: «Бедный Питер, ты огорчен и рассержен. Давай пойдём в твою комнату и отдохнем».

Ребенок бьет вас по руке, в которой вы протягиваете стакан молока, и говорит: «Я не люблю тебя!». Какие действия родителя можно ожидать в ответ? Сердитую нотацию, шлепок, гневное: «Это что такое?». Кстати, мальчик предвидел наказание, о чем сказали его испуганные глаза. Но отец поступил иначе. Почему? Он понял состояние сына: мальчик устал, исстрадался, ему не хватало в тот день внимания. Смысл его выпада был ровно противоположный: «Вы мне дороги, мне так нужна ваша любовь, я так долго ее жду!». Отец услышал это «скрытое послание» и дал ребенку то, чего ему не хватало.

Очень впечатляют заключительные слова Ле Шан:

«Воспитание, основанное на понимании и сочувствии, дало нам поколение страдающих молодых людей. Питеру сейчас двадцать два года, и я уверена, что его сегодняшняя озабоченность проблемами человечества связана с тем воспитанием, которое он получил в детстве».

Общий контакт с ребенком складывается из накопления многих случаев понимания родителем его повседневных переживаний. Один из таких случаев – разговор матери с ее десятилетним сыном.

- *Мам, можно я пойду поиграть к Пете?*
- *Нет, уже поздно, через полчаса ложиться спать, а мы еще не ужинали.*
- *Ну, мам, я на немножко! Петя так ждет!*
- *Нет-нет, я же сказала, поздно!*
- *Ну, мамочка! Мне так нужно! Ну, пожалуйста!*
- *Мне очень не нравится, когда дети после первого «нет» продолжают упрашивать. Ты ведь знаешь, что это бесполезно.*
- *Знаю. Но что же мне делать, ведь я обещал!*

Здесь для матери возникла дополнительная проблема: мальчик обещал и беспокоится, что нарушит слово. К этому беспокойству надо отнестись с вниманием и, больше того, с уважением – ведь дело касается моральной позиции сына. В результате мать сочла необходимым не настаивать

тупо на своем, а продолжила разговор:

- Ты обещал, и тебе будет неудобно.
- Ну да, он ведь ждет!
- Вообще-то, ты прав, так оставлять дело не хорошо. Мне нравится, что ты об этом беспокоишься. Давай подумаем, как быть.

В последних двух фразах мать сделала несколько замечательных вещей: она показала, что слышит и понимает беспокойство сына, принимает его, одобряет желание сдержать слово, приглашает подумать на равных. Дальше обсуждались разные варианты: позвонить Пете, зайти к нему вместе и объяснить, может быть, даже поиграть немножко, договориться поиграть завтра. В целом разговор принял дружеский тон, и противостояние отпало. Почему? Потому что мальчик получил понимание и одобрение его важного личностного переживания. Стоит помнить:

Понимание личных переживаний ребенка – одно из самых главных условий хорошего контакта с ним. К такому пониманию ведет практика активного слушания.

Хочу закончить эту главу разбором более сложного эпизода – беседы Мильтона Эриксона с его собственным сыном, попавшим в беду. Этот рассказ ценен тем, что сопровождается комментариями самого психотерапевта.

Трехлетний Роберт упал с лестницы, рассек губы и вогнал передний зуб обратно в десну. Он истекал кровью и громко кричал от боли и страха. Мы с женой поспешили ему на помощь. Едва увидев, как он лежит на земле, рыдая, с полным крови ртом, можно было понять, что ситуация требует принятия срочных и правильных мер.

Никто из нас не попытался поднять его. Вместо этого, как только он сделал паузу, чтобы набрать в легкие воздуха для нового крика, я быстро сказал ему просто, твердо и с сочувствием: «Ужасно болит, Роберт. Тебе страшно больно». И сразу же, без малейших колебаний, мой сын понял, что я знаю, о чем говорю. Теперь он мог слушать меня и доверять мне, поскольку я продемонстрировал, что полностью понимаю его ситуацию.

Затем я сказал Роберту: «И это будет еще болеть». Сделав это простое утверждение, я выразил в словах его страх и озвучил то, как он понимал свою ситуацию. Ведь в этот момент он знал, что впереди его ждут только страдания и боль.

Следующий шаг для него и для меня был очень важным. В тот момент, когда он сделал очередной вдох, я сказал: «И ты очень хочешь, чтобы перестало болеть». И снова мы находились в полном согласии, я оправдывал и даже поощрял его желание. Это было его желание, его настоятельная потребность.

Определив всю ситуацию таким образом, я мог теперь сказать то, чему можно было верить. Это было такое внушение: «Может быть, скоро перестанет болеть, через минутку или две». Это предложение полностью согласовывалось с его собственными желаниями и потребностями и, поскольку оно предварялось словами «может быть», оно не противоречило его собственному пониманию ситуации. Таким образом, он мог принять эту идею и начать реагировать на нее.

Заметим, что Эриксон произнес всего пять фраз, и каждая из них была ювелирно точной! Первые две фразы озвучили чувства ребенка. Причем, слова «**страшно больно**» точно соответствовали переживанию мальчиком сильной боли. Третья фраза – «**И это будет еще болеть**» – показала мальчику, что отец точно знает о его боли и страхе и продолжает разделять его чувства – что замечает и сам Эриксон.

Четвертая же фраза – «**И ты очень хочешь, чтобы перестало болеть**» – имеет совершенно иной характер. Она замечательна тем, что озвучивает для ребенка не столько боль сейчас, сколько его горячее желание-надежду на ее прекращение. Эта фраза содержит то, что можно назвать «**сдвигом в позитив**».

Как элемент сочувствующей беседы подобные фразы тоже входят в арсенал техник мастера.

О них хорошо знать и ими владеть.

Дело в том, что человек, который страдает, «забывает» о «свете в конце туннеля», теряет оптимизм. И ему надо напомнить о его возможностях, его прошлых удачах. Такую функцию берет на себя опытный «слушатель». Только важно не уговаривать пострадавшего, а приписывать позитивное желание и позитивный настрой ему самому: «Ты очень хочешь, чтобы перестало болеть». Такие слова направляют его мысль в конструктивное русло – поиск благополучного исхода.

Первую оптимистическую нотку отец усиливает фразой – **«Может быть, скоро перестанет болеть, через минуту или две»**. Заметим, что Эриксон подчеркивает важность слов *может быть* в последней фразе. Они помогают исключить подозрение ребенка в том, что его «нарочно» хотят успокоить, и тогда он принимает без сопротивления надежду на скорое облегчение боли!

В целом, можно видеть, как по ходу разговора развивался и укреплялся контакт мальчика с отцом. В итоге ребенок полностью доверился его словам, в конце разговора мальчик отвлекся от боли и перестал плакать.

Очень ценно узнать и о последующих действиях Эриксона:

«Смотри, мама, какая у него яркая, красная кровь! Это настоящая мужская кровь!» – говорит отец (мама, конечно, соглашается). –

И теперь, когда мы пойдем умываться, то сможем проверить: если она действительно настоящая мужская, то, смешиваясь с водой, станет розовой!». Проверка, естественно, проходит с успехом.

И снова следует важный комментарий Эриксона: когда с любым человеком, большим или маленьким, случается беда, он чувствует себя униженным и очень нуждается в поддержке своей самооценки – поддержке любым способом! Это придает ему дополнительные силы для преодоления несчастья.

В целом подобные примеры показывают, как техника активного слушания в руках мастера превращается в настоящее **искусство** понимания и контакта!

Перейдем к следующей базисной технике общения и ее использованию в задачах воспитания и в нашей совместной жизни.

АКТИВНО СЛУШАТЬ ДЕЛОМ

При активном слушании мы своими словами «отражаем» сказанное собеседником, и тем самым даем ему знать, что понимаем и разделяем его проблему. Возникает вопрос: а можно ли делать то же без слов? Да, в таком случае речь пойдет о понимании, сочувствии через **действие**.

Понимание и сочувствие могут проявляться по-разному. Например, вы можете помочь подростку с уборкой комнаты без его специальной просьбы, можете вместе поискать потерянную тетрадь, починить ребенку игрушку. Все это – небольшие действия, которыми вы откликаетесь на временную трудность вашего ребенка или близкого.

Но можно заботиться и о более серьезных вещах. Мы уже много говорили о **потребностях** человека, от удовлетворения которых зависит его психологическое благо-

получие. Любому ребенку, а также и взрослому необходимо получать подтверждения того, что он **любим**, что он **хороший**, что он может быть **успешным**, что он имеет **свободу** выбирать дела, друзей, свой путь. Показывать делом, что вы «слышите» эти основные потребности человека, не только возможно, но и совершенно необходимо!

Маленькому ребенку обычно дают знать, что его любят, через доброе обращение с ним, а особенно – через физический контакт, ласковые прикосновения, объятия. Вспомним, что В. Сатир рекомендовала обнимать ребенка не менее восьми раз в сутки! Но то же следует делать с детьми любого возраста (в тех пределах, в которых они готовы от вас это принять), да и со взрослыми тоже!

Доброжелательность и терпеливость при общении, а главное, исключение критики ребенка (или близкого) будут говорить ему, что он **«хороший»**.

А предоставление свободы будет формировать его уверенность в себе и движение к успеху.

Заметим, что в этих примерах есть ваши **действия** (обнимать, давать, поддерживать) и **не-действия**: не критиковать, не контролировать, не навязывать. Все это дает возможность **«услышать»** самые глубокие и универсальные потребности человека. Таким образом, мы приходим к такому определению:

«Активно слушать делом» – значит понимать, учитывать и стараться удовлетворять то, в чем нуждается ребенок или взрослый – нуждается сейчас и в жизни вообще.

Такое активное слушание делом в сочетании с обычной, речевой, формой активного слушания создает прочный фундамент для доверительных отношений, взаимопонимания и роста личности.

Трудный мир чувств

Выражение своих чувств – не менее важная сторона общения, чем умение слушать. Делясь своими чувствами, мы даем возможность собеседнику узнать и понять нас. Другое дело, настроен ли он на такое понимание. Но многое зависит и от нас, а именно, в какой форме мы сообщаем о себе.

Начнем с начала

В предыдущей книге этой форме посвящена специальная глава (урок 7). В ней рассказывается о технике Я-сообщения и разбираются преимущества такого способа выражения чувств. Начнем с краткого напоминания основных положений и важных рекомендаций.

Чувства, особенно если они отрицательные и сильные, ни в коем случае не следует держать в себе: не стоит молча переносить обиду, подавлять гнев, сохранять спокойный вид при сильном волнении. Обмануть таким поведением вы никого не сможете. По жестам, интонации, выражению лица или глаз собеседник прочтет ваше настроение. Как же сказать о своих чувствах, чтобы это не навредило вашим отношениям с окружающими?

Ответ звучит просто: когда вы говорите о своих чувствах, выступайте от первого лица. Сообщите о себе, своем переживании, своей внутренней ситуации.

Эти высказывания называются Я-сообщениями: они содержат личные местоимения: я, мне, меня. Как правило, они начинаются словами: *Я не люблю... Мне трудно... Меня очень утомляет...*

Например: *«Мне трудно говорить по телефону, когда вокруг так громко разговаривают».*

Очень важно избегать отрицательных Ты-сообщений. Это такие высказывания, которые содержат местоимения второго лица: ты, тебе, из-за тебя...

Например: *«Почему ты опять устроил такой беспорядок!?»*

На любое Ты-сообщение собеседник либо обижается, либо реагирует встречным обвинением.

Нужно также остерегаться «кентавров», т. е. предложений, которые начинаются с местоимения первого лица, а заканчиваются упреком или обвинением. Это все равно Ты-сообщения.

Например: *«Мне не нравится, когда ты так безобразно себя ведешь!»*

Я-сообщение, как мы уже сказали, кажется простым по своей форме, но сочинить такую фразу не всегда получается. Впрочем, в этом помогает использование безличных предложений, неопределенных местоимений, обобщающих слов.

Например: *«Грубость мне неприятна», «Это для меня не приемлемо», «Меня огорчает, когда дети не слушаются».*

Я-сообщение особенно незаменимо, когда вы недовольны, раздражены или обижены на собеседника. Если вы выразите свое чувство через Я-сообщение, то это его не заденет (или заденет гораздо меньше) – ведь вы скажете о себе, а не о нем. Если же вы выскажетесь в форме Ты-сообщения, то ваши слова воспримутся как прямой выпад.

Давайте представим себе, **что** переживает человек (ребенок), когда вы огорчены или сердиты на него. А для этого поставим себя на его место, и на время станем «мишенью» обвинений. Вот вам говорят:

МУЖ (тоном выговора). *Из-за тебя сегодня опоздал на работу, вечно ты со своими дурацкими разговорами, как будто нельзя было с вечера!*

ЖЕНА (с досадой). *Опять ты упустил кофе! Ты вообще что-нибудь можешь делать как следует!?*

МАТЬ (раздраженно). *Опять рубашка из итанов вылезла! Мне надоело терпеть твою безалаберность!*

В каждом из приведенных случаев вы, находясь в позиции критикуемого, скорее всего, расстроитесь и обидитесь. Вам захочется защитить себя, объяснить, привести оправдания. Например, такие:

- *Но ведь тема разговора пришла мне в голову только утром, и была срочной.*
- *От варки кофе меня отвлек телефонный звонок.*
- *А в школе все так ходят – и ничего!*

Но говорить все это в свою защиту вслух не всегда получается – вы уже обижены и знаете, что стоит возразить, «обвинитель» распалится еще больше. И тогда в вас закипит «праведный гнев», и вы нападете в ответ или молча затаите обиду.

Именно это происходит с вашим собеседником, когда вы бросаете ему упрек или гневное замечание. Только что, побывав в его «шкуре», вы испытали обиду и желание встречно напасть. Если вы хотите оградить ваши отношения от подобных результатов, нужно использовать Я-сообщения. Согласитесь, что совсем иначе прозвучат такие ваши слова:

- *Сегодня опоздал на работу, было очень неприятно; хотелось бы решать важные вопросы с вечера.*
- *Ой, кофе убежало, досадно... опять заваривать, да еще грязь вытирать!*
- *Знаешь, меня коробит, когда у мальчиков рубашка вылезает из штанов.*

Такие фразы не только звучат иначе, но и их действие бывает другим – собеседник скорее услышит вас. Тогда более вероятно, что он войдет в ваше положение и постарается не повторить «оплошность».

Здесь хочется привести пример замечательного спонтанного Я-сообщения маленького ребенка, о котором рассказала его мать.

Однажды, много лет назад моя дочка преподнесла мне урок на всю жизнь. Дети были тогда еще маленькие: дочке было четыре с половиной года и сыну – полтора года. Жизнь была очень напряженная. Утром обычно ношу по дому. Надо все успеть: детей поднять, одеть, в детский сад собрать, мужа и детей накормить, детей в сад отвести, самой на работу вовремя попасть.

В быстром темпе кручусь, тороплю, покрикиваю на всех. А дочка у меня спокойная, рассудительная.

В одно прекрасное утро я, как всегда, тороплюсь и дергаю их всех. А дочка сидит, задумчиво натягивая колготки, и говорит: «Когда вырасту, детей рожать не буду!». Я остановилась как вкопанная. «Почему?!» – спрашиваю. «Потому что с ними так плохо!» – отвечает она.

У меня в голове что-то щелкнуло: «Боже, что я с ними делаю!». И с тех пор никогда не позволяла себе так себя вести.

В этой истории девочке было трудно, но она никого не обвинила (хотя и можно было упрекнуть мать), а просто выразила свое состояние вслух, да еще с оттенком «философского размышления» о будущем. А если вдуматься, то у нее получилось и активно послушать мать. По существу, «так плохо» относилось к состоянию их обеих (а также всех остальных членов семьи). Замечательен результат ее слов – мать вдруг ясно поняла чувства домочадцев и настолько прониклась ими, что сделала выводы на всю жизнь.

Важное предостережение

Часто жалуются на то, что Я-сообщение «не действует». Например:

Я все время посылаю мужу Я-сообщения, говорю: «Мне не хватает твоего внимания!», а он все равно просиживает все вечера за компьютером!

В ответ приходится напоминать, что Я-сообщение – вовсе не для того, чтобы изменить пове-

дение другого! Это надо твердо усвоить.

И тем не менее, такой соблазн возникает нередко. Здесь очень стоит помнить об искренности вашего намерения: действительно ли вы хотите **признаться** в своем чувстве – или же надеетесь, что ваши слова изменят практическую ситуацию. В качестве иллюстрации приведу письмо мамы двух девочек-дошкольниц.

Использовать Я-сообщение я начала два года назад. Но недавно обнаружила огромную ошибку – я говорю не искренне! Особенно в обращении к детям. В привычку вошло скорее пугать детей своим раздражением, чем честно признаться в чувствах. Оказывается, для меня гораздо проще сказать расшалившимся детям: «Мне очень неприятно видеть комнату грязной и сейчас я начну злиться!» или: «Я расстроюсь, если вы не уляжетесь вовремя».

Муж однажды, услышав, как я разговариваю с детьми, спросил меня, что значит мое «расстроюсь», которое я так часто использую? Расстроюсь, что не слушаются; расстроюсь, что не едят; расстроюсь, что не ложатся спать. И я задумалась, – а ведь правда! Дети тоже вряд ли понимают, что я имею в виду, когда так говорю. Наверно, они чувствуют, что я хочу их разжалобить.

Так что это моя самая главная ошибка – неискренность и стремление скорее манипулировать, чем обозначать свои истинные чувства.

Итак, повторим еще раз, что Я-сообщение предназначено главным образом для того, чтобы ребенок или взрослый собеседник **услышал и понял вас**. Если не давать знать, что вы чувствуете, то человеку это может просто не прийти в голову! Наверное, многим доводилось быть свидетелем, а то и участником таких печально-комичных сцен.

Мать семейства перегружена домашними делами, устает, обижается, не получая помощи. Наконец, она бросает домочадцам упрек: «Я вот все кручусь, с ног падаю, а вам хоть бы что!». На что получает в ответ: «А мы думали, тебе это нравится, не хочешь – не делай!».

Что помешало матери получить действительно сочувствие от домашних? Дело в том, что,

во-первых, она долго не давала о себе знать. Желание увидеть помощь и поддержку и, может быть, услышать слова благодарности посещало ее давно, но она молчала, пока копилась обида. Во-вторых, теперь эта обида вылилась в горький упрек с примесью Ты-сообщения. Но упрек обычно не доходит до сознания тех, кому он адресован; домочадцам бывает удобнее его проигнорировать, оправдаться или даже упрекнуть в ответ.

Здесь очень тонкая грань: искренне высказанное переживание скорее вызывает сочувствие, а переживание с оттенком давления – протест. Можно сказать, что Я-сообщение вносит вклад в решение проблемы не прямо, а тем, что создает атмосферу доверия, при которой легче договориться.

Позитивные чувства

Иногда у осваивающих технику возникает стремление **всегда** использовать я– и избегать ты-высказывания. Хочется снять с них подобный самозапрет.

Дело в том, что в **позитивных** высказываниях Ты-сообщения и смесь Я– и Ты-сообщений не только не вредны, но, наоборот, **желательны**. Их очень стоит чаще использовать. Вот возможные примеры:

«Ты мне очень помог, спасибо!»

«Вчера ты сам лег вовремя, и я была очень рада.»

«Мне нравится, как ты бережно обращаешься с книгами.»

К таким же позитивным Ты-высказываниям относятся фразы, где вы говорите о вашей заботе, но не навязываете ее. Например:

«Меня волнует это твоё увлечение, из-за которого у тебя остается мало времени на уроки. В то же время, я надеюсь, что ты сам сможешь разобраться со своими делами.»

Позитивные высказывания не очень часто слышишь в наших семьях. Один знакомый, вспоминая свое детство, рассказывал, что его мама, обладавшая сильным характером, наводила порядок в доме, в основном, с помощью критических замечаний в адрес детей и мужа. Если таких замечаний не было, значит, все более или менее хорошо. А положительных фраз он что-то не мог припомнить.

Приведу на эту же тему отрывок из одного письма:

Пишу вам с чувством благодарности за то, что я получила на наших занятиях. Для себя я сделала ряд важных открытий.

Я задумалась о том, что со своим младшим братом (с которым мы росли вместе, он младше меня всего на год) у меня не слишком клеятся отношения – все вроде внешне в порядке, но не так, как хотелось бы. Я всегда обожала и опекала его и всегда, увы, хотела научить его жить – ведь он был таким ранимым и непростым ребенком.

И вдруг я совершенно ясно поняла, что за все эти годы я о своей любви к нему говорила многим, но никогда не говорила ему самому! Меня эта мысль поразила.

Я вспомнила, как он был маленьким мальчиком, и как-то раз забрался на пожарную лестницу и повис на ней вниз головой, уцепившись ногами. Я стояла внизу, и меня раздирали противоречивые чувства – с одной стороны, восхищение и гордость, что это мой брат висит там, на виду

у всего двора, а с другой – жуткий страх и растерянность. И я поняла, что теперь, когда он выступает перед публикой, у меня все те же чувства, ничего не изменилось. И когда вчера у нас были гости, и он в их числе, я просто подняла рюмку и сказала ему все то, что сейчас написала вам.

Все время я ощущаю радость от того, что самые простые вещи – приятные слова, сказанные собеседнику, внимание и бережное отношение к тем, кто рядом с тобой, – делают каждый новый день счастливым и осмысленным. Добрые чувства, которые мы отдаем, обязательно возвращаются к нам.

К этому мало что можно прибавить, разве только то, что подобные переживания «счастливого открытия» испытали те, кто начал не бояться говорить о своих чувствах, в том числе положительных.

Услышать самого себя

Как и Активное слушание, техника Я-сообщения ведет к изменениям нашего внутреннего мира, помогая решать важные психологические задачи. Среди них – умение защищать свою позицию, противостоять манипуляции. Обычно проблема начинается с трудности сказать «нет».

Бывает слышишь такое признание: *Мне совсем неудобно делать то, что он от меня ждет, но я не могу отказать: мучаюсь, а все-таки делаю.*

На вопрос: Почему же вы не скажете: «Не буду»? – отвечают: *Потому что он обидится (рассердится, расстроится, устроит скандал)!*

Вот конкретный пример из жизни взрослых.

Молодая женщина сетует на то, что не может отказывать в просьбах своей близкой подруге. Та любит ездить по магазинам, покупать себе одежду. Наша рассказчица учится в институте, для нее дорого время, да и лишних денег у нее нет, а поездки в качестве «сопровождающего лица» ей совсем надоели. Отказать же подруге она не может: при первых попытках та обижается и упрекает ее.

Что происходит с участниками такого общения? Один использует время, силы и доброе отношение другого, а этот другой «из деликатности» дает использовать себя.

Иногда приходится слышать, что заботиться о собственных интересах и желаниях – значит, проявлять эгоизм. Избавиться от подобных обвинений помогает афоризм Оскара Уайльда: «Эгоист – это тот, кто любит себя больше, чем меня».

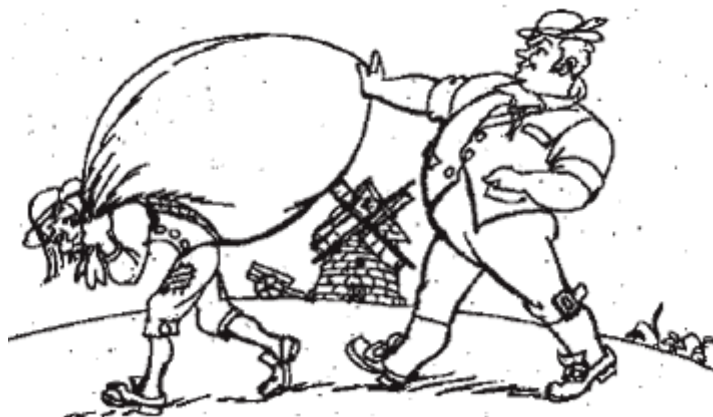
Короче говоря, «обвинитель» порой хочет, чтобы вы любили **его** больше. Так кто же из двух – больший эгоист?

Самое печальное, что некоторые люди, не осознавая того, добровольно принимают позицию жертвенного служения другому. На эту тему есть один очень яркий литературный пример – сказка того же О. Уайльда «Преданный друг».

В одной деревне жили два друга: Большой Мельник и Маленький Ганс. Мельник был богатым и довольным собой, Маленький Ганс жил скромно, но был человеком добрым и веселым. Он разводил цветочки и жил от их продажи. Маленький Ганс очень дорожил дружбой с Мельником, и ни в чем тому не отказывал. Большой друг, между прочим, обещал подарить Маленькому Гансу старую тачку (у него уже была новая). Ганс был переполнен благодарностью, и никогда не забывал этого щедрого обещания.

Мельник постоянно использовал Маленького Ганса для своих нужд, так что тому стало некогда заниматься своими цветами, и его садик начал приходить в запустение. И скоро ему не на что стало жить. Но Мельник говорил такие красивые слова о дружбе (Маленький Ганс даже записывал их в тетрабочку), что Ганс стыдился даже самой мысли о том, чтобы уделить время своим делам – ведь это было бы совсем не по-товарищески. А, кроме того, ведь его щедрый друг обещал подарить ему тачку!

Сказка заканчивается трагически. Маленький Ганс погибает, заблудившись ночью в темноте: он выполнял очередную просьбу Мельника, но тот отказался одолжить ему фонарик... А тачка так и не была подарена – пришлось Мельнику ее выбросить!

Признаюсь, когда читаешь эту сказку, «сердце разрывается на части!» Конечно, сказка – ли-

тературный гротеск. И, тем не менее, она очень точно отражает дефектные отношения, в которые один привносит готовность служить, забывая о себе, а другой – готовность только брать.

При воспитании детей часто в позиции «служения» оказывается родитель, а ребенок – в положении «потребителя». Как такие «перекося» в отношениях сказываются на личности ребенка, мы увидим в следующей главе (см. Как из нас «вьют веревки»). А сейчас обсудим, как защищать себя от разрушающих установок «я не в счет», «он (они) главнее».

Для этого порой приходится проделывать особую внутреннюю работу. Начинать ее лучше во взрослых отношениях – ведь с детьми это труднее, так как родителям свойственно жалеть ребенка, и они легко поддаются на эмоциональные провокации детей.

Прежде всего, если у вас появляется чувство ущемленности, недовольства или дискомфорта, важно признать его в себе как можно раньше. Это, однако, не всегда удается. Бывает, что отдельным неприятным ощущениям вы не придаете особого значения – как-то их объясняя или оправдывая. Но они постепенно накапливаются, и наступает момент, когда приходит ясное **осознание**, что вы несчастливы, или что с вами обращаются несправедливо, или что вас используют в близких отношениях.

Вслед за этим наступает необходимость принять **решение** – сообщить партнеру об этом своем эмоциональном «открытии». Такое решение также дается не сразу, приходится преодолевать внутренние барьеры. Наконец, третий шаг – найти правильные слова для вашего сообщения и **сказать** их.

Всю эту работу в целом можно назвать Я-сообщением в широком смысле, то есть настроем на внимание к себе и своим переживаниям, осознание последних и их открытое выражение.

Приведу пример из жизни супругов, в котором можно увидеть, как жена прошла через все эти шаги и смогла удачно объясниться с мужем. Вот ее рассказ.

*Мой муж ездит по воскресеньям с друзьями на рыбалку. Я знаю, что для него это большое удовольствие. Он отдыхает и отводит душу после трудной недели. Поэтому обычно я отпускала его, планируя, как сама проведу этот выходной. Не то, что мне нравилось оставаться одной, я настраивала себя на его поездки как на необходимость: «Ну что ж, что мне будет одиноко; ведь ему это **надо**». При этом я знала, что с некоторыми друзьями ездили их жены, но мой муж меня не приглашал. «Наверное, – думала я, – у него есть на это свои причины», и деликатно не спрашивала.*

Однако как-то получилось, что у меня накопилась обида. Может быть, надоело придумывать дела (как правило, домашние, скучные); может быть, задевала мысль о женах, которых берут с собой другие; может быть, муж стал казаться равнодушным, в то время как я думала о нем, – не знаю. Скорее всего, все собралось вместе.

Однажды в воскресенье утром, когда он уже с рюкзаком стоял у двери, я расплакалась и высказала все, что накопилось. Не помню, в каких выражениях, но смысл был, что мне горько и обидно. Он стоял, слушая меня, а потом молча ушел. Я еще поплакала, но была рада, что все высказала – разрядилась.

Примерно через час муж вернулся. Сказал, что не мог оставить меня в таком расстройстве, а поехал, чтобы передать ребятам на вокзале топор – иначе бы они остались без костра.

Меня очень согрело его внимание. И теперь, читая о Я-сообщении, я понимаю, что тогда сделала что-то в этом роде. Я не винила его, а просто говорила, что мне горько. После этого случая он стал, как мне кажется, более внимательным, а я стараюсь не затаивать надолго свои обиды.

Итак, если мы стремимся к гармоничным отношениям, то должны помнить, что они такими становятся, если каждый участник общения соблюдает интересы не только другого, **но и свои собственные**. В этом помогает нам техника Я-сообщения.

Замечательное свойство ее в том, что намерение искренне говорить о своих чувствах неизбежно ведет к осознанию их и вниманию к собственному внутреннему миру.

Подводя итог этой главы, перечислим, что дает Я-сообщение. Оно позволяет:

- давать знать другому о вашем чувстве;
- понижать уровень своего эмоционального напряжения;
- задавать доверительный тон общения;
- чаще выражать свои добрые чувства.
- противостоять давлению и манипуляции;
- заботиться о личных интересах.

Вокруг конфликтов

Две трудности

В предыдущей главе мы говорили о том, что гармоничные отношения между людьми могут быть только при уважении интересов и прав обеих сторон. Это относится к взаимоотношениям взрослых, и тем более к отношениям между взрослым и ребенком. Дело в том, что родителям приходится преодолевать две специальные трудности. Одна из них – природная **эгоцентричность** ребенка, другая – изначальная **власть** взрослого.

Дети, когда они еще маленькие и слабые, неизбежно оказываются в положении эгоцентриков. Они нуждаются в заботе и уходе, ждут и требуют внимания и, как правило, получают его. Это вполне закономерно и естественно. В то же время такое отношение создает у ребенка впечатление, что он «центр мира». С ростом ребенка происходит постепенная перестройка его мироощущения: от «я – в центре, и все для меня» – к открытию: «оказывается, есть другие люди со своей жизнью и своими нуждами!» (см. БОКС 4).

С самого начала на родителей лежит ответственность за то, чтобы ввести ребенка в мир взрослых, то есть приспособить его к требованиям, правилам, нормам, порядку этого мира, включая множество ограничений и запретов. Родителям приходится контролировать и организовывать жизнь ребенка – они большие, сильные и опытные.

Л. Н. ТОЛСТОЙ «МОРАЛЬНАЯ ПЕРЕМЕНА»

Случалось ли вам, читатель, в известную пору жизни, вдруг замечать, что ваш

взгляд на вещи совершенно изменяется, как будто все предметы, которые вы видели до тех пор, вдруг повернулись к вам другой, неизвестной еще стороной? Такого рода моральная перемена произошла во мне в первый раз во время нашего путешествия, с которого я и считаю начало моего отрочества.

Мне в первый раз пришла в голову ясная мысль о том, что не мы одни, то есть наше семейство, живем на свете, что не все интересы вертятся около нас, а что существует другая жизнь людей, ничего не имеющих общего с нами, не заботящихся о нас и даже не имеющих понятия о нашем существовании. Без сомнения, я и прежде знал все это; но знал не так, как я это узнал теперь, не сознавал, не чувствовал.

Мысль переходит в убеждение только одним известным путем, часто совершенно неожиданным и особенным от путей, которые, чтобы приобрести то же убеждение, проходят другие умы... Когда я глядел на деревни и города, которые мы проезжали, в которых в каждом доме жило по крайней мере такое же семейство, как наше, на женщин, детей, которые с минутным любопытством смотрели на экипаж и навсегда исчезали из глаз, на лавочников, мужиков, которые не только не кланялись нам, как я привык видеть это в Петровском, но не удостаивали нас даже взглядом, мне в первый раз пришел в голову вопрос: что же их может занимать, ежели они нисколько не заботятся о нас? И из этого вопроса возникли другие: как и чем они живут, как воспитывают своих детей, учат ли их, пускают ли играть, как наказывают? и т. д.

Обозначенное «соотношение сил» определяет трудности, а также задачи, которые приходится решать родителям в отношении ребенка и себя.

Преодоление эгоцентризма ребенка не происходит само собой. Ему необходим опыт встреч и даже столкновений с потребностями и желаниями других. И родитель как первый «другой» должен **уметь заявлять о себе**, чтобы быть услышанным.

С другой стороны, родителя подстерегает опасность **увлечения властью**. В своем стремлении «правильно воспитывать» он порой оставляет без внимания переживания и потребности ребенка, то есть не слышит его.

Как из нас «выют веревки»

Итак, развитие ребенка предполагает неизбежное ограничение свободы его эгоцентрических желаний. На этой почве возникает множество острых переживаний из-за конфликта между «хочу!» и «надо!». Ребенок сопротивляется, настаивает, требует, плачет. Некоторые родители не могут вынести его переживаний и слез. Такое, как правило, случается с очень заботливыми и сочувствующими родителями. Однако тут их подстерегает опасность пойти на поводу у ребенка: тогда «усиленная забота» о ребенке превращается в **потакание его капризам**.

Если в доме раздается требовательный плач в ответ на родительское «нет» и повторные выкрики «нет, да!», «а я хочу!», «а я все равно буду!», значит, родитель не миновал этой опасности. Ему надо остановиться и посмотреть не только на неправильное поведение ребенка, но в первую очередь на то, что неправильно делает **он сам!**

Недавно мне довелось наблюдать такую сцену.

*Мать с двумя детьми, девочкой четырех лет и мальчиком шести лет, гуляла во дворе. Мальчик по какому-то поводу агрессивно напал на сестру, и та горько заплакала. Мать резко оттолкнула сына от девочки, и тот повалился на землю, подняв невероятный крик. Мама растерянно взглянула на подругу, которая тоже гуляла со своими детьми: «Что мне теперь делать?». Подруга предложила спокойно двинуться к дому – дело клонилось к вечеру, и все уже и так собирались домой. Мама, взяв за руку младшую, сделала несколько шагов к дому, но нерешительно остановилась и оглянулась – мальчик продолжал лежать, **и крик его усилился**. Подруга убедила мать продолжить путь к дому. Однако нерешительные остановки матери и усиление крика мальчика повторились еще несколько раз. «Как же мы его там оставим?!» – не могла успокоиться мать. «Да ничего, – повторяла подруга, – вот увидишь, в конце концов, сам встанет и прибежит!». Наконец, почти у самого подъезда мальчик догнал всю группу, бросился на мать и с гневными криками начал колотить ее руками и ногами. Мать в растерянности говорила ему что-то увещивающее и убеждающее. К счастью, из подъезда вышел взрослый родственник. Подойдя сза-*

ди, он заключил разъяренного ребенка «в замок», и когда тот оказался способным его услышать, сообщил, что отпустит его только тогда, когда тот возьмет себя в руки.

Позже, поговорив с матерью, я узнала, что сын распускает кулаки не так уж редко, что ее «нет», как правило, в доме не признается – вот и младшая девочка начинает перенимать эту манеру – и что мать иногда приходит в отчаяние. Со своей стороны, она старается быть заботливой, внимательной и бережно относиться к переживаниям детей. В конфликтах она пытается их активно слушать, говорит о своих чувствах, то есть посылает Я-сообщения (почерпнув все это из книжки), но всего этого оказывается недостаточно. Дети каким-то образом умудрились «сесть ей на шею».

Как она это допустила, можно догадаться хотя бы по некоторым деталям только что описанной сцены. Отметим одну из них: мальчик зорко следил за реакцией матери на его крики, не без основания рассчитывая, что она вернется его утешать. И только усилия подруги помогли матери удержаться от этого, не уступить его эмоциональному давлению.

Подобные сцены при «сверхбережном» отношении родителей широко известны. Они происходят и происходили во все времена и «у всех народов». Приведу еще одно яркое описание детского каприза из воспоминаний писателя Анатолия Мариенгофа. События относятся к жизни до-революционной России.

Я играю в мячик. Как сейчас его вижу: половинка красная, половинка синяя, и по ней тонкие желтые полоски. Няня сидит на большом турецком диване и что-то вяжет, шевеля губами. Очевидно, считает петли. Мячик ударяется в стену, отскакивает и закатывается под диван. Я держу няню за юбку:

– Мячик под диваном... Достань.

Она гладит меня по голове своей мягкой ладонью:

– Достань, Толечка, сам. У тебя спинка молоденькая, гибкая!

– Нет, ты достань!

Она еще и еще гладит меня по голове и опять что-то говорит про молоденькую спинку. Но я упрямо твержу свое:

– Нет, ты достань. Ты! Ты!

Няня справедливо считает, что меня надо перевоспитать. Я уже не слышу и не понимаю ее слов, а только с ненавистью гляжу на блестящие спицы, мелькающие в мягких руках:

– Достань!.. Достань!.. Достань!..

Я начинаю реветь. Дико реветь. Делаюсь красным, как бочка пожарных. Валюсь на ковер, дрыгаю ногами и заламываю руки, обливаясь злыми слезами.

Из соседней комнаты выбегает испуганная мама:

– Толенька... Толюнок... Голубчик... Что с тобой? Что с тобой, миленький?

– Убери!.. Убери от меня эту старуху!.. Ленивую, противную старуху!.. – воплю я и захлебываюсь своим истошным криком.

Мама берет меня на руки, прижимает к груди:

– Ну, успокойся, мой маленький, успокойся.

– Выгони!.. Выгони ее вон!.. Выгони!

– Толечка, неужели у тебя такое неблагодарное сердце?

– Все теперь знаю. Ты любишь эту старую ведьму больше своего сына.

(А простачки считают четырехлетних детей ангелочками!)

– Толечка, родной, миленький...

Мама уговаривает меня, убеждает, пытается подкупить шоколадной конфетой, грушей дюшес и еще чем-то «самым любимым на свете». Но все это я отшвыриваю, выбиваю из рук и упрямо продолжаю поддерживать свое отвратительное «выгони!» самыми горячими слезами. Они льются из глаз, как кипяток из открытого самоварного крана.

Слезы... О, это мощное оружие! Оружие детей и женщин. Оно испытано поколениями в бесчисленных домашних боях, больших и малых.

И что же?.. Мою старую няню – этот уют и покой дома – рассчитывают, увольняют за

то, что она не полезла под диван, чтобы достать мячик для противного избалованного мальчишки...

Вероятно, многие считают, что угрызения совести – это не больше, чем литературное выражение, достаточно устаревшее в наши трезвые дни. Нет, я с этим не могу согласиться! Вот уже более полувека меня угрызает совесть за ту гнусную историю с мячиком, закатившимся под турецкий диван!

Примечательны заключительные строки воспоминания. Они обнажают «двойное дно» в переживаниях требовательного ребенка. Знал ли он тогда, что чем сильнее будет кричать и изображать горе, тем скорее добьется своего? Конечно, знал! Одновременно на каком-то уровне сознания (или подсознания) он знал, что ведет себя как «противный избалованный мальчишка», что это стыдно, что это против совести (см. также БОКС 5).

«ПЕРВОЕ РОЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ»

В дошкольном детстве, по выражению известного отечественного психолога А. Н. Леонтьева, происходит «первое рождение личности». Вот как это было показано в специальном эксперименте.

Ребенку-дошкольнику предлагали задачу: достать игрушку, которая лежала на некотором расстоянии, на столе. При этом ставилось обязательное условие: достать, **не вставая со своего места**. Расстояние до стола было таким, что просто дотянуться до игрушки ребенок не мог. Что в этих условиях он будет делать?

Экспериментатор уходил из комнаты, но незаметно наблюдал за ребенком. Некоторое время тот сидел в нерешительности. Но игрушка была привлекательной, да и задание хотелось выполнить. В конце концов, ребенок вставал, брал игрушку и садился на место. Тогда взрослый возвращался в комнату, хвалил ребенка за выполненное задание и в качестве награды предлагал шоколадную конфету. Иногда ребенок отказывался ее брать, а если экспериментатор настаивал, начинал тихо плакать.

Этот опыт стал известен под названием «феномен горькой конфеты» (объяснить который должен уметь каждый студент–психолог на экзамене в Московском университете).

А объяснение состоит в том, что в душе ребенка сталкиваются два противоречивых желания: одно – взять игрушку, другое – выполнить условие, то есть договор со взрослым. Оставшись один на один с игрушкой, ребенок оказывается во власти своего первого желания. С приходом же взрослого, и тем более после его похвалы, для него становится очевидным, что он нарушил договор и не заслуживает награды. Конфета только усиливает стыд, она для него теперь стала совсем не сладкой!

Ростки переживаний долга, вины, совести у ребенка-дошкольника еще слабы и неустойчивы. Однако они знаменуют рождение **личности**, так как относятся к сфере человеческих взаимоотношений и моральных норм.

Потом угрызения совести он испытывал в течение «более полувека»! Но в зародыше они присутствовали уже тогда, когда он «выбивал» из матери удовлетворение своего каприза.

Итак, капризы детей – это «горячие точки» воспитания и одновременно – **испытания для родителей**. В душе родителей сталкиваются любовь, желание окружить заботой дорогое дитя и

необходимость сохранять твердую позицию взрослого. Уступающие родители проигрывают в этом столкновении. Они сдают свои позиции, забывая о возможностях, которые дает владение техникой Я-сообщения.

Но есть и другая крайность.

Родители на тропе войны

Некоторые родители считают, что они лучше знают, что нужно ребенку и что тот должен делать. При этом они не учитывают его мнения, желания или потребности. Обычно так ведут себя либо «очень ответственные», либо очень тревожные, либо просто авторитарные родители. Реакция детей, как правило, выливается в **сопротивление** – в той или иной форме.

Одна из форм – это открытое противостояние. Подвергаясь постоянному давлению, дети начинают бороться с родителями. Каким образом – это зависит от возраста, опыта, характера ребенка. Обычно борьба выливается в непослушание, иногда – в упрямство и действия «на зло», а порой и в открытую вражду.

Удивительно, как рано может появиться такое противостояние! Жалуется мать двухлетней девочки:

Она стала невероятно упрямой. На все говорит «нет!». С этим «нет» просыпается и засыпает. Утром я только подхожу к ее кровати, она даже глаз еще не открыла, а уже кричит «нет!». Иногда у меня нервы не выдерживают, и я ей наподдаю, а она бьет кошку!

Аналогичная жалоба матери трехлетней девочки:

Совсем с ней измучилась: Маша, одеваться – «нет!», раздеваться – «нет!», кушать – «нет!», купаться – «нет!», спать – «нет!», и так весь день!

В чем дело? Откуда у детей подобный стойкий «негативизм»? Скорее всего, дело в истории

отношений с ними, пусть еще совсем недолгой, где родители допускали ошибки. Ошибки бывают разные, но перечень их более или менее известен. Среди них – слишком жесткий контроль, резкость приказов родителя, неучет состояния ребенка, иногда завышенные требования к нему.

С взрослением детей ситуация может усугубляться. Приведем еще одну жалобу, на этот раз матери подростка.

Моему сыну тринадцать лет. Он у меня очень способный и учится в специальной школе. Чтобы развивать свой талант, он должен очень много работать. Я специально сижу дома, посвящая ему все свое время. Всем его обеспечиваю, кормлю, ничем его не загружаю, забочусь и постоянно слежу за ним, напоминаю, что надо много заниматься, а не отвлекаться на посторонние дела. На этой почве у нас бесконечные конфликты. Дело дошло до настоящей ненависти! Он смотрит на меня, знаете, такими колючими злыми глазами, как волчонок, который тебя ненавидит и готов на тебя наброситься!

Просто беда, не знаю, что делать. Ведь речь идет о его судьбе, а я бессильна!

Чувство бессилия родителей в таких случаях – очень важный и, позволю себе сказать, **полезный** сигнал. Это сигнал того, что их поведение ошибочно, и им это надо обязательно осознать!

Есть еще одна форма сопротивления детей – внутренний саботаж. Вспоминается беседа с девятилетним мальчиком и его мамой.

Мальчик вполне здоровый, краснощекий, мягкого характера, сообразительный. Но глаза – скучные, голос – безразличный, особенно когда речь заходит о школьных уроках или музыке, которой мама упорно заставляет его заниматься, ссылаясь на слова учительницы, что он очень способный. Сам мальчик постоянно и охотно утверждает, что он ленивый. Мама, безусловно, того же мнения.

На вопрос: «Что тебе нравится?», отвечает: «Играть с кошкой», – добавляя, что может играть с ней часами! При этом глаза радостно вспыхивают. Задаю «дурацкий» вопрос: «А когда ты с ней играешь, ты тоже ленишься?» – в ответ удивленно: «Ну что Вы, конечно нет!».

В дальнейшей беседе выясняется, что у мамы главной заботой с некоторых пор стало соблюдение строгого порядка в своей жизни, в семье и в делах сына. Она признается, что раньше была легкой и живой, многим интересовалась, умела со вкусом отдыхать. Но сейчас «под грузом ответственности» за дом, за семью и за воспитание сына стала более жесткой, требовательной, живет как-то механически и однообразно.

По ходу беседы она приходит к выводу, что, скорее всего, такой же «груз ответственности» она возложила и на сына, требуя от него жить так, как живет сама: ответственно, но механически. Но жить так ей совсем не нравится, тем более она не хочет «засушивать» живые силы своего ребенка!

На таких примерах мы видим, что покладистый ребенок может формально подчиняться родителям, неплохо учиться, «перекатываясь из куляка в рогожку», но он может уйти «во внутреннюю эмиграцию», впасть «в спячку», в так называемую лень. Он становится «удобным» ребенком, но его безынициативность, вялость и равнодушие справедливо вызывают основательную тревогу родителей.

Понимание и гибкость

Есть ли между описанными крайностями «золотая середина»? Как сочетать стремление дать правильное воспитание ребенку, сохраняя четкие родительские позиции и одновременно заботясь о его «живых силах», потребностях и чувствах?

Для ответа обратимся, прежде всего, к техникам эффективного общения, с которых мы начали эту главу. Опыт освоения каждой из них делает возможным гибко использовать их в различных комбинациях. Здесь речь идет уже не об отдельной правильной фразе, а о разговоре или беседе, в которых вы обнаруживаете способность выслушать ребенка, открыто сказать о себе и при этом сохранить доброжелательный позитивный тон.

Посмотрим, как все это может помочь успешно разрешать назревающие конфликты. Первый пример – рассказ матери о беседе с ее пятилетним сыном:

Прихожу домой, усталая и голодная. Сын обрадованно:

«Ой, мама, я тебя так ждал! Пойдем скорее играть!».

«Подожди, – отвечаю я, – сначала я поем».

А он: «Нет, нет, пойдём играть!».

*Я говорю: «Ты **оченьх** **очешь**, чтобы я пошла играть.»*

Сын: «Да, очень! Пошли!».

*Я: «Ты очень, очень хочешь играть, **а я устала и очень хочу есть».***

Сын: «Ну, мам!»

*Снова говорю: «Я очень хочу есть, а ты очень хочешь играть. **Как же нам быть?** ».*

Тогда он: «Ну, ладно, я поем вместе с тобой, а потом пойдём играть».

Мы так и сделали.

Можно поздравить мать с успехом и порадоваться вместе с ней. Наверняка в этом разговоре мальчик получил ценный урок морального воспитания. Он узнал о желании матери и признал ее право позаботиться о себе. Повторение подобных бесед поможет ему избежать опасности закрепления детского «наивного эгоизма».

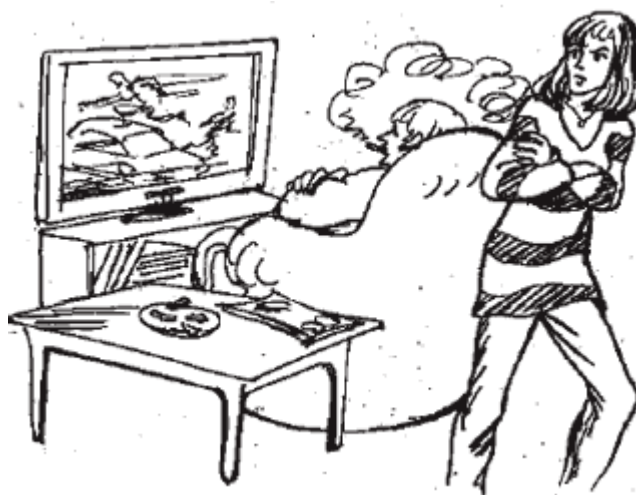
Для нас же важно понять, что именно сделала мать в этой беседе. Можно увидеть, что она использовала попеременно Я-сообщение и Активное слушание. Их чередование показало мальчику, что мать его слышит, и это, в свою очередь, дало возможность ему услышать ее.

Вопрос матери: «**Как же нам быть?**» – очень важный момент в процессе разрешения конфликтов. Он позволил мальчику внести свое предложение, которое устроило обоим.

В семейной жизни противоречие интересов супругов не такая уж редкость. Таких случаев не меньше, если не больше, чем наших столкновений с детьми. Научиться конструктивно разрешать свои, взрослые, конфликты нам очень важно еще до рождения детей, а уж тем более, когда они появились на свет и живут вместе с нами.

Выше мы много говорили о том, что поведение родителей усваивается детьми как произвольно, так и непроизвольно. На примере родителей дети учатся искусству бесконфликтного общения. Такое искусство необходимо и для самих родителей, прежде всего, чтобы создавать здоровую атмосферу в жизни семьи.

Отношения супругов – большая и сложная тема, которая выходит за рамки этой книги. Здесь мы ограничимся одним поучительным примером. Это запись разговора молодой женщины с мужем. Замечу, что в нем рассказчица в какой-то момент вспомнила о навыках конструктивного общения, которые до того она старалась освоить.

Два месяца назад я бросила курить, а мой муж по-прежнему курит и очень много. Я долго думала, как можно уговорить его не курить в комнате на диване перед телевизором. Сначала я пыталась это сделать старым, привычным способом: начинала «пилить», занудствовать или

умничать на тему вреда здоровью.

Это не производило должного эффекта, и я переходила на крик, что самой уже было противно! В итоге, с каждой закуренной сигаретой начинался один и тот же текст, пока мне не становилось скучно от такого «нетворческого» решения проблемы. Муж уже смеялся: «Я заранее знаю, что ты скажешь» – и продолжал курить на диване. Тогда, отчаявшись, я произнесла следующий монолог:

«Ты знаешь, мне очень трудно найти решение, которое устроит нас обоих. Я по-разному пыталась на тебя повлиять, но меньше всего мне хочется, чтобы в своем доме ты не мог делать то, что тебе нравится. Я не хочу также запрещать тебе что-либо или ставить ультиматумы. В то же время мне очень хочется дышать свежим, здоровым воздухом, именно поэтому я бросила курить. Получается, нам нужно искать компромисс, но сама я не могу его найти. Мне нужна твоя помощь. Скажи, какое решение устроило бы тебя?»

Муж внимательно слушал и менялся в лице, хмурил лоб и брови, а потом сказал: «На это невозможно не среагировать». Только теперь я поняла, что он меня услышал.

В результате мы договорились, что он выкуривает одну сигарету после ужина на диване, а остальные уходит курить в другую комнату. Кажется, очень простой выход, но пришлось проделать внутреннюю работу, чтобы он стал естественным, а не заученным. Мои слова произвели такой эффект именно потому, что они шли от самого сердца. Они перестали быть формальными, мне удалось избежать Ты-сообщения и искренне выразить мою трудность.

Давайте посмотрим, что в этом «послании» участницы было такого, что помогло ей быть по-настоящему услышанной мужем.

Во-первых, в нем встречаются несколько **простых Я-сообщений**:

- Я хочу дышать чистым воздухом.
- Поэтому я бросила курить.
- Хочу разрешить эту проблему.
- Не могу сама.

Во-вторых, есть то, что можно назвать **мета**

Я-сообщением, то есть «сообщением о сообщении». Здесь – слова:

- Хочу с тобой поговорить.
- Долгое время пыталась объяснить.

Такие вводные фразы настраивают на спокойное обсуждение и одновременно передают дух вашей искренности и доверия.

В-третьих, мы находим очень важные **позитивные Я– и Ты-сообщения**, то есть высказывания «в пользу партнера» – такие, которые ему приятно услышать:

- Я не хочу ставить тебе ультиматумы.
- Меньше всего я хочу, чтобы ты не мог делать в своем доме то, что тебе хочется.
- Могу решить только с твоей помощью.

Позитивные высказывания – далеко не просто «техника». За ними стоит общее положительное отношение к вашему собеседнику, несмотря на отдельные противоречия и споры. Когда собеседник видит ваше доброжелательное отношение к нему, то больше готов искать решение, которое устроит вас обоих.

Не будем забывать победную силу доброжелательности, которую хорошо иллюстрирует известная легенда о Ветре и Солнце.

Ветер и Солнце поспорили, кто быстрее заставит Человека раздеться. Ветер сказал: «Конечно, я!» Он собрал свои силы и начал дуть все сильнее и сильнее. Но Человек только плотнее запахивал свое пальто. Разозлился ветер, задул еще сильнее, устроил целую бурю! Но чем больше он свирепел, тем больше Человек кутался в свои одежды.

«А теперь моя очередь», – сказала Солнце. Оно вышло из-за тучки, пригрело все вокруг, Человеку стало уютно, тепло – и он разделся!

Путь к согласию

Родители часто задают вопрос: Можно ли уступить ребенку?

Все сказанное до сих пор приводит к выводу, что этот вопрос не имеет однозначного ответа. Ясно, что жесткий принцип родителя «всегда стоять на своем» не годится. В то же время мы уже говорили о вреде постоянных уступок.

Разумнее всего выглядит мнение, согласно которому **отдельные уступки ребенку вполне возможны**, а иногда их даже приходится делать!

Следуя такому правилу, нужно учитывать многие разные вещи: состояние ребенка, силу и обоснованность его желания или страдания, того, с каким именно неудобством или ущербом для родителя это связано, от чего тому приходится отказаться.

Далее на примерах мы увидим, что каждый случай индивидуален. Тем не менее, общим в поведении родителей остается способность понять, проявить гибкость и найти разумное решение.

Мать пятилетней девочки учится по вечерам и несколько раз в неделю уходит на занятия. Каждый раз девочка переживает, но бабушке удается уговорить ее и чем-то занять. Но однажды девочка сильно расплакалась, и, цепко держась за маму, не отпускала ее. Никакие доводы и увещания не действовали, ребенок плакал только сильнее.

Мать рассказывает: «Конечно, в моей душе шла внутренняя борьба: жалко ребенка – и в то же время так нужно идти (как всем нам это знакомо)! Чувства к ребенку перевесили, и я осталась. Я сказала себе:

„В конце концов, можно же пойти ей навстречу, она ведь столько раз меня отпускала, хотя ей это было совсем непросто!“

Дочка сразу успокоилась, весь вечер не отходила от меня, придумывала разные игры и занятия. В какой-то момент спросила: „А это ничего, что ты не пошла на учебу? Тебе двойку за это не поставят?“ – и потом добавила: „Знаешь, я не буду каждый раз так плакать. Тебе же тоже надо учиться!“. В общем, я совсем не жалею, что осталась. Мы почувствовали себя с дочкой как-то особенно близкими.»

Следующий пример относится к более серьезным жизненным случаям, когда желания ребенка вполне оправданны, но трудно исполнимы, так как противоречат интересам или жизненной ситуации родителей. Ничего не поделаешь, таких случаев немало!

Например, ребенок хочет быть с мамой как можно больше – но маме надо ходить на работу. Ребенок не хочет ходить в сад, он даже умоляет:

«Я лучше буду сидеть дома совсем один!», но его не с кем оставить и невозможно оставить одного. Ребенок хочет жить с мамой и папой, он любит их обоих, но родители разводятся...

В таких случаях, если никак нельзя изменить ситуацию, чтобы удовлетворить просьбу ребенка, остается беседа с ним – **беседа по душам**. Для таких бесед лучше выбрать спокойное время (а не моменты, когда он особенно расстроен) и как можно больше его слушать. Именно слушать активно, чтобы он смог высказать все свои огорчения. Не спешите успокаивать, убеждать или разуверять его, особенно не старайтесь логически доказывать, почему это нельзя или невозможно. Дайте ему больше сказать, ведь это помогает разрядить напряжение – у ребенка, так же как и у взрослого.

Немного позже вы сможете сказать о себе, о реальной ситуации, привести доводы, **но именно позже, а не сразу**. Когда накал переживаний спадет, будет шанс перейти к переговорам, и вместе подумать над вопросом: «как же нам быть?».

Одна семья встретила с проблемой такого рода:

Сын-первоклассник начал ходить в школу, которая ему очень понравилась. Он уже привык к учителям, подружился с ребятами. Но семья переехала на другой конец большого города, и до школы теперь стало сложно добираться. На дорогу с пересадками уходило в один конец полтора часа, а то и больше. Кроме того, кто-нибудь из взрослых должен был его возить. Поначалу родители вняли мольбам мальчика, и недели две папа сопровождал его в старую школу и из школы домой. Но потом стало ясно, что так продолжаться не может: мальчик сильно уставал, у папы стала страдать работа. К тому же узнали, что поблизости есть школа не хуже. Но сын не хотел даже слышать о ней! Устроил настоящую забастовку!

Родители много беседовали с мальчиком, слушали его рассказы про старую школу – какие там интересные уроки, как там все красиво и весело, как они с друзьями играют на переменах и как он без всего этого «просто не может жить!». Родители сочувственно слушали. Мать даже стала спорить с отцом (конечно, не в присутствии мальчика), говоря, что нельзя же ломать ребенка!

Однако, «суровая действительность» требовала своего. Отцу в какой-то момент пришлось сказать, что возможности ездить в дальнюю школу у него больше просто нет из-за работы. «Тогда я буду сидеть дома», – ответил сын. «Хорошо, посиди». Через некоторое время мальчик согласился сходить в новую школу «просто посмотреть». Поговорили с учителем, который был очень приветлив, посидели на уроках. Сын все еще оставался дома. Нашлись мальчики из класса, живущие поблизости, их стали приглашать в гости...

В конечном счете, «крепость пала», теперь наш герой учится в новой школе с не меньшим удовольствием, чем в прежней.

В этой истории хочется обратить внимание на бережное отношение родителей к понятным и оправданным переживаниям мальчика. И в разговорах с ним, и в своих действиях они шли ему навстречу, проявляя сочувствие. Они также не «продавливали» категорично свою позицию. Например, дали ему возможность посидеть некоторое время дома. Это было, хотя и частичное, но все-таки согласие с ним, признание его права на выбор. Все вместе позволило мальчику, в конце концов, принять сложившуюся ситуацию и положение родителей. Семья преодолела кризис без эмоциональных потерь.

Никогда не поздно

Можно ли его исправить?

Мы уже многое обсудили, и читатели, безусловно, обогатились знаниями путей и способов успешного обращения с детьми. Но есть вопрос, который остается у некоторых родителей: *«А если многое делалось не так, и воспитание ребенка „запущено“. Можно ли его исправить?»*

Отвечу: конечно, можно. Спихватиться никогда не поздно! И это также можно показать на замечательных примерах. Один такой пример относится к опыту уже известного нам отечественного психолога Льва Семеновича Выготского.

Будучи блестящим ученым, Л. С. Выготский обладал также исключительным даром понимания детей. Этот дар обнаруживался и в том, как он обращался с собственными детьми. Много ценных подробностей можно найти в воспоминаниях Гиты Львовны Выготской – дочери ученого. Из ее воспоминаний мы и берем пример.

В семье Выготских было две дочери. Случилось так, что младшая, Ася, стала обнаруживать трудный характер. Поскольку отец и мать много работали, девочку воспитывала няня, которая очень ее любила и, по воспоминаниям старшей сестры, *страшно ее баловала*. Ася устраивала разные «фокусы». Один из них состоял в том, что, не желая уходить с прогулки, она ложилась на тротуар, била по асфальту ногами и истошно орала. Такую картину увидел однажды отец.

На следующий день, когда все повторилось как по нотам, он вышел на улицу, велел нам идти домой, а сам взял отчаянно брыкавшуюся и орущую девочку на руки, внес ее в подъезд, положил на пол, а сам вошел в квартиру и закрыл дверь. Сначала из подъезда неслись отчаянные вопли, но постепенно они стали стихать – ведь зрителей не было! – и, наконец, совсем прекратились. Когда наступила тишина, отец вышел в подъезд, спокойно помог дочери подняться с пола и, молча, привел ее домой. Он не сказал ей ни единого слова. Умыв, он отпустил ее к няне, которая собиралась ее кормить.

Это повторялось несколько дней кряду, с той только разницей, что пару раз Асю забирали из подъезда соседка из квартиры напротив и приносили ее нам через черный ход, со двора. Отец неотступно следовал своей методе и был вполне вознагражден – постепенно все прекратилось, и

возвращение с прогулки стало проходить спокойно.

Если же Ася устраивала скандал дома, падала на пол, била ногами по полу, кричала, папа требовал, чтобы все вышли из комнаты, а сам, оставшись с ней, не обращал на нее никакого внимания, делая вид, что чем-то очень занят, поглощен. Когда она успокаивалась, он, опять-таки молча, помогал ей подняться с пола и вел умываться. Он никогда ей при этом ничего не говорил, по-видимому, считая, что она в таком возбуждении, что все равно не в состоянии услышать и осознать сказанное. Как бы то ни было, но выбранный им метод целиком оправдал себя – истерики и скандалы постепенно прекратились.

В воспоминаниях Гита Львовна приводит один из последних подобных случаев. Она сама уже ходила в школу, и Асина няня по утрам должна была ее провожать, так как нужно было перейти через площадь с большим движением. Ася ревновала няню к сестре и всячески противилась их взаимодействию, так что няне приходилось делать все украдкой. Например, она выходила из квартиры раздетой и одевалась только в подъезде.

Однажды Ася, увидев, что мы собираемся уходить, начала плакать, больно ударила меня ногой, а потом в бессильной злобе схватила с кровати мое полотенце, окунула его в таз с водой и начала мокрым полотенцем тереть пол. На полотенце от мастики тотчас же образовалось большое рыжее пятно. Мы молча наблюдали за маленькой дикаркой. Отец подошел к ней, взял из ее рук полотенце и медленно, очень раздельно и внушительно сказал: «Отныне это полотенце будет твоим». И, действительно, каждый раз, меня белье (даже тогда, когда отца уже не было в живых), полотенце с рыжим пятном давалось в пользование Асе. Так в семье свято выполнялись требования отца.

Из этих коротких отрывков мы узнаем много очень важных вещей. Во-первых, можно догадаться, как девочка дошла до состояния «дикарки». Это случилось не без помощи доброй няни, которая очень ее любила и *потакала ей во всем*. В результате девочка не знала границ дозволенного и, наоборот, накопила опыт удовлетворения своих желаний через устройство скандалов.

Во-вторых, мы видим мудрое поведение отца. В чем же оно состояло? Отец пресек обычные реакции домочадцев на истерики дочери, причем, действовал молча, спокойно и в общем-то дружелюбно (помогал девочке встать с пола, умыться). Он также спокойно давал ей столкнуться с последствиями своих действий, не добавляя никаких назиданий.

Наконец, впечатляет последняя фраза из отрывка воспоминаний: *«в семье свято выполнялись требования отца»*, и это происходило даже тогда, когда он уже ушел из жизни. Какие огромное уважение и любовь к отцу, а также его непререкаемый авторитет стоят за этими словами!

О результатах такой «воспитательной политики» Л. С. Выготского мы узнаем из тех же записок старшей сестры. Вот что она пишет, спустя более полувека.

Мне хочется здесь сказать несколько слов о своей сестре. Я считаю необходимым это сделать, так как, к великому сожалению, ее уже нет (она умерла весной 1985 г). Несомненно, активное участие отца в ее воспитании способствовало выравниванию ее характера, его коррекции. Постепенно все ее срывы прекратились, и к школе она была вполне контактной девочкой, хорошо общалась со взрослыми и сверстниками, среди которых всегда, на протяжении всей своей жизни, имела много настоящих друзей. Я бы сказала даже, что она обладала ценнейшим даром – умением дружить. Она всегда была добра и внимательна к своим друзьям, и они платили ей тем же. Она выросла глубоко порядочным человеком и всегда, в любой ситуации, вела себя очень достойно, никогда и ничем не запятнав ни своего имени, ни имени своего отца.

Вот такая замечательная динамика: от капризного неуправляемого ребенка – к глубоко порядочному человеку, доброму и внимательному другу!

Спросим: «А может ли измениться сам родитель?». Этот вопрос очень правильный, и он давно назрел. Ведь психологические законы общения говорят: главное – начать с себя.

Родители тоже способны меняться

Одна из проблем многих родителей упирается в жесткий контроль. Они понимают, что надо «отпустить» ребенка, дать ему большую самостоятельность, **но ничего не могут с собой поделаться**. Они продолжают запрещать, указывать, воспитывать.

Возможно ли, поняв ошибочность своего поведения, измениться?

Да, некоторым родителям это удастся. Процесс непростой, так как приходится иметь дело со своими трудно преодолемыми эмоциями – тревогой, страхом, беспокойством, а также привычкой думать: «он без меня не справится». Давайте посмотрим, как это происходит в жизни.

Привожу отрывки из записей одной мамы.

Ее дочери Маше одиннадцать лет, она учится в 6-м классе (жирным шрифтом отмечаю мамины переживания и усилия изменить себя).

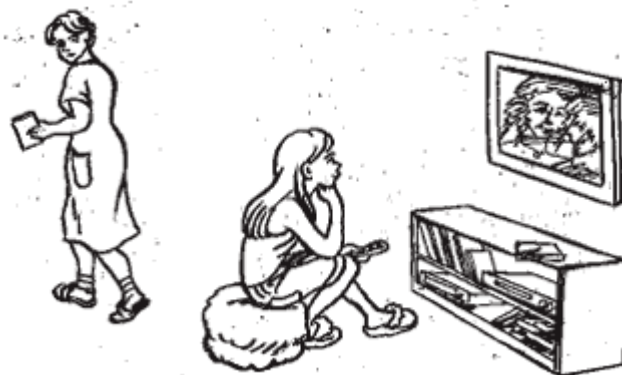
06.02. В конце концов, **я решила**: необходимо **перестать давить** в уроках, уборке комнаты и т. п. Попробуем «воспитание свободой»! Отступила, наблюдаю. **Волнуюсь очень.**

08.02. **Долой лозунги.** Вот правда жизни: английский 2, 3 и замечание по поводу отсутствия д/з; русский 3, 3. Вечером **не выдерживаю**, спрашиваю:

– Маш, а много задали?

– Нет, ничего.

– Совсем, совсем?

10.02. Вечер пятницы, **спрашиваю**:

– Маш! Много задали?

– Нет. Я решила, что сегодня ничего делать не буду. Я устала (смотрит телевизор).

Я расстроена, так как предполагаю, что без моих призывов к приготовлению уроков протянет до вечера воскресенья и с дикими стенаниями ползет к письменному столу, взывая к нашему сочувствию.

11.02. Утро субботы. О планах Маша забыла.

Я расстроена, так как понимаю, что она не хочет бороться: легко пообещала, легко забыла. **Молчу.**

14.02. **Осознала**, что «продавливаю» и все равно пытаюсь регламентировать приготовление уроков. **Чувствую растерянность...**

19.02. Неделя закончилась, **я не вспоминала об уроках.** Маша все делала сама или не делала, но результат в дневнике (она принесла мне его на подпись) не хуже, а, может быть, чуть лучше, чем обычно!

25.02. Уроки делает сама, что-то в школе, что-то дома, сообщает мне об этом, но не всегда. **Я не спрашиваю.** Учительница математики стала Машу хвалить. С русским неважно, диктант написан на 2, но правила старается учить. Я слышала, как по телефону объясняла заболевшей девочке новую тему. Успеваемость со мной не обсуждает, даже не всегда хвалится хорошими отметками. Когда озвучивает 4 и 5, **я радуюсь, говорю ей об этом**, стараюсь, чтобы моя радость не выглядела слишком напыщенно.

С момента первой записи прошло всего 19 дней, а можно видеть заметные сдвиги в школьных делах девочки, да и в отношениях между мамой и дочкой. Конечно, матери это досталось нелегко. Ей пришлось бороться с собой, но ее терпение и выдержка оправдали себя. Похожие процессы происходят и в других семьях, где родители пытаются себя изменить.

Приведу отрывки из записей другой матери. Ее дочке десять лет, и предыстория их отношений похожа на предыдущую: сначала был жесткий контроль, но потом возникло решение «отпустить» девочку.

Для ясности даю небольшие заголовки, которые отмечают динамику изменений.

Стала учиться хуже. В тетрадях Гали много троек, пишет неряшливо. Слышу, что учит наизусть стихотворение, явно «халтурит».

– Галя, ты уверена, что хорошо выучила?

– Понимаешь, просто если я буду еще тратить время на литературу, то не успею сделать английский, и у меня вообще не останется свободного времени. Я, что, должна все время только учить и учить?

– Музыка у тебя еще не сделана. Пока не напомню тебе, ты вообще не садишься за инструмент. Я тебе уже много раз говорила...

Бесконечно долгий и пустой диалог. В результате обе почти в слезах и злы друг на друга.

Решение жестко контролировать. Пятерок все меньше, тройки перестали быть редкостью.

С мамой принимаем решение контролировать приготовление уроков и жестко требовать соблюдения порядка на рабочем столе. Но вместо запланированного контроля – периодические «атаки», которые ничего хорошего не приносят.

Пробую общаться иначе, но возвращаюсь к старому. Стараюсь поговорить с ней по душам. Снова скатываюсь до поучений. Раздражаюсь и на себя, и на нее... Расстояние между нами увеличивается. Боюсь, что она замкнется, а остановиться вовремя никак не могу.

Первые проблески. Спасительный Святослав Рихтер! Узнала, что в школе его считали очень ленивым. А позднее знаменитый пианист удивлял всех своей волей и самодисциплиной! Приняла это близко к сердцу.

– Мама, ты только не ругайся, у меня тройка за самостоятельную работу по математике.

(Активно ее слушаю.) – И тебе это очень не нравится, ты хочешь это изменить...

– Да, я позанимаюсь дополнительно по этой теме сегодня. (Ура!!!)

Преждевременное «ура». Но «ура» было преждевременным. Дальше намерений дело не пошло ни сегодня, ни завтра. Однажды не сдерживаюсь и снова опускаюсь до старого шаблона:

– Что с музыкой, Галя? Скоро экзамен.

– Понимаешь, просто... – и длинная череда «уважительных причин».

– Твое «просто» на этой неделе звучит уже 1001 раз!
И тут: – Я не люблю, когда со мной так разговаривают!
Хлопнув дверью перед моим носом, дочь удаляется в свою комнату.
Замыкаюсь. Переживаю долго и до слез.

Усилия вознаграждаются. Постепенно ситуация меняется. Очень гордится тем, что делает домашнюю работу существенно быстрее и качественнее. Подтянулась организованность. С мамой отмечаем, что изменилось лицо: оно стало как-то мягче, и я бы сказала счастливее.

В этой истории мы видим в общем повторение тех же явлений, что и в предыдущей. В обоих случаях матери переживали настоящую внутреннюю борьбу между решением измениться и собственными укоренившимися привычками. Пожалуй, самым трудным для них моментом, можно сказать, узлом всего процесса, было выдержать **ухудшение** учебы и поведения детей при попытках снять с них контроль. Важно знать и помнить, что такое ухудшение **абсолютно закономерно!**

Во-первых, у отпущенного на свободу ребенка расширяется зона активности, которая раньше была стеснена, и он начинает отвлекаться на многие другие занятия. Во-вторых, из-за длительного родительского контроля он недоразвился в одном важном отношении: он плохо умеет отвечать за себя, свои дела и поступки. Такую ответственность он должен еще осознать и освоить. А это требует некоторого времени и может происходить только в режиме свободы и самоопределения **с неизбежными ошибками и неудачами**, на которых он учится.

И вот эти ошибки, неудачи и ухудшения родители должны **вытерпеть**, чтобы не помешать процессу взросления их ребенка. Заметим, что в описанных историях обе девочки, в конце концов, стали счастливее и, несомненно, испытали благодарность своим матерям за их мудрую помощь.

Дети – родителям

Не стоит забывать, что в попытках родителей изменяться и совершенствоваться есть замечательные помощники – их собственные дети!

Присматриваясь к детям, мы можем многому у них научиться. Дети очень чуткие и строгие судьи. Они плохо переносят несправедливость, неискренность, нечестность, глупость и грубость взрослых. Они страдают, если что-то из этого замечают в своих близких. Они мечтают об идеальных родителях, но только маленькие дети видят в родителях такой идеал. Довольно скоро они начинают нас строго оценивать.

Пишет пятнадцатилетняя девочка:

У меня большая проблема с мамой. Она все время за мной следит, можно сказать, выслеживает. Я пишу дневник – ведь это очень личное!

А она его разыскивает и читает, приходится его прятать, и вообще пропадает желание писать. А мне так важно довериться кому-то или чему-то, хотя бы страницам дневника!

Еще она подслушивает мои телефонные разговоры, еще подсматривает в окно – куда я иду или откуда прихожу. Разве можно так поступать с человеком?! Такая слежка – неуважение и недоверие ко мне. Все это меня очень обижает, и я не знаю, что делать! Пробовала говорить маме, но она не слушает.

Стоит выразить сожаление, что мать этой девочки не прислушивается к замечаниям и переживаниям дочки, а ведь они касаются ее собственного поведения и дают шанс задуматься о своем моральном облике!

Не только подростки, но и маленькие дети с пристрастием наблюдают, делают ли сами родители то, что требуют от них. В назидание родителям случаются и забавные истории.

Отец с четырехлетним сыном едет в метро. Мальчик взобрался на сиденье, чтобы смотреть в окно. Он стоит на коленках, и его ботинки обращены в сторону стоящих пассажиров. Недовольный отец громко ему замечает:

– Сколько раз я тебе говорил не забираться с грязными ногами на сиденье! Ты можешь испачкать людей. Когда только ты начнешь слушаться?!

На что сын также громко отвечает:

– А сколько раз мама тебе говорила не писать в раковину, а ты ее не слушаешься и все равно это делаешь!

Излишне говорить, что покрасневший папа выскочил с ребенком из вагона на ближайшей остановке.

Порой дети помогают нам не впасть в воспитательные перегибы. Пример, который хочу здесь разобрать, касается частого вопроса: стоит ли награждать ребенка дополнительно за то, что он хорошо себя ведет? При этом имеется в виду плата деньгами за хорошие оценки, за помощь по дому, за соблюдение режима. Вопрос этот вызывает много споров.

На мой взгляд, платить нельзя ни за отметки, ни за мытье посуды, ни за самостоятельное вставание, уборку кровати, чистку зубов, приготовление себе завтрака в школу (этот список взят из практики одной семьи, где существовал настоящий преискусант стоимости подобных «достижений» детей). Ребенок вовлечен в повседневные дела и должен выполнять их – это разумеется

само собой. Платить за них ребенку – значит сбивать его с толку, лишать его представлений о долге, помощи, бескорыстном труде и семейных взаимоотношениях.

Интересно, что дети сами могут чувствовать порочность такой практики. Следующую короткую историю рассказал один отец. Он заметил, что, вообще говоря, в их семье время от времени практиковались небольшие поощрения детей за хорошее поведение, но однажды вечером шестилетний сын сделал ему «неожиданный подарок», который обрадовал его и одновременно заставил задуматься.

Мальчик встретил отца со словами: «Пап, я сегодня сделал доброе дело: помог бабушке на ночь разложить диван. Только ты меня за это ни в коем случае не награждай. А то, какое же это доброе дело, если за него дают награду?!».

Услышав эту историю, я вспомнила одну проповедь православного священника. В ней говорилось о добрых делах и помыслах, что они только тогда истинны, когда несущий их в мир не думает о себе, когда он абсолютно бескорыстен и не ждет награды, даже на том Свете.

И вот, шестилетний ребенок уже понял и прочувствовал эту чистую истину, и так же, как тот священник, с волнением стремился донести ее до сознания взрослого! Я, признаться, до сих пор переживаю это как чудо, которое способны дарить нам дети.

Другая история на тему «учиться у детей» относится к другой стране, другой культуре, но и она о живой и мудрой детской душе. Привожу рассказ американского психолога Мартина Селигмана, в то время президента Американской Психологической Ассоциации.

Однажды я вместе со своей пятилетней дочкой Никки полон сорняки в саду. Должен признаться, что, хотя я и пишу книги о детях, сам не очень умею обращаться с ними. Вообще я целенаправленный и собранный, и если уж взялся полоть сад, то делал это как следует. Никки же, напротив, вела себя беззаботно – подбрасывала сорняки в воздух, пела и танцевала вокруг меня. И я на нее накричал. Она ушла, потом вернулась.

– Папа, я хочу с тобой поговорить.

– Да, Никки?

– Пап, ты помнишь мой день рождения, когда мне исполнилось пять лет? С трех лет до пяти я была плаксой. Я плакала каждый день. Когда же мне исполнилось пять, я решила больше не плакать. Это было для меня самым трудным делом в жизни. И если я могу перестать плакать, то почему ты не можешь перестать быть таким брюзгой?

Это было для меня как гром среди ясного неба – не меньше! Я понял нечто о Никки, о детях, о себе и очень много о своей профессии.

Прежде всего, я понял, что воспитание Никки не в том, чтобы исправлять ее плаксивость. Никки сделала это сама. Воспитание Никки означало признание чудесной силы, которая была в ней заложена, – я назвал бы ее «внутренней силой души»...

Я понял, что воспитывать детей значит гораздо больше, чем исправлять их недостатки. Это значит находить и поддерживать их лучшие качества и помогать им находить применение этих качеств в жизни.

Что касается меня, то Никки попала в самую точку: я был брюзгой. В течение всех 50 лет я был постоянно чем-то недоволен, а последние 10 лет был как туча, нависшая над домом, полным солнечного света. Все, что случилось хорошего, было не благодаря моей ворчливости, а не смотря на нее. И в этот момент я решил измениться!

Мы, таким образом, видим, что дети думают о нас, хотят, чтобы мы изменились к лучшему, стремятся нам в этом помочь.

Мы порой недооцениваем их дружеских стремлений, а зря!

Вместо эпилога

Народная мудрость гласит:

Посеешь поступок – пожнешь привычку,
Посеешь привычку – пожнешь характер,
Посеешь характер – пожнешь судьбу!

Эта истина относится и к жизни взрослого человека, и к воспитанию ребенка. От каких же поступков родителей зависит судьба детей? От очень многих, больших и маленьких! Это и конкретные слова, и ответы на просьбы или капризы, это и вмешательство или невмешательство в дела ребенка, это способы наказания или одобрения, это умения сдерживать эмоции, общаться, разрешать конфликты и многое другое.

Не всегда родителям понятно, как поступать правильно. В одних случаях, кажется, что надо делать одно, в других – прямо противоположное. Никто не владеет абсолютной истиной или универсальными рецептами. Но зато есть опыт успешных воспитателей.

В отдельных главах мы рассматривали позитивные примеры общения взрослых с детьми. Порой могло показаться, что речь шла о слишком мелких подробностях – отдельных словах, интонациях, даже местоимениях (Я или Ты). Но позволю себе высказать глубокое убеждение в том, что мелочей в общении с ребенком не бывает. Одно неверное слово или тон голоса родителя может оставить горький след в душе ребенка, а накопление таких следов – подорвать его веру в себя, привести к отчуждению, а то и к разрыву отношений.

Личность родителей, их «жизненная философия», их приоритеты и ценности создают атмосферу, в которой живет ребенок. От их самых общих личностных свойств и духовных качеств зависит чистота воздуха, которым он дышит.

Есть известная притча.

Идет прохожий и видит – люди что-то строят.

«Что ты делаешь?» – спрашивает он одного каменщика.

«Я укладываю кирпичи», – отвечает тот.

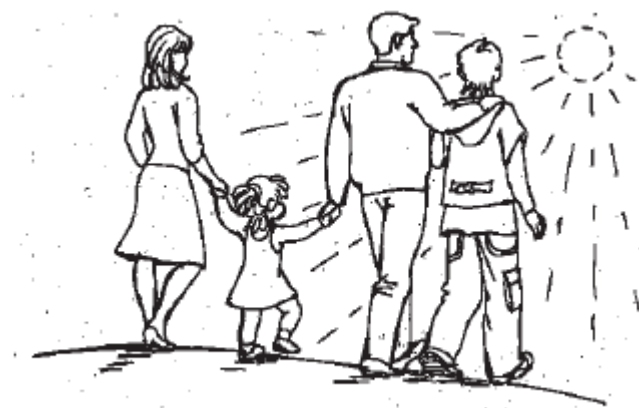
«А ты что делаешь?» – спрашивает он второго.

«Я возвожу стену», – отвечает второй.

«А ты что делаешь?» – спрашивает он третьего.

«Я строю Храм», – был ответ.

Когда мы строим «дом», в котором будет жить наш ребенок, важно заботиться о качестве отдельных «кирпичей» и правильности их «укладки». Но не забудем, что одновременно мы воздвигаем Храм его жизни и судьбы. И от нас зависит, насколько этот храм будет наполнен светом радости и человечности.

Список литературы

- Антоний, митрополит Сурожский. Человек перед Богом. М.: Паломник, 2000. – 383 с.
- Арнольд В. И. Истории давние и недавние. Изд. 2-е. М.: Фазис, 2006.
- Выготская Г. Л., Лифанова Т. М. Лев Семенович Выготский. Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету. М.: Смысл, 1996. – 424 с.
- Звонкин А. К. Малыши и математика. М.: МЦНМО, МИОО, 2006. – 240 с.
- Зейг Дж. К. Испытание Эриксоном. М.: Класс, 1999. – 199 с.
- Киплинг Р. Сказки. М.: Детская литература, 1973. – 158 с.
- Козлова Е. Г. Сказки и подсказки. М.: МЦНМО, 2004. – 165 с.
- Корчак Я. Как любить ребенка. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 352 с.
- Ле Шан Э. Когда ваш ребенок сводит вас с ума. М.: Педагогика, 1990. – 272 с.
- Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1977. – 304 с.
- Лоренц К. Год серого гуся. М.: Мир, 1984. – 191 с.
- Макдональд В. Руководство по субмодальностям. Воронеж: НПО «МОДЕК», 1994. – 89 с.
- Мариенгоф А. Б. Бессмертная трилогия. М.: Вагриус, 2006. – 510 с.
- Марк Аврелий. Наедине с собой. Симферополь: Реноме, 1998. – 384 с.
- Маршак С. Я. Из Редьярда Киплинга. (Соч., т. 3.) М.: Гослитиздат, 1957. – 816 с.
- Монтессори М. Дом ребенка: метод научной педагогики. М.: Астрель, АСТ, 2005. – 269 с.
- Монтессори М. Помогите мне сделать это самому. М.: Карапуз, 2001. – 272 с.
- Нилл А. Саммерхилл – воспитание свободой. М.: Педагогика-Пресс, 2000. – 296 с.
- Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Питер, 1999. – 288 с. (Изд. 3-е. СПб.: Речь, 2004. – 276 с.)
- Портер Э. Поллианна. М.: Глобулус, 2002. – 224 с.

- Сидоренко Е. В. Терапия и тренинг по Альфреду Адлеру. СПб.: Речь, 2000. – 352 с.
- Соловьев С. М. Избранные труды. Записки. М.: Изд. Моск. Ун-та, 1983. – 440 с.
- Тибальди-Къеза М. Паганини. М.: Мол. гвардия, 1981. – 303 с.
- Толстой Л. Н. Детство. Отрочество. Юность. М.: Наука, 1978. – 527 с.
- Толстой Л. Н. Об истине, жизни и поведении. (Круг чтения). М.: Эксмо, 2006. – 992 с.
- Уайльд О. Избранное. СПб.: Кристалл, 1999. – 735 с.
- Флоренский П. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. М.: АСТ, 2004. – 381 с.
- Хейли Дж. Необычайная психотерапия. СПб.: Белый кролик, 1995. – 384 с.
- Цветаева М. Вольный проезд: Автобиографическая проза. СПб.: Азбука-классика, 2001. – 384 с.
- Чуковская Л. Памяти детства: Мой отец – Корней Чуковский. М.: Время, 2007. – 288 с.
- Эльконин Д. Б. Психология игры. М.: Педагогика, 1978. – 304 с.
- Эриксон М. Мой голос останется с вами. СПб.: Петербург–XXI век, 1995. – 256 с.
- Seligman, Martin E. P., Csikszentmihalyi, Mihaly. Positive Psychology: an introduction. *American Psychologist* v. 55(1), 2000, p. 5–14.